

Зинка Вышка – легенда московского суда

Она вынесла приговор знаменитому маньяку «из Мосгаза»

и милиционерам-убийцам по делу МВД против КГБ на «Ждановской»

с. 14–17

ОСНОВАТЕЛИ ЮЛИАН СЕМЁНОВ И АРТЁМ БОРОВИК

ИЗДАЁТСЯ С 1989 ГОДА www.sovsekretno.ru

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

#8 (397) АВГУСТ 2017

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК РАССЛЕДОВАНИЙ

16+

Незалежные соглашения

Как спецслужбы Украины
вели тотальную слежку за дипломатами
России, Греции, Польши, Румынии, Турции,
Израиля и Китая...

АЛЕКСАНДР КЛИЩЕНКО

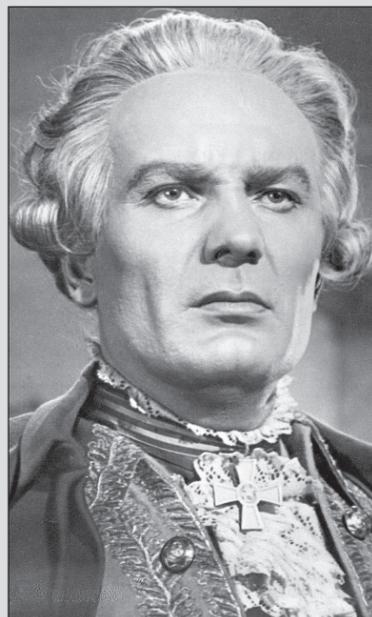
с. 4–9

Как охраняли Фиделя Кастро

Подполковник 9-го
управления КГБ СССР
Сергей Голосов:
«В два часа ночи меня
проинформировали
о том, что Фидель хочет
совершить поездку
по ночной Москве»

с. 25–27

Человек, которому прощали всё

Невыдуманные истории
из жизни выдающегося
советского актёра Ивана
Переверзева – лауреата
Сталинской премии
и секс-символа своего
времени

с. 18–21

Вы можете помочь
детям победить
болезнь, просто
отправив **СМС** на
короткий номер

6162

любая сумма
может спасти
ЖИЗНЬ

СМС пожертвования на лечение
детей с онкологическими и
гематологическими заболеваниями
(от 10 до 15000 рублей).

Услуга бесплатная
и доступна абонентам МТС,
Мегафон, Билайн и ТЕЛЕ2.

Подари Жизнь

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ ГАЗЕТЫ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ 2017 ГОДА
ВЫ МОЖЕТЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ НА ГАЗЕТУ
«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
ВО ВСЕХ ПОЧТОВЫХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ УФПС И ОНЛАЙН.

КАТАЛОГ «РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ» МАП

ИНДЕКС 99265

www.vipishi.ru

КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

ИНДЕКС П4147

www.pochta.ru

ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ. ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ»

И КАТАЛОГ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ» ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ

ИНДЕКС 32209

www.ppressa.rospru

(только для юридических лиц)

ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ОБРАЩАЙТЕСЬ В ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

ГАЗЕТЫ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»: (495) 544-30-45, 544-30-16, 544-30-17

E-mail: savushkina@sovsekret.ru

ПОЛИТИКА

Сергей СОКОЛОВ, Алексей ЧЕЛНОКОВ

«Задание № 686». Как СБУ установила слежку за российским послом

На Украине обострился синдром приобретённого дипломатического иммунодефицита: Служба безопасности Украины ведёт необъявленную войну против дипломатов России, Греции, Польши, Румынии, Турции, Израиля и Китая...

4 стр.

ЭКОНОМИКА

Софья БАРДИНА

Мутные воды питерской «наружки»

Рынок наружной рекламы объёмом в 2 миллиарда рублей стал игрушкой в руках чиновников Санкт-Петербурга.

10 стр.

ПОЛИТИКА

Сергей РОГИНКО

Иллюзия управления климатом

Какие шансы для России даёт выход США из Парижского соглашения ООН по климату.

12 стр.

ОБЩЕСТВО

Андрей КОЛОБАЕВ

Зинка Вышка

Она приговорила к высшей мере наказания маньяка «из Мосгаза» и милиционеров по делу об убийстве майора КГБ на «Ждановской». Зинаида Апарина – легенда Мосгорсуда.

14 стр.

ОБЩЕСТВО/КУЛЬТУРА

Андрей КОЛОБАЕВ

Человек, которому прощали всё

Невыдуманные истории из жизни выдающегося советского актёра Ивана Переверзева – лауреата Сталинской премии и секс-символа своего времени.

18 стр.

КРИМИНАЛ

Игорь КОРОЛЬКОВ

Кульминация дела Бородина

Георгий Чуглазов: «Иные начальники предпочитают прикрывать громкие дела чужими руками. Но если встречаются сопротивление принципиального следователя – как правило, отступают».

22 стр.

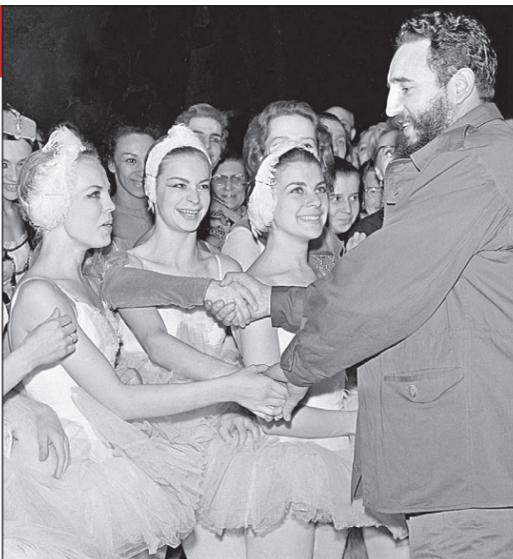
ИСТОРИЯ/XX ВЕК

Алексей БОГОМОЛОВ

Как охраняли Фиделя Кастро

Подполковник 9-го управления КГБ СССР Сергей Голосов: «В два часа ночи меня проинформировали о том, что Фидель хочет совершить поездку по ночной Москве»

25 стр.

ИСТОРИЯ/XX ВЕК

Анатолий ЖУРИН

«Буря» и «Даль» конструктора Лавочкина

Воспоминания учёного Александра Ирлина о его знаменитом дяде – авиаконструкторе Семёне Лавочкине.

28 стр.

ИСТОРИЯ/XX ВЕК

Владимир ЖЕЛТОВ

Дело дочери маршала Блюхера

Интервью с дочерью легендарного командарма Василия Блюхера, кавалера ордена Красного Знамени № 1 и ордена Красной Звезды № 1. «Мне не хочется сводить счёты, мне хочется, вспоминая отца, говорить правду и только правду».

30 стр.

ОБЗОР КНИГ

Алексей МОКРОУСОВ

Как Лев Толстой напугал Столыпина/

«Фактически в материалах УКГБ таких сведений не имелось ...»/

От русского гвардейца до финского маршала

36 стр.

ИСТОРИЯ ВЕЩЕЙ

Анна ЗАЙКИНА, Дмитрий СТАХОВ

Торжество плесени

Почему Зинаиду Ермольеву весь мир знал как Мадам Пенициллин?

38 стр.

КАЛЕНДАРЬ

Владимир ВОРОНОВ

Приятный запах фосгена

Коварная германская газовая атака на русские позиции в августе 1916 года.

Трагедия генерала Самсонова

Битва за Париж в ... Восточной Пруссии.

40 стр.

КАЛЕНДАРЬ/100 ЛЕТ НАЗАД

Владимир ВОРОНОВ

Как это было в августе 1917-го

Из дневников поэта Александра Блока/ Из записок писателя Ивана Бунина/ Из писем писателя Владимира Короленко/ Из дневника командира 60-го пехотного Замосцкого полка Михаила Дроздовского/ Из воспоминаний начальника Генерального штаба Верховного главнокомандующего Александра Лукомского.

42 стр.

БИБЛИОТЕКА

Евгений ЛУКИН

Великая депрессия

Рассказ

43 стр.

КРИМИНАЛЬНОЕ ЧТИВО

Эрве ЭРНЮ

Перевод Сергея НЕЧАЕВА

Наблюдатель

46 стр.

Президент группы компаний «Совершенно секретно»: Вероника БОРОВИК-ХИЛЬЧЕВСКАЯ

Главный редактор: Сергей СОКОЛОВ

РЕДАКЦИЯ: Заместители гл. редактора: Алексей БОГОМОЛОВ, Сергей ФРОЛОВ

Обозреватели: Владимир ВОРОНОВ, Артём ИУТЕНКОВ, Алексей ЧЕЛНОКОВ, Андрей КОЛОБАЕВ

Дизайн-бюро: Инна АЗОРКИНА, Ольга АКСЕНОВА, Александр КЛИЩЕНКО
Бильд-редактор: Галина НЕСТЕРОВА
Корректор: Татьяна РЯШЕНЦЕВА
Проверка: Ирина ШМЕЛЁВА
Юрист: Анжелика АРУТЮНОВА
Web-инженер: Дмитрий ГОНЧАР

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ: Александр БЕНЕНСОН, Михаил КАТЫШЕВ, Василий ЛИВАНОВ, Михаил ЛЮБИМОВ, Лариса РЕШЕТНИКОВА, Леонид РОШАЛЬ, Александр СТРУЕВ

Учредитель: ООО «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-НЬЮПРЕСС»
Генеральный директор: Сергей ПЛОТНИКОВ

Адрес редакции и учредителя: 121099, Москва, Композиторская ул., д. 17

E-mail: sovsek@sovsek.com
Тел/факс редакции: +7 (495) 544 30 37

ОТДЕЛ РЕКЛАМЫ: Директор Людмила БИРЮКОВА
+7 495 544 30 36; e-mail: lba@topsecret.cnt.ru

ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ: Директор: Ирина САВУШКИНА
+7 495 544 30 45; e-mail: savushkina@sovsekret.ru
ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ: +7 495 544 30 18

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. СВИДЕТЕЛЬСТВО о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-58625 от 11.08.2014 г. Подписные индексы: 32209, 99265

Номер подписан в печать 27.07.2017 г. Время подписания в печать: по графику – 14.00, фактически – 13.59

Общий тираж газеты: 654 080 экз. Читательская аудитория: 2 млн 300 тыс. Цена свободная. Газета печатается в городах: Алматы, Киев, Рига, Тарту, Тбилиси, Хабаровск

Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать не заказанные ею рукописи и иллюстрации. Перепечатка материалов, их использование в любой форме, в т.ч. в электронных СМИ, возможна только с разрешения редакции. Ссылка на «Совершенно секретно» обязательна.

Редакция не несет ответственности за содержание рекламы. Точки зрения редакции и авторов не всегда совпадают.

© «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-НЬЮПРЕСС», 2017

ИМПОРТЕР В БЕЛАРУСЬ: ООО «Росчерк» г. Минск, ул. Сурганова, 57 Б, офис 123; тел: +375 17 331 94 27 (41)

ДИСТРИБЬЮТОРОМ ГАЗЕТЫ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ ЯВЛЯЕТСЯ: ООО «Издательский дом «Гранд Экспресс» Директор: Станислав ГЛУХОВ 680000, г. Хабаровск, Уссурийский б-р, 9а; тел: +7 4212 309 980

ДИСТРИБЬЮТОРАМИ ГАЗЕТЫ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» В БЛИЖНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ ЯВЛЯЮТСЯ: ООО «Совершенно секретно-Украина» Директор: Алексей ВЛАДИМИРОВ 04080, г. Киев, ул. Фрунзе, 104, этаж 6, к. 27 Адрес редакции: 04073, г. Киев, Курневский пер., 17-г тел: 8 10 380 44 207 97 11

ООО «Планета» Грузия, Армения, Азербайджан Ген. директор: Мераб ЧАНЧАЛАШВИЛИ Адрес редакции: 0105, Грузия, Тбилиси, ул. Манджгаладзе, д.14 тел: 8 10 (9 9532) 293 3873, 8 10 (9 9532) 299 9545 Адрес для корреспонденции: 0105, Грузия, Тбилиси, ул. Пушкина, д. 6

ТОО «Мир пресс» Казахстан, Узбекистан, Киргизия Директор: Оксана САПРИНСКАЯ 050004, г. Алматы, Ауэзовский район, ул. Утеген Батыра, 76а, оф. 406; тел: +7 (727) 276 0558, +7 (727) 277 0236

SIA «ZIME» Член правления: Елена УСТИНОВА Рига, Латвия, ул. Мартьяна 9, LV 1048

Отпечатано в АО «Полиграфический комплекс «ЭКСТРА М». 143405, Московская область, г. Красногорск, автодорога «Балтия», 23 км

Тираж 91 400 экз. Заказ 17-07-00385

«ЗАДАНИЕ № 686». КАК СБУ УСТАНОВИЛА СЛЕЖКУ ЗА РОССИЙСКИМ ПОСЛОМ

На Украине обострился синдром приобретённого дипломатического иммунодефицита: Служба безопасности Украины ведёт необъявленную войну против дипломатов России, Греции, Польши, Румынии, Турции, Израиля и Китая...

Сергей СОКОЛОВ
Алексей ЧЕЛНУКОВ

«Совершенно секретно»

Недавно Евросоюз открыл свои границы для украинцев, предоставил им право безвизового въезда в Европу. Конечно, для простого украинского народа это благо. Но знали бы комиссары ЕС, перед какой коварной и лицемерной попрошайкой в лице киевской власти они добродушно распахнули свои двери. В рамках совместного расследования газеты «Совершенно секретно» и Агентства федеральных расследований FLB.ru «Раскрываем тайну гибели «Боинга-777», рейс МН17» мы получили от нашего «источника N» несколько документов, не относящихся напрямую к делу «Боинга», но также свидетельствующих о циничной, нарушающей все международные договоры деятельности киевской охраны – Службы безопасности Украины.

Заявляя на каждом углу о том, что «Украина – цэ Европа», мечтая о европейской интеграции, Пётр Порошенко и его генералы СБУ вот уже несколько лет дают санкции на прослушку и слежку за дипломатами из стран Европейского союза. Такая вот интеграция по-украински.

В списке «разрабатываемых объектов» нас не удивляет только присутствие российских и польских дипломатов. С Россией, понятно, киевские национал-шовинисты ведут шизофреническую войну, а Польша давно уже заявила, что в Европейском союзе нет места «героям Украины» Шухевичу, Бандере и их последователям, каковыми, по сути, является вся порошковская рать.

ОБЪЕКТ РАЗРАБОТКИ – ЗУРАБОВ

Бывший (1999–2004) руководитель Пенсионного фонда РФ, бывший (2004–2007) министр здравоохранения РФ Михаил Зурабов был назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации на Украине в августе 2009 года. Возможно, когда-нибудь Михаил Юрьевич напишет воспоминания про эти стрессовые 7 лет, которые он проработал в ранге посла, в слетевшей с катушек Украине. Ющенко, Янукович, Порошенко. Майдан. Крым. «Боинг». Кровавая гражданская бойня на Донбассе. Участие в переговорах контактной группы в Минске. Очумелые украинские неонацисты,

Чрезвычайный и полномочный посол РФ Михаил Зурабов (2009–2016)

постоянно блокирующие посольство в Киеве...

В России Михаил Зурабов в качестве главы Пенсионного фонда и министра здравоохранения оставил о себе не самую добрую память. А вот о деталях его непростой и опасной работы послом России в Киеве мы узнаём только сейчас. Все эти годы, до отставки в июле 2016-го, Зурабов провёл на дипломатической передовой. И копия совершенно секретного документа СБУ, которую нам удалось получить, это полностью подтверждает.

Перевод документа № 1

Дополнение 1

к п. 3.1 Инструкции о порядке организации и проведения оперативных мероприятий подразделениями оперативного документирования Службы безопасности Украины

Вх. № 1/4/1-6508

Форма №1

Дата поступления 18.05.15 г.

Совершенно секретно

Гриф ограничения доступа
(после заполнения)

РАЗРЕШАЮ

Руководитель Службы безопасности Украины генерал-полковник В. Наливайченко

18.05.2015 года

ЗАДАНИЕ № 686

на проведение мероприятия оперативного документирования

Начальнику Департамента ОД полковнику Потиевскому (Потієвському О.)

(должность, воинское звание, фамилия и инициалы руководителя подразделения, который проводит мероприятие)

1. Прошу провести (нужное подчеркнуть):

Оперативную установку

I. категории сложности

II. категории сложности

III. категории сложности

2. Сведения об объекте:

– фамилия Зурабов

– имя Михаил

– отчество Юрьевич

– год рождения 1953

– гражданство РФ пол мужской

– место рождения Ленинград

– место работы, должность, должность Посол РФ, ул. Панфиловцев, д. 5, г. Киев, 01015.

– место проживания (регистрация)
г. Киев, ул. Панфиловцев, д. 5.

3. Ориентировка на объект: проинформирован спецслужбой РФ, имеет связи с госслужащими

(информированность о формах и методах оперативно-розыскной и контрразведывательной работы, причастность к ОЗК, террористических организаций, наличие связей с государственными служащими 1–3-й категории, сотрудниками правоохранительных органов, работниками средств массовой информации).

4. Основания для проведения мероприятия: СОКР (дело оперативной разработки. – Ред.) «1624» от 12.04.2014 наличие достаточной информации о разведывательно-подрывной деятельности с/с (спецслужб. – Ред.) иностранных государств, организаций, групп и лиц в отношении Украины

(обозначается вид и номер оперативно-розыскного дела, дела предыдущего значения, дата его заведения, оперативная классификация объекта, необходимость оформления допуска к гостайне и работе с ядерными материалами и др. Согласно статье 6 Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» и статье Закона Украины «О контрразведывательной деятельности»).

5. Результаты проверок по оперативным учётам СБ – МВД Украины, региональными адресными бюро. По АДБ установлено: по учётам СБ – МВД не проходит.

РАСПИСКА

Задание № 686

Получил Баранецкий Р.
18.05.2015

6. Цель мероприятия: Получить фото и копию формы 1. Получение информации о корреспонденции

(обозначить конкретные вопросы, на которые важно получить информацию, на что обратить особое внимание).

7. Дополнительные сведения: Проводилось в рамках СОКР

(установленные связи, ранее проведённые оперативные и следственные мероприятия, предыдущие адреса проживания).

СПРАВКА

(заполняется сотрудником оперативной установки по результатам выполненного задания)

8. Материалы направить ДКР (департамент контрразведки. – Ред.) СБ Украины

Начальник подразделения – инициатора мероприятия

Начальник ДКР СБ Украины полковник (неразборчиво)

18.05.2015 года

Инициатор Баранецкий Р.
Телефон КЗ (неразборчиво)

Как видим, в оперативную разработку СБУ («дело СОКР «1624») российский посол попал ещё 12 апреля 2014 года, через месяц после референдума и воссоединения Крыма с Россией. Повод для слежки и перлюстрации его дипломатической корреспонденции прост, как украинская галушка – Михаил Зурабов, оказывается, занимался «разведывательно-подрывной деятельностью». Не посол, а целый диверсант в степях Украины. Целый год наш дипломат был в оперативной разработке, а к маю 2015 года Валентин Наливайченко (теперь уже бывший глава СБУ) озадачил некоего оперативника из департамента документирования Р. Баранецкого заданием № 686, первой категории сложности – добраться до переписки посла. Что из этого вышло, мы не знаем. Графа о результатах выполненного задания в этом документе на тот момент была не заполнена.

Документ № 1

Форма № 1
Целесообразно
Гриф ограничения доступа
(после зашифрования)

Вх. № 44/1-6508
Дата надходження 18.05.15р

Договор 1
до п. 3.1 Інструкції про порядок організації та здійснення оперативних установок підрозділами оперативного документування Служби безпеки України.

Формально
Укроборона
генерал-майор
2015 року

Завдання № 686
на проведення заходу оперативного документування
Начальнику Держинформ СБ полковник Баранецкий Р.
(посла, військового завісання, приїзду в місто і т. ін. в порядку контролю, що здійснює захист)

1. Прошу провести (потрібне підкреслити):
Оперативну установку I. категорії складності
II. категорії складності
III. категорії складності

2. Відомості про об'єкта:
✦ прізвище Зурабов
✦ ім'я Михайл
✦ по батькові Михайлович
✦ рік народження 1953 громадянство РФ стать 4.
✦ місце народження Ленінград
✦ місце роботи, посада Росія РФ, ул. Піннірівська, б. 5,
м. Київ, 04015.
✦ місце проживання (реєстрація) м. Київ, к.п. Панфиловцев, б. 5.
3. Орієнтування про об'єкта: проінформовано спеціальними
РФ, має зв'язки з держслужбовцями
(сповіщено про форми та методи оперативно-розыскної і контррозведывательної роботи, належність до ОЗК, террористичних організацій, наявність зв'язки з членами державних службовців 1-3 категорії, співробітниками правоохоронних органів, традиційна засоби масової інформації)

4. Підстави для проведення заходу СОКР, 1624 від 12.04.2014
(зазначається вид і номер оперативно-розыскного або контррозведывательного справи, наявність достатньої інформації про розведывально-підривну діяльність с/с іноземних держав, справи попереднього значення, дата її заведення, оперативна класифікація об'єкта, необхідність оформлення допуску до державних та організацій, груп та осіб стосовно України роботи з ядерними матеріалами та ін. Відповідно до статті 6 Закону України «Про оперативно-розыскну діяльність» та статті Закону України «Про контррозведывальну діяльність»)

5. Результати перевірок за оперативними обліками СБ-МВС України, регіональними адресними бюро За АДБ встановлено: за обліками СБ-МВСУ не проходить

РОЗПИСКА

Завдання № 686
Одержав Баранецкий Р.
18-05-2015р.

8. Матеріали надіслати ДКР СБ України

Начальник підрозділу ініціатора заходу
Наливайченко Валентин
18-05-2015 року
Ініціатор КЗ. 1175

газета «Совершенно секретно»
Sovsekretno.ru FLB.ru

Документ № 1

Мы написали письмо официально-представителю МИД РФ Марии Захаровой с просьбой помочь нам взять интервью у бывшего посла на Украине Михаила Зурабова. Ответ получили дипломатически уклончивый, якобы МИД не знает, как найти Михаила Юрьевича. Пусть так. Но копию документа СБУ «об оперативном документировании» Зурабова мы в МИД отправили. Для истории.

ПРОСЛУШКА ТЕЛЕФОНОВ ГЕНКОНСУЛА РФ

Видимо, весной 2015 года СБУ накрыл приступ шпиономании на пару с паранойей. Натравили ищек на посла Зурабова в Киеве, а в Одессе завели контрразведывательное дело № 1/1098 и организовали прослушивание телефонов Генерального консула России Валерия Шибенко. Вся эта сыскная вакханалия напрочь нарушает Венскую конвенцию о дипломатических сношениях 1961 года. Но при этом в данном случае начальник УСБУ по Одесской области генерал-майор Сергей Батраков сделал вид, что соблюдает законность, и направил председателю Апелляционного суда Одесской области А.В. Луначенко запрос под грифом «совершенно секретно» о необходимости «проведения мероприятий по контролю за телефонными разговорами»... представителя дипмис-

сии, обладающего, как известно, дипломатическим иммунитетом. Украина – цэ ж Европа, вы помните?

Перевод документа № 2

Совершенно секретно

Экз. №1

«ЛИЧНО»

Председателю Апелляционного суда

Одесской области

Луначенко А.В.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

на получение разрешения на проведение мероприятий по контролю за телефонными разговорами по месту жительства, работы и временного пребывания

«6» май 2015 г.
г. Одесса

В производстве Управления СБ Украины по Одесской области находится контрразведывательное дело № 1/1098, которое заведено 8 февраля 2015 года по классификации «Разведывательная деятельность спецслужб иностранных государств, групп и лиц в отношении Украины» в отношении гражданина России – Шибенко Валерия Геннадьевича, уроженца РФ,

ВРИО Генерального консула в г. Одессе (г. Одесса, ул. Гагаринское плато, 14);

В ходе осуществления контрразведывательных мероприятий в установленном

законом порядке получены данные, указывающие на возможную причастность Шибенко Валерия Геннадьевича к спецслужбам РФ, действующим на территории г. Одессы и проведение им разведывательной деятельности, направленной во вред государственной безопасности Украины.

От лиц, конфиденциально сотрудничающих с органами СБУ, получена информация о наличии регулярных контактов Шибенко Валерия Геннадьевича с лицами, которые обоснованно подозреваются в причастности к кадровому составу военной разведки, контрразведки, ГР Управления РФ.

Кроме этого, гражданин России имеет устойчивые связи среди представителей местных органов власти, правоохранительных и контролирующих структур города и соответственно имеет реальные возможности получать разноплановую разведывательную информацию.

Таким образом, полученная информация свидетельствует о том, что Шибенко Валерий Геннадьевич, возможно, используется спецслужбой РФ в качестве информатора на конфиденциальной основе, и указывает на наличие в его действиях признаков причастности к разведывательной деятельности в отношении Украины, что может привести к совершению преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 114 УК Украины.

Осуществление контрразведывательных мероприятий согласно п.п. 1, 2, 4, 5 ст. 7 Закона Украины «О контрразведывательной деятельности» не позволило получить фактически данные о противоправных действиях Шибенко Валерия Геннадьевича, поскольку вышеуказанное лицо соблюдает меры конспирации и тщательно скрывает их от окружения.

Учитывая изложенное, в целях предупреждения, своевременного выявления и пресечения разведывательных посягательств на государственную безопасность Украины, получения разведывательной информации в интересах контрразведки и в связи с невозможностью получить необходимые данные другими средствами, руководствуясь ст. 17, 30, 31 Конституции Украины, п. 6 ст. 7 Закона Украины «О контрразведывательной деятельности»,

ПРОШУ:

Предоставить разрешение на проведение в отношении гражданина России – Шибенко Валерия Геннадьевича Центром оперативно-технических мероприятий УСБУ по Одесской области и Департаментом ОТС СБУ по снятию информации с каналов телефонной связи и контролю телефонных разговоров, мобильный телефон: +3806748843XX (полный номер есть в редакции), абонент представительства ГК России в г. Одессе, тел. 380487841542; тел. 380487841544; тел. 0487841546; и почтовых отправлений по месту его временного пребывания г. Одесса, ул. Гагаринское плато, 14 инд. 65009.

Меры по Шибенко Валерию Геннадьевичу проводить сроком до 15 июня 2015 года.

Начальник ГВ контрразведки
УСБУ по Одесской области
полковник Г. Белый
«6» мая 2015 года

Утверждаю:
Начальник Управления СБ
Украины по Одесской области
генерал-майор С. Батраков
«6» мая...

Интересно, что генерал-майор Сергей Батраков и начальник одесской контрразведки Г.Б. Белый признают, что, несмотря на доносы «лиц, конфиденциально со-

труднящихся с органами СБУ», они не располагают «фактическими данными о противоправных действиях Шибенко», а чтобы обнаружить таковые, им необходимо организовать прослушку. Вот и получается замкнутый круг безысходной некомпетентности: контрразведывательное дело заведено, а компромата нет, и приходится генералу с полковником нарушать международное право. А что делать – вынуждены выполнять приказы киевского руководства, заболевшего маниакально-русофобским синдромом.

Кстати, 3 мая 2017 года начальник управления Службы безопасности Украины по Одесской области Сергей Батраков был уволен указом целого Петра Порошенко. Разумеется, его отправили в отставку не из-за слежки за дипломатами.

Зато при делах пока остаётся другой подписант этого запроса, начальник одесской контрразведки полковник Г.Б. Белый (он же Білий). В начале июня в процессе расследования мы обнаружили и опубликовали «Список осведомителей СБУ в Одессе», составленный этим пытливым, но рассеянным контрразведчиком.

А компромат на Генконсула России в Одессе всё-таки нашёлся! И нашёл его лично сам глава СБУ Валентин Наливайченко, спустя месяц после начала «прослушки». В своём письме от 16 июня 2015 г. № 600 (Секретно, экз. 1), адресованном лично начальникам СБУ по Одесской, Николаевской и Херсонской областям, Наливайченко нашёл признаки диверсионной деятельности Шибенко:

(См. документ № 3. «Относительно вероятных направлений деятельности спецслужб РФ на территории Украины»)

«В результате КРЗ поиска по линии противодействия с/с РФ получена информация, что на данном этапе основными направлениями российской стороны на территории Украины являются экономическая и гуманитарная сфера с целью создания условий для расширения российского присутствия, закрепление позиций и российского капитала в экономике государства.

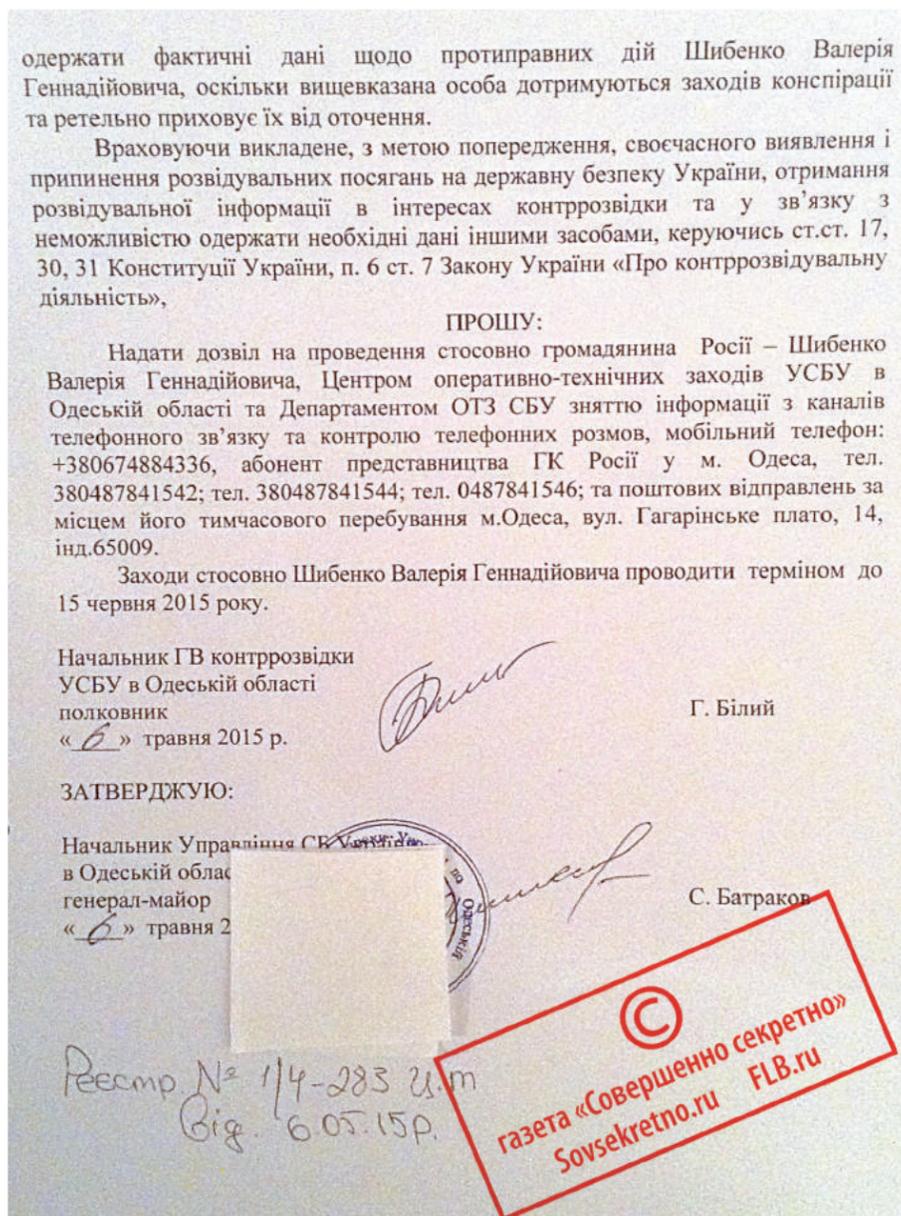
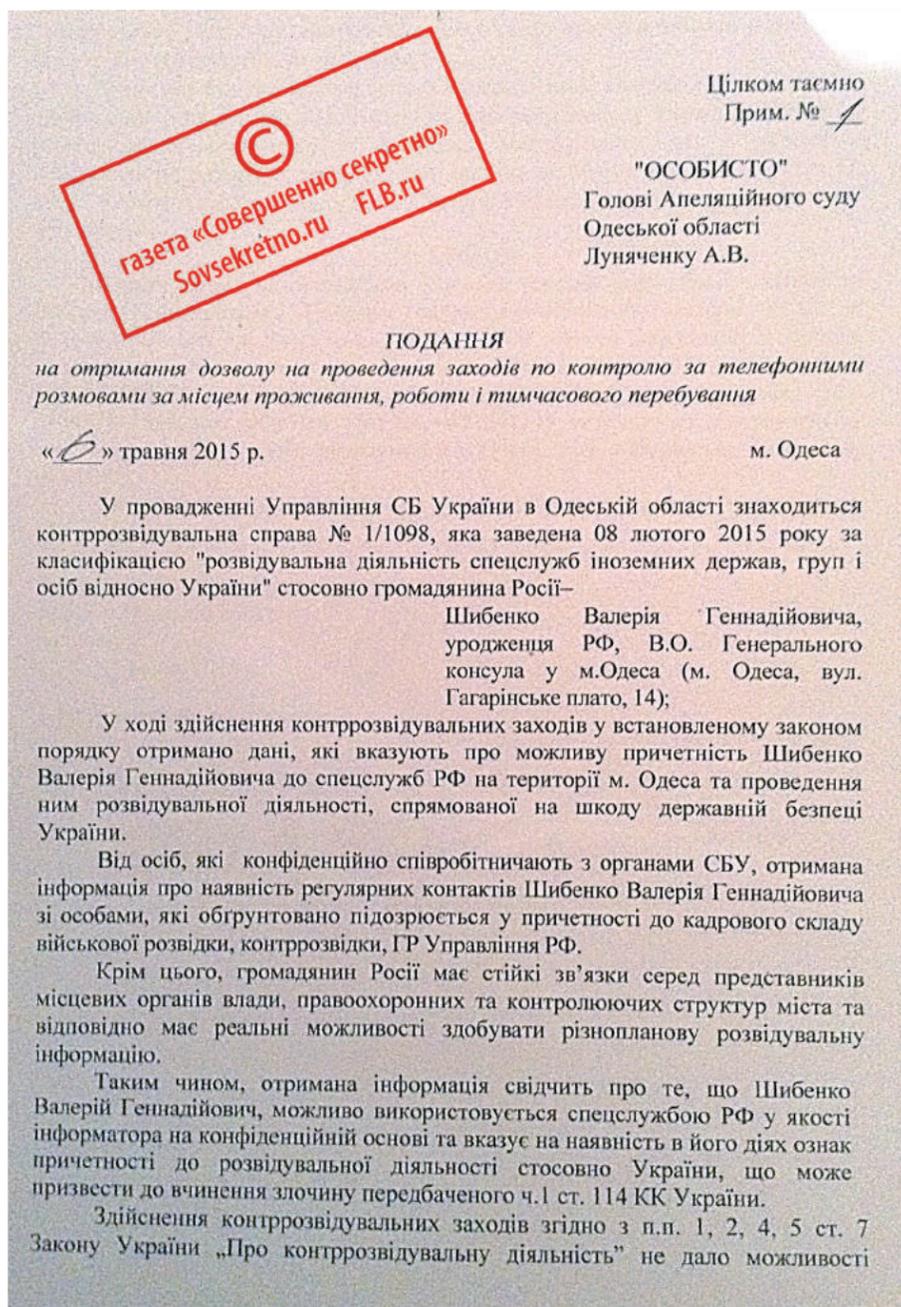
...Так, по имеющимся данным, Генконсул России в Одессе инициированно встречается с председателем Одесского областного совета и его заместителями. Неоднократно посещал и проводил встречи с руководством Одесского морского порта, сосредоточивал внимание на Одесской областной Федерации парусного спорта...

Имеющиеся материалы свидетельствуют об активизации деятельности российской стороны по гуманитарному и религиозному каналу. Россияне активно применяют приёмы популяризации своей культуры и языка в странах своих стратегических интересов, включая Украину. В г. Одессе, Николаеве, Херсоне об этом свидетельствует открытие центров изучения русского языка и культуры при вузах. Ежегодно проводятся всеукраинские олимпиады по русскому языку среди вузов, культурные и развлекательные мероприятия, направленные на внедрение положительного отношения к России со стороны украинского населения», – писал в своём директивном письме глава украинской тайной полиции.

О ужас! Проводятся олимпиады по русскому языку и культурные мероприятия, «направленные на внедрение положительного отношения к России». И бороться со всем этим российским беспределом Наливайченко предписывает путём «организации совместных контрразведывательных мероприятий»...

«ИСПОЛЬЗУЯ 2 ДОВЕРЕННЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ СБУ»

Вообще, по свидетельству нашего «источника N», «киевская охранка и её одесский филиал, несмотря на свою подлость и жестокость, напоминают рынок Привоз, где всё можно купить и продать. Наверное, за это и попёрли взашей генерала Батракова»... (Напом-

Документ № 2

ним, что наш «источник N» – это тот самый человек, который вместе со своими коллегами потратил немало сил и средств для того, чтобы добыть эти и другие документы в рамках нашего расследования «Раскрываем тайну гибели «Боинга-777», рейс МН17».)

И поэтому с особым удовольствием мы публикуем сегодня копию секретной справки СБУ, которая наверняка поможет российскому генконсульству в Одессе избавиться от назойливых украинских сексотов и эсбэушников под прикрытием.

Перевод документа № 4

Экз. № 1

Резолюция: «Выполнено. К делу СОКР 3194» Секретно

Подпись: п-к Белый Г.Б.

Справка

о результатах взаимодействия с ОДР СБУ по линии противодействия спецслужбам РФ на территории Одесской области

Подполковник Феденко Ю.С. (ВВ МВСУ) (внутренние войска МВД Украины). – Ред.)

– предоставление информации по результатам встреч с сотрудниками ГК РФ с позиции представителей подразделения охраны ВВ МВСУ;

– оперативное и своевременное получение информации об изменениях в обстановке на территории ГК РФ в г. Одессе;

– под прикрытием и используя оперативные возможности, обеспечивать непрерывный оперативный контроль, используя 2 доверенных лиц органов СБУ, за фигурантами СОКР «Сосед». Предоставление данных о новых сотрудниках консульства;

– предоставление информации в отношении сотрудников консульства;

– способствовать обеспечению проведения мероприятий ВС по объекту СКП «Кацап» (объект «30-Т»).

Подполковник Феденко Ю.С. (КП по обслуживанию диппредставительств)

– создание условий для проведения оперативно-технических мероприятий по объекту «30».

– Под легендой объекта прикрытия проводить ознакомительные беседы с рядом дипломатов ГК РФ.

– Обеспечение условий сохранения технического оборудования.

– С целью получения своевременной оперативно-значимой информации под легендой объекта прикрытия принимать участие в двусторонних переговорах.

Подполковник Демиденко В.Е. (представительство МИД)

– Своевременное предоставление данных о российских дипломатах и технических сотрудниках ГК, прибывающих на работу в диппредставительство, с представлением ксерокопий их фото.

Полковник Жолобов В.О. (органы власти)

– Предоставление информации о планируемых визитах европейских делегаций в местные органы власти, их результатов, а также встреч дипломатов с чиновниками.

Возможности ОДР СБУ по линии миграционной сферы не используются в связи с отсутствием обращений граждан России о получении статуса беженцев и получения вида на постоянное жительство.

Начальник 1 отдела ГВ
КР УСБУ по Одесской области
подполковник

А. Зубков

17.07.2015

Исх. 1/4/1 – 1930

От 17.04.2015 г.

Вот так, увидите Феденко, Демиденко и Жолобова – гоните их взащей! Против Генконсульства РФ в Одессе непосредственно работают под разными прикрытиями три старших офицера СБУ: полковник В. Жолобов, подполковник В.Е. Демиденко и подполковник Ю.С. Феденко. Жолобов, видимо, самый представительный из них, выдаёт себя за высокопоставленного чиновника и действует от лица местных органов власти. В сфере его компетенции находятся все связи местной власти с европейскими дипмиссиями.

Подполковник Демиденко залегендирован под сотрудника МИД Украины, в его служебные обязанности входит сбор персональной информации о работниках генконсульства, у него есть возможность рыться в их официальных документах и ксерокопировать их.

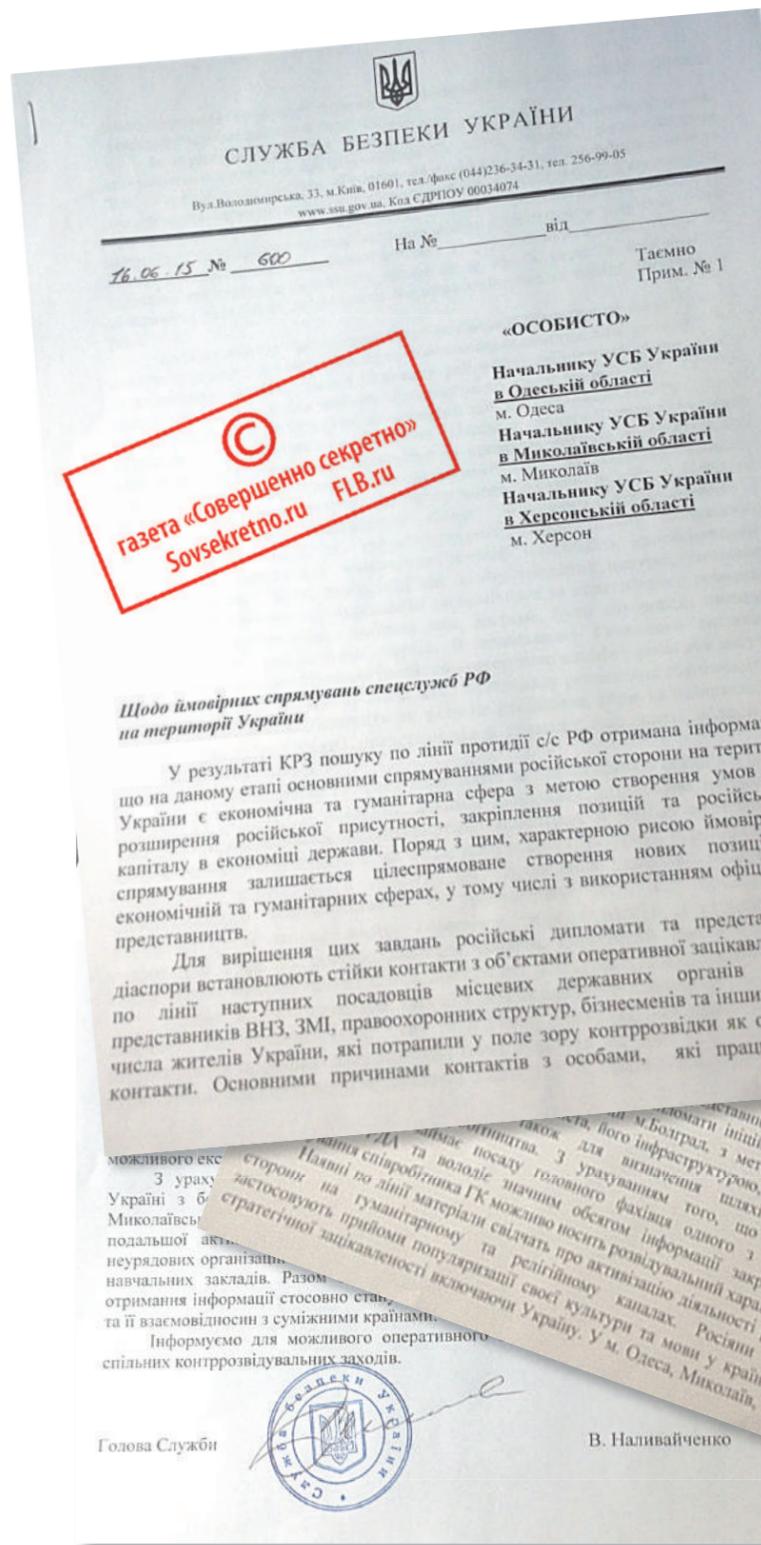
А самый широкий круг обязанностей, как водится, достался представителю наименее престижного ведомства – МВД. На подполковника Феденко свалили ворох хлопотливых дел: докладывать о всех встречах с сотрудниками генконсульства; используя двух агентов, «обеспечивать непрерывный оперативный контроль»; проводить «мероприятия» по объекту «30-Т» («Кацап») и объекту «30» (скорее всего, это здание генконсульства); «проводить ознакомительные беседы с дипломатами ГК РФ» и пр., и пр.

Как видим, СБУ всерьёз пытается опустить на Генконсульство России свой колпак. Но последняя фраза в этой справке выдаёт главную печаль украинской охраны/«безопасности»: ни один из граждан России не обратился к официальным властям в Одессе с просьбой предоставить ему статус беженца или выдать вид на жительство. Разве что кроме серийной предательницы Маши Гайдар...

СПЕЦОПЕРАЦИИ СБУ ПРОТИВ ДИПЛОМАТОВ ЕС

Ещё раз повторим, нас не удивляют недружественные действия СБУ против российских дипломатов. Киевская власть живёт в парадигме «во всех бедах Украины виновата Россия» – так проще скрывать от украинского народа свои грехи идиотизма и мздоимства. Но вот агрессивная охота за дипломатами стран Евросоюза и других государств нас впечатлила. Причём это не случайные проявления враждебности. Свои преступные оперативные мероприятия «по документированию» дипломатических работников они планируют загодя – на полгода-год вперёд. Это доказывает, например, секретный «План основных организационных, контрразведывательных и оперативно-розыскных мероприятий Главного отдела контрразведки Управления СБ Украины по Одесской области на 2-е полугодие 2015 года». (Совершенно секретно, экз. 1). Это подробный 14-страничный документ, утверждённый уже знакомым нам начальником Управления СБ Украины по Одесской области генерал-майором Сергеем Батраковым. А составил план 22 мая 2015 года всё тот же начальник одесской контрразведки Г.Б. Белый.

Скучный на первый взгляд «производственный план» наполнен романтикой профессии тайной полиции. Тут вам и объекты «500/700/900», занимающиеся разведывательно-подрывной деятельностью, и оперативные дела СОКР «Викинги», СКП «Учитель», и проведение комплекса оперативно-технических мероприятий СК-100, 110, и проведение мероприятий «БАРЗ» и «Радий-В». В общем, полный набор шпионской лирики. Только за всем этим кроется примитивная прослушка и слежка за дипломатами дружественных Украине стран. От стоящего на коленях Порошенко, униженно просящего пустить Незалежную «перено-

Документ № 3

чевать» в Европу, Евросоюз такого явно не ожидал.

Перевод фрагментов документа № 5

КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ДИПЛОМАТОВ

1.5. В рамках предупреждения и пресечения разведывательно-подрывной деятельности специальных служб объектов «500/700/900» осуществить следующие мероприятия:

1.5.1. С целью выявления разведывательных устремлений иностранных спецслужб в отношении конкретных проблем, отраслей, объектов и лиц в Южном регионе, во взаимодействии с заинтересованными территориальными органами СБУ, осуществить (в течение 2-го полугодия) контрразведывательное сопровождение поездок иностранных дипломатов по территории Украины.

Исполнитель: Зубков А.Д.
Ответственный: Белый Г.Б.

1.5.2. В рамках СОКР «Викинги», СКП «Учитель», осуществлять (в течение 2-го полугодия) соответствующие контрразведывательные мероприятия, направленные на выявление и документирование форм и методов проведения разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб под дипломатическим прикрытием, а также пресечение их противоправной деятельности в ущерб государст-

и иностранных консульских учреждений и официальных представительств, организовать проведение Центром ОТЗ Управления мероприятий «БАРЗ» и «Радий-В» (постоянно).

Исполнитель: Зубков А.Д.
Ответственный: Белый Г.Б.

«ПРОДВИЖЕНИЕ В ПОЛЕ ЗРЕНИЯ ОБЪЕКТА «АПОЛЛОН», ОПЕРАТИВНОГО ИСТОЧНИКА СБУ»

Работа СБУ против Греции. Пункт 1.4. «Плана...» свидетельствует, что одесская охранка увлечённо следит за дипломатами Греции – государства Евросоюза, куда так стремится Украина. А ведь она ещё и к блоку НАТО мечтает присоединиться.

Будет отличным союзником, в лучших традициях Мазепы. Для греков СБУ разработала спецоперацию под кодовым названием «Аполлон», чтобы, как говорится в документе, «противодействовать разведывательной деятельности спецслужб Греции, которые работают с позиции Генконсульства Греции в г. Одессе». В рамках этой спецоперации «безопаска» планировала в 2015 году подослать к греческому дипломату своего провокатора, «который своим служебным положением может заинтересовать иностранного дипломата как источник информации».

1.4. По линии противодействия разведывательной деятельности спецслужб Греции, которые работают с позиции ГК Греции в г. Одессе, с учётом добытых данных по разведустремлениям греческой стороны, в рамках СКП «Аполлон», с целью выявления и документирования фактов проведения объектом разведывательной деятельности и установления его источников информации в среде граждан Украины, провести ОТЗ-«14» и «16». Провести анализ добытых материалов и направить их (2-й квартал) в ДКР СБ Украины.

Исполнитель: Зубков А.Д.
Ответственный: Белый Г.Б.

1.4.1. Подготовить (июнь) условия для осуществления контрразведывательных мероприятий, направленных на продвижение в поле зрения объекта СКП «Аполлон», подготовленного оперативного источника органов СБУ, который своим служебным положением может заинтересовать иностранного дипломата как источник информации.

Исполнитель: Зубков А.Д.
Ответственный: Белый Г.Б.

«Греция поддерживает Украину в процессе европейской интеграции», – радостно заявил Пётр Порошенко во время встречи в феврале 2017 года с премьер-министром Греции Алексисом Ципрасом, прибывшим на Украину с рабочим визитом. Интересно, знает ли Алексис Ципрас, что за греческими дипломатами подсматривают в замочную скважину?

«ОСУЩЕСТВИТЬ ПРОВЕРКУ СОТРУДНИКА ГЕНКОНСУЛЬСТВА ПОЛЬШИ»

Работа СБУ против Польши. «Тёплые» отношения Украины с Польшей давно на слуху. И план основных оперативно-розыскных мероприятий СБУ это в очередной раз подтверждает:

1.7. С целью организации контрразведывательных мероприятий по линии противодействия разведывательно-подрывной деятельности спецслужб Республики Польша осуществлять (постоянно) мероприятия по выявлению в

Начальник Управления СБУ по Одесской области генерал-майор Сергей Батраков

► действиях польских дипломатов фактов установления устойчивых контактов с влиятельными жителями региона, имеющими польские корни, выявлению и установлению среди посетителей Генконсульства республики Польша в г. Одессе устойчивых связей с польскими дипломатами, с целью их проверки и изучения; получение сведений по привлечению польскими дипломатами граждан Украины для негласного сотрудничества, разоблачения признаков вовлечения иностранцами украинских граждан для добывания информации ограниченного доступа и открытой информации экономического и социально-политического характера.

Исполнитель: Зубков А.Д.

Ответственный: Белый Г.Б.

1.7.1. В рамках работы по СКП «Струк» № 1/1153 провести (в течение 2-го полугодия) комплекс контрразведывательных мероприятий, направленных на выявление и оперативное документирование фактов возможного использования объекта дела «Струк» одним из дипломатов ГК РФ в г. Одессе в качестве информированного источника, а также с целью обеспечения благоприятных условий для осуществления разведывательной деятельности на территории Украины.

Исполнитель: Зубков А.Д.

Ответственный: Белый Г.Б.

1.7.2. Согласно полученного из УКРП ДКР СБ Украины согласования, осуществить (в течение 2-го полугодия) проверку в рамках отдельного СКП сотрудника Генерального консульства Республики Польша в г. Одессе.

Исполнитель: Зубков А.Д.

Ответственный: Белый Г.Б.

«ПУТЁМ ПОДВЕДЕНИЯ ОПЫТНОЙ АГЕНТУРЫ ОСУЩЕСТВИТЬ ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУМЫНСКОГО ДИПЛОМАТА»

Работа СБУ против Румынии. «Хорошие соседи и верные друзья», как поётся в детской песенке. Несколько пунктов «Плана...» одесской охраны посвящено спецоперации «Соседи», разработанной

для борьбы с дипломатами из Генконсульства Румынии, ещё одного европейского государства:

1.8. С целью противодействия разведывательной деятельности спецслужб Румынии путём подведения опытной агентуры и проведения ОТЗ на объекте «30» осуществить документирование (в течение 2-го полугодия) разведывательно-подрывной и иной противоправной деятельности обоснованно подозреваемого в причастности к деятельности румынских спецслужб дипломата.

Исполнитель: Зубков А.Д.

Ответственный: Белый Г.Б.

1.8.1. В рамках СОКР «Соседи» продолжить (в течение 2-го полугодия) поисковые мероприятия по линии противодействия РПД спецслужб Румынии против Украины, которые осуществляются с позиций ГК Румынии в г. Одессе, с целью выявления форм и методов деятельности румынских спецслужб. Совместно с ВОД УСБУ продолжить изучение маршрутов передвижения, мест посещения, возможных мест тайниковых операций, проживания румынских дипломатов, для последующего оперативного документирования.

Исполнитель: Зубков А.Д.

Ответственный: Белый Г.Б.

1.8.2. В рамках СОКР «Соседи» осуществить (в течение 2-го полугодия) первичное изучение и продолжение проверки в рамках отдельного СКП, информации о возможной причастности к кадровому составу румынских спецслужб гражданина Румынии, назначенного на должность 1-го секретаря дипучреждения.

Исполнитель: Зубков А.Д.

Ответственный: Белый Г.Б.

1.8.3. Осуществить (в течение 2-го полугодия) документирование и легализацию имеющейся оперативной информации, полученной рядом жителей региона, граждан Румынии. Совместно с ДКР СБУ реализовать указанные материалы через МИД Украины с целью их дальнейшего использования при вынесении официальных претензий румынской стороне. Провести комплекс дальнейших профилактических мероприятий путём размещения в СМИ соответствующих материалов по данной проблематике.

Исполнитель: Зубков А.Д.

Ответственный: Белый Г.Б.

1.8.4. Осуществлять (постоянно) контрразведывательное сопровождение проведения в Одесском регионе форумов, семинаров, конференций с участием румынской стороны. Во время проведения контрразведывательных мероприятий в обязательном порядке предусмотреть привлечение сотрудников ВОД и ЦОТЗ УСБУ.

Исполнитель: Зубков А.Д.

Ответственный: Белый Г.Б.

1.8.5. Осуществить (в течение 1-го полугодия) легализацию полученных в ходе активных контрразведывательных мероприятий данных о правонарушениях во время пребывания в регионе румынских журналистов и представителей «Департамента по делам румын всерумынского Правительства», получить анализ специалистов (ООДА) и направить материалы в ДКР СБУ с целью их дальнейшей реализации в МИД и использования при вынесении официальных претензий на международном уровне и запрета указанным иностранцам въезда на территорию Украины.

Исполнитель: Зубков А.Д.

Ответственный: Белый Г.Б.

1.15.6. Отдельным планом в рамках дубликата СОКР «Табор» продолжать мероприятия (плановый период) по организации противодействия технической разведки Румынии.

Исполнитель: Зубков А.Д.

Ответственный: Белый Г.Б.

Тасмю
Прим. № 1

Відомка
щодо результатів взаємодії з ОДР СБУ по лінії
протидії спецслужбам РФ на території Одеської області

Підполковник Феденко Ю.С. (ВВ МВСУ)

- надання інформації за результатами зустрічей зі співробітниками ГК РФ з позицій представників підрозділу охорони ВВ МВСУ;
- Оперативного та своєчасного отримання інформації щодо змін в обстановці на території ГК РФ у м. Одеса;
- Під прикриттям та використовуючи оперативні можливості забезпечувати безперервний оперативний контроль використовуючи 2 довірених осіб органів СБУ, за фігурантами СОКР «Сусід». Надання даних щодо нових співробітників консульства;
- Надання інформації щодо співробітників консульства;
- сприяти забезпеченню проведення заходів ВС стосовно об'єкта СКП «Кацап» (об'єкт «30-Т»).

Підполковник Феденко Ю.С. (КП по обслуговуванню диппредставництв)

- Створення умов для проведення оперативно-технічних заходів по об'єкту «30».
- Під легендою об'єкта прикриття проводити ознайомлювальні бесіди з рядом дипломатів ГК РФ.
- Забезпечення умов зберігання технічного обладнання.
- З метою одержання своєчасної оперативно-вагомої інформації, під легендою об'єкта прикриття, прийняття участі у двосторонніх переговорах.

Підполковник Демиденко В.Е. (представництво МЗС)

- Своєчасне надання даних стосовно російських дипломатів та технічних співробітників ГК, які прибувають на роботу до диппредставництва, з наданням кеерокопій їх фото.

Полковник Жолобов В.О. (органи влади)

- Надання інформація щодо запланованих візитів європейських делегацій до місцевих органів влади, їх результатів, а також зустрічей дипломатів з посадовцями.

Можливості ОДР СБУ по лінії міграційної сфери не використовуються у зв'язку з відсутністю звернень громадян Росії, щодо отримання статусу біженців та отримання посвідок на постійне проживання.

Начальник 1 відділу ГВ
КР УСБУ в Одеській області
підполковник
«17» 07 2015 р.
Вед. 1/4/1 - 1230
Вед. 15/04/2015р.

А. Зубков

газета «Современно секретно»
Sovsekretno.ru FLB.ru

«С ЦЕЛЬЮ ДИСКРЕДИТАЦИИ ТУРЕЦКИХ ДИПЛОМАТОВ»

Работа СБУ против Турции. Для дипломатов этой страны Служба безопасности Украины подготовила в 2015 году много сюрпризов. Здесь и оперативное дело «Итака», и спецоперация «Мечеть», и постоянный контроль за сотрудниками консульства с помощью оперативно-технических средств, и планы по агентурному проникновению на объект «30» (Генконсульство Турции).

1.9. С целью противодействия разведывательной деятельности спецслужб Турции в отношении Украины выявлять факты вербовочной деятельности в отношении украинских граждан, выявлять и пресекать деятельность кадровых сотрудников и агентов спецслужб Турции, выявлять формы и методы их работы, пресекать разведывательные мероприятия спецслужб Турции, в том числе те, которые осуществляются с позиций объекта «30», осуществить следующие мероприятия:

1.9.1. С целью выявления разведывательно-подрывной деятельности на территории нашего государства со стороны сотрудников объекта «30» в г. Одессе, а также выявления элементов их вербовочной деятельности, совместно с региональными органами СБУ, области которых входят в зону интересов объекта «30», организовать контрразведывательное сопровождение (постоянно) визитов сотрудников консульства, в том числе с использованием оперативно-технических средств, контролировать попадание в поле зрения иностранцев оперативных источников, которые своими возможностями могут представлять интерес для турецких спецслужб. Обеспечить своевременное получение упреждающей информации в отношении планов и намерений турецких дипломатов во время визитов по областям, которые относятся к консульскому округу, их цели и возможные маршруты передвижений.

Исполнитель: Мацур В.

Ответственный: Белый Г.Б.

1.9.2. Учитывая имеющуюся информацию о возможном использовании спецслужбами Турции выпускников «Центра изучения турецкого языка и культуры при ОНУ имени Мечникова» в своих интересах, в рамках СОКР «Итака» осуществить (2-й квартал) первичную проверку и контрразведывательный опрос соответствующей категории граждан Украины (в том числе представителей гагаузской национальности) с целью выявления лиц, имеющих служебное положение, которые могут представлять потенциальный интерес для турецких спецслужб. Дальнейшую проверку установленных лиц осуществлять (2-е полугодие) в рамках сигнальной информации и СКП (при наличии очевидных признаков).

Исполнитель: Мацур В.

Ответственный: Белый Г.Б.

1.9.3. В рамках СОКР «Мечеть», с целью получения подтверждающей информации в отношении проведения специальными службами Турции разведывательной деятельности в отношении Украины с позиций объекта «30», осуществить (в течение 2-го полугодия) мероприятия по агентурному проникновению в вышеуказанное учреждение.

Исполнитель: Мацур В.

Ответственный: Белый Г.Б.

1.9.4. Совместно с УКРП ДКР СБ Украины, с целью дискредитации турецких дипломатов, в действиях которых есть признаки национальных спецслужб, осуществить (в течение 2-го полугодия) мероприятия документирования вероятного функционирования канала торговли людьми (сексуальное рабство гражданок

Украины в Турции) и возможной причастности к данной деятельности сотрудников ГК Турции в г. Одессе.

Исполнитель: Мацур В.

Ответственный: Белый Г.Б.

– Для нас очень важны дружественные отношения между Украиной и Турцией, – сказал Пётр Порошенко мэру Стамбула Кадиру Топбашу во время открытия Стамбульского парка на Приморском бульваре в Одессе. Дело было в мае 2017 года. Порошенко радушно улыбался, а сам, как всегда, держал сало за пазухой.

«С ЦЕЛЬЮ ПРЕКРАЩЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА С ДИПЛОМАТАМИ ИЗРАИЛЯ»

Работа СБУ против Израиля. По мнению украинской контрразведки, даже Израиль ведёт подрывную деятельность против широй Украины. Наверное, МОССАД мечтает выкрасть секрет приготовления вареников с вишней. Для дипломатов Израиля СБУ подготовило спецоперацию с оригинальным названием «Сифон»:

1.20. С целью противодействия разведывательной деятельности спецслужб Израиля, выявления признаков проведения разведывательно-подрывной деятельности на территории нашего государства:

1.20.1. Осуществлять (на постоянной основе) контрразведывательный опрос реэмигрантов с целью выявления среди указанной категории лиц, возможно, причастных к информированию спецслужб Израиля.

Исполнитель: Белячков А.

Ответственный: Белый Г.Б.

1.20.2. В рамках СКП «Сифон», с целью прекращения сотрудничества с дипломатами Израиля на материальной основе объекта, который обоснованно подозревается в причастности к деятельности израильских спецслужб, провести (в течение 2-го полугодия) комплекс контрразведывательных мероприятий по иницированию процедуры лишения указанной гражданки Украины допуска к сведениям, составляющим государственную тайну.

Исполнитель: Белячков А.

Ответственный: Белый Г.Б.

«ОСУЩЕСТВИТЬ ДАЛЬНЕЙШЕЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ В ДИПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО»

Работа СБУ против Китая. Для дипломатов Китая украинская «безопасность» подготовила спецоперацию «Дзян»:

1.21. С целью снижения разведывательной активности спецслужб КНР, действующих с позиций Генконсульства КНР в г. Одессе:

1.21.1. В рамках СКП «Дзян» осуществить (плановый период) документирование фактов вмешательства объекта в деятельность правоохранительных органов, для дальнейшего объявления демарша китайской стороне по линии МИД (по согласованию с ДКР СБУ).

Исполнитель: Белячков А.

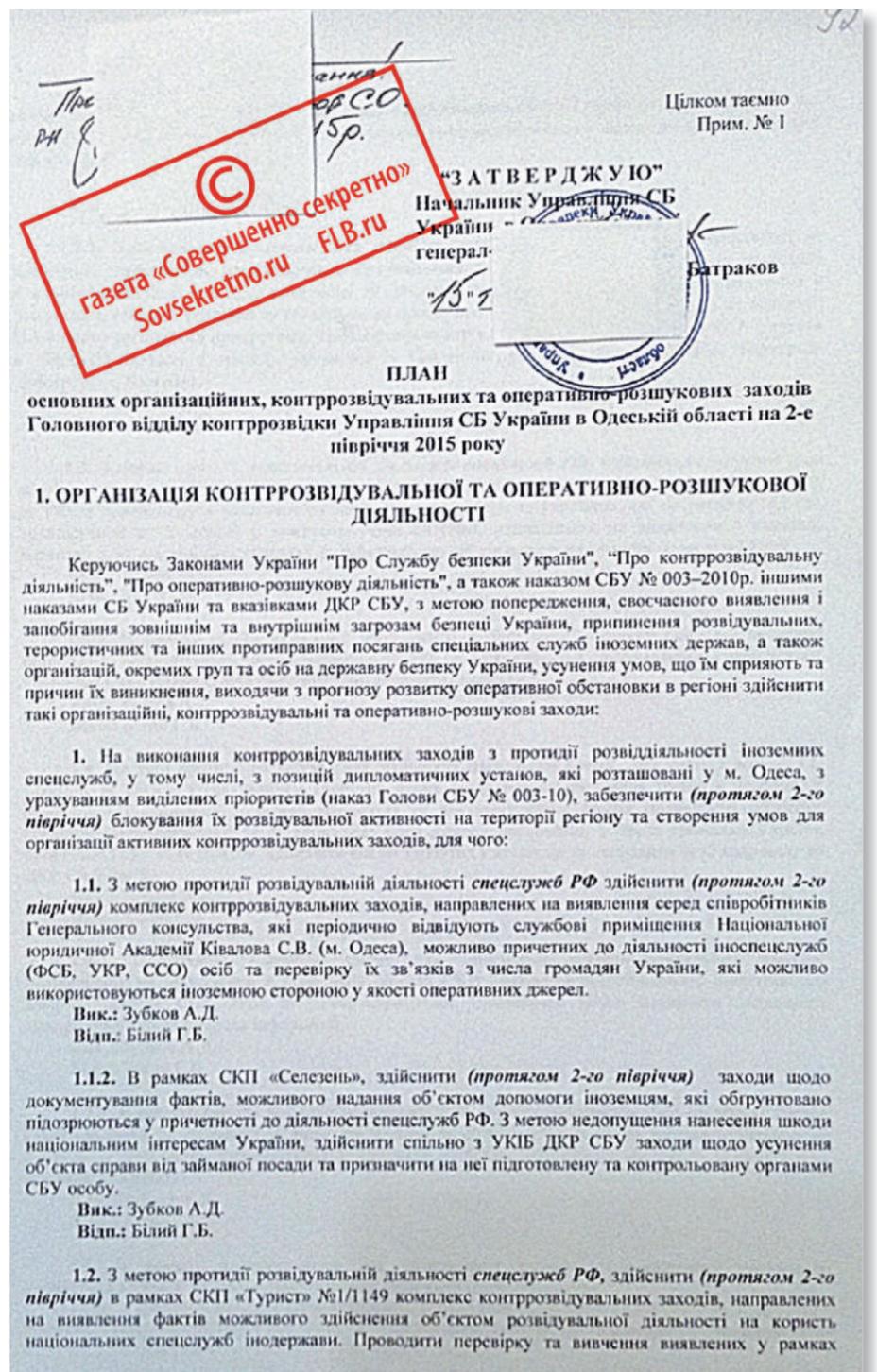
Ответственный: Белый Г.Б.

1.21.2. Совместно с ЦОТЗ Управления осуществить (в течение 2-го полугодия) оперативно-технические мероприятия по объекту «30», с целью возможного дальнейшего технического проникновения в диппредставительство.

Исполнитель: Белячков А.

Ответственный: Белый Г.Б.

Спустит ли Поднебесная такую пагубность со стороны Незалежной? Помнится, в апреле этого года китайское агентство «Синьхуа» сообщило: «Президент Украины Пётр Порошенко рассказал, что Украина рассчитывает на углубление всестороннего сотрудничества с Китаем. Так он прокомментировал участие его супруги Марины

Документ № 5

Порошенко в мероприятиях Недели китайско-украинских культурных обменов «Пояс и путь». Порошенко отметил, что продолжит прилагать усилия для дальнейшего углубления культурного и экономического сотрудничества Украины и Китая. Иными словами, как мы теперь понимаем, – «для дальнейшего технического проникновения в диппредставительство Китая»?

Ну и что, скажете вы, все шпионят друг за другом. Штаты многие годы прослушивали телефоны канцлера Германии Ангелы Меркель и её министров. В ответ недавно выяснилось, что Федеральная разведывательная служба Германии (БНД) как минимум 8 лет вела слежку за посольствами партнёров по НАТО, за Белым домом и Госдепартаментом США. Все погрязли в тёмных делах. Демократы следили за республиканцами. Трамп следил за Хиллари Клинтон. Что тут удивительного? Да ничего, собственно... Просто когда эти грязные игры выплывают наружу, непременно возникает международный скандал. Общество требует самоочищения. Надеемся, что скандал возникнет и в данном конкретном случае. Сало за пазухой не утаишь, так ведь, Петро Алексеевич?

Газета «Совершенно секретно» продолжает народное расследование «Раскрываем тайну гибели «Боинга-777», рейс МН17». Мы напоминаем, что непро-

стая и опасная миссия нашего «источника N», который в процессе трёхмесячного расследования разворошил осиное гнездо СБУ, требует много сил и материальных затрат. Ваша помощь нам сейчас особенно необходима.

Напомним, что за три месяца нам удалось разными способами получить уникальные секретные документы СБУ и Министерства обороны Украины. В результате на основании этих документов были подготовлены и опубликованы статьи:

– «Уничтожить факты проведения специальной операции». Операция СБУ «Зачистка». Часть 1»;

– «Перемещение «Бук М-1» через государственную границу Украины со стороны России не зафиксировано». Операция «Легенда о «Буке». Часть 2»;

– «В тот день, когда был сбит «Боинг». В спецоперации по уничтожению малайзийского «Боинга-777» были задействованы боевые самолёты Воздушных сил Украины»;

– «Список осведомителей СБУ в Одессе» и вот теперь «Задание № 686». Как СБУ установила слежку за российским послом».

Расследование продолжается. Люди, которые прославляют нацистов Шухевича и Бандеру, которые воспитывают новое поколение украинцев в зверином духе национал-шовинизма, не имеют ни малейшего права управлять такой прекрасной и братской страной как Украина. В клетку!

МУТНЫЕ ВОДЫ ПИТЕРСКОЙ «НАРУЖКИ»

Рынок наружной рекламы объёмом 2 миллиарда рублей стал игрушкой в руках чиновников Санкт-Петербурга

Софья БАРДИНА

Специально для «Совершенно секретно»

В Санкт-Петербурге не стихают скандалы вокруг передела рынка наружной рекламы. С 2013 года вся «наружка» в Северной столице находится на «нелегальном положении» – четыре года городские власти не могли провести новый конкурс на размещение наружной рекламы. В июне 2017-го конкурс был наконец объявлен, и тут же вспыхнули новые скандалы. Курирует этот рынок председатель городского Комитета по печати и взаимодействию со СМИ Сергей Серезлеев. «Достижения» чиновника и подчинённого ему Санкт-Петербургского Государственного унитарного предприятия «Городской центр размещения рекламы» (СПб ГУП «ГЦРР»), на мой взгляд, могут стать предметом пристального изучения со стороны Контрольно-счётной палаты и прокуратуры города.

«ДОГОВОРНАЯ» СХЕМА

Для непосвящённых в эпопею на питерском рынке наружной рекламы тезисно опишу историю последних лет. В 2013 году у большинства операторов наружной рекламы истёк срок договоров с городом на размещение рекламоносителей. Город должен был провести новый конкурс. Но ответственный за это Комитет по печати и его нынешний глава Сергей Серезлеев (тогда ещё в роли курирующего рекламный рынок зампреда) так подготовили схему размещения наружной рекламы и конкурсную документацию, что вызвали массу скандалов, претензии от самых разных контролирующих органов. В итоге Управление Федеральной антимонопольной службы в 2014-м конкурс отменило. За три года новый конкурс власти организовать так и не смогли. Или не захотели. Как не раз писалось в СМИ, работа всех операторов вне договорных отношений на руку тем, кто эту работу контролирует. Полномочия заключать договоры с бизнесом на размещение наружной рекламы переданы ГУП «Городской центр размещения рекламы». Оно полностью контролируется Комитетом по печати и его председателем. После того как срок старых договоров с рекламщиками истёк, а новых не появилось, комитет начал массово подавать иски о демонтаже рекламных конструкций. Суды соглашались и выписывали предписания на снос.

В результате городские власти получили возможность на законных основаниях в любой момент снести практически любую рекламную конструкцию в Петербурге. Отличный способ, скажем так, коррупции и прополки рынка. Как говорят, выдержали не все. Известные в прошлом компании «Талер», Clear Chanel были спешно и дёшево проданы.

Остальным участникам рынка объявили, что они могут работать и дальше,

Снос рекламных конструкций в Питере стал отличным способом прополки рынка

по своеобразной схеме: ГЦРР выставляет операторам-нелегалам претензии за необоснованное обогащение, таким образом, они будут оплачивать пользование городской собственностью. Разумеется, всё происходило на фоне постоянных разговоров о том, что новый конкурс вот-вот будет объявлен. И так три года.

«Необоснованное обогащение» взимают с операторов-нелегалов, разумеется, в претензионном формате. Но вот кто и как считал, сколько взимать? Заботился ли кто при этом об интересах городской казны? Складывается впечатление, делалось это в весьма произвольном порядке. Все три года многие операторы пытались просить поменять ставки, просто отказывались платить, оспаривали взимаемые суммы в суде. И некоторые добивались успеха. Более того, стоит посмотреть судебные материалы разбирательств между ГЦРР и участниками рынка как раз по «незаконному обогащению». Суды порой иски ГЦРР отклоняли, а если удовлетворяли, то зачастую прежде существенно снижали требуемую сумму.

То есть получается, что никакой железобетонной, чётко прописанной в официальных документах методики подсчёта, сколько денег должен получить от рынка бюджет, нет? Судя по тем же судебным решениям, в основе расчётов комитета и Городского центра размещения рекламы лежит распоря-

жение №39-р об изменениях размера платы за пользование городскими объектами и территориями в целях размещения наружной рекламы и информации, которое было принято... 23 ноября 2007 года. 10 лет назад! В 2010 – 2011 годах в этот документ были внесены некоторые правки, и с тех пор всё. За это время страна изменилась, экономика... ну мы знаем, где сейчас наша экономика. Курсы валют, инфляция, изменения на рекламном рынке – как будто ничего не менялось.

Неужели за все эти годы ни председатель Комитета по печати, ни ГЦРР не удосужились провести оценку изменений в экономике рекламного рынка?

Есть подозрения, что всё же оценивали, но результат их не очень устроил. Косвенно в пользу этой версии свидетельствуют документы несостоявшегося в 2014 году конкурса на размещение. Объявив своим распоряжением конкурс, Комитет по печати и взаимодействию со СМИ опубликовал в том числе и оценку стоимости права размещать рекламные конструкции в городе. Стоимость эта выше, чем суммы, которые взимаются за «необоснованное обогащение» и которые рассчитаны по лекалам 2007 года.

Стоимость размещения конструкций из документов конкурса 2014 года – это результат работы независимой оценочной комиссии. Эти данные были официально опубликованы. То есть начиная

с 2014-го ГЦРР, требуя возмещений от операторов, должен был руководствоваться этими расчётами и взимать плату по повышенной стоимости? Но этого не делалось. С учётом того, что каждое требование – это миллионы рублей, можно только предполагать, сколько недополучил городской бюджет за три с лишним года.

У меня возникает подозрение, что оценка, проведённая в 2014 году, использовалась вовсе не для пополнения бюджета, а для решения каких-то иных задач.

Ведь не секрет: рынок, который не регулируется договорными отношениями, – лёгкая жертва для курирующих его чиновников. Получается, что в основе «одичания» рынка наружной рекламы оказались весьма «непонятные» схемы получения бюджетных денег городским Комитетом по печати и Городским центром размещения рекламы.

82% ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ

В июле 2017 депутат петербургского Законодательного собрания Алексей Ковалёв обратился к Контрольно-счётной палате (КСП) с письмом, указав на непрозрачность финансирования ГУП «ГЦРР», бюджет которого после назначения главой Комитета по печати Сергея Серезлеева вырос почти вдвое. Стала достоянием гласности весьма примечательная схема работы ГУП «ГЦРР».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ПО ПЕЧАТИ СЕРГЕЙ СЕРЕЗЛЕЕВ УСТАНОВИЛ ОБЪЁМ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ ГОРОДСКОГО ЦЕНТРА РАЗМЕЩЕНИЯ РЕКЛАМЫ В РАЗМЕРЕ... 82% ОТ ПОЛУЧЕННЫХ СРЕДСТВ.

ГУП «ГЦРР» был наделён полномочиями заключать с участниками рынка договоры на размещение наружной рекламы в городе. Полномочия эти ему даны договором поручения от 1995 года, заключённого с Комитетом по управлению городским имуществом (сейчас переименован в КИО – Комитет имущественных отношений). Средства, полученные от рекламных операторов, Городской центр размещения рекламы должен передавать в бюджет. Для покрытия издержек, возникающих в ходе этой работы, ГЦРР получает вознаграждение – процент изъятия от собранной в бюджет суммы. Это уже весьма сомнительно с точки зрения закона. Размер этого вознаграждения определяет Комитет по печати... по согласованию с Комитетом по финансам. Но, как установило в этом году УФАС, уже давно ведомство Серезлеева делает это без всяких согласований. До 2014 года в ГЦРР возвращалось не больше 12% от собранных денег. С назначением на должность председателя Комитета по печати Сергея Серезлеева всё изменилось. Дальше следим за каждым шагом.

Шаг первый. ГЦРР перестал делать то, что ему поручено: заключать договоры. Старые просрочены, а новые заключить невозможно – конкурс не состоялся. То есть формально Городской центр размещения рекламы перестал выполнять работу, за которую ему положено вознаграждение.

Шаг второй. Конкурс Комитет по печати и ГЦРР так и не провели. Операторы ушли на нелегальное положение. Вместо хитрой и непростой, но легко просчитываемой схемы – договор с оператором, понятные деньги в бюджет, из бюджета – процент от собранного в ГЦРР – выстроили сложную новую комбинацию. ГЦРР собирает деньги за «незаконное обогащение». Сколько точно, посчитать сложно – суммы постоянно меняются, операторы оспаривают их в судах, договариваются об изменениях, а ещё и рекламные конструкции регулярно сносятся.

Шаг третий. В 2015 году процент вознаграждения ГЦРР возрастает до 20%, в 2016-м – до 21%. По данным самого ГЦРР, в 2014 году вознаграждение составило 121 миллион рублей, в 2015-м – уже 195 миллионов рублей, а в I квартале 2016-го – 52,5 миллиона. (То есть за год набегаёт, возможно, более 200 млн рублей.)

По словам господина Серезлеева, это объяснимо, так как у ГЦРР выросли затраты – началась активная работа по демонтажу рекламных конструкций. Это особо хитрый финт. Когда срок договоров истёк, операторы, по договору, должны были сами демонтировать свои конструкции. Но им сказали: демонтировать не надо – работайте пока, ждите нового конкурса и платите по факту. Одновременно на все рекламные конструкции ГЦРР получил судебное предписание по демонтажу. И все последние годы в произвольном порядке Комитет по печати и ГЦРР то там, то тут сносят рекламные конструкции. Вот за эти труды, которые петербургский Комитет по печати и ГУП «Городской центр размещения рекламы» сами себе придумывают, Сергей Серезлеев и оформляет вознаграждение ГУП. Операторы рынка все удивлялись спонтанности, хаотичности и немотивированности демонтажей. А, похоже, всё просто: чем больше снёс, тем больше из бюджета компенсировал.

На фоне безконтрольности в IV квартале 2014 года председатель комитета Сергей Серезлеев установил объём вознаграждения ГЦРР в размере... 82% от полученных средств. Занимавший тогда должность директора ГЦРР Юрий Бурунов даже написал господину Серезлееву, что не может освоить эти деньги. Ну не может он столько демонтировать: владельцы конструкций сопротивляются, работа идёт медленно – дайте 18%, боль-

ше не справимся. Весной 2015-го Юрий Бурунов покинул свой пост. ГЦРР на неспособность освоить бюджеты больше не жаловался.

Но самое примечательное, что в договоре ГЦРР с имущественным комитетом нет ни слова про демонтаж. По мнению юристов, это означает, что ГЦРР не может за это получать вознаграждение – ни по договору, ни по действующему законодательству. Соответственно, председатель Комитета по печати не имеет права направлять бюджетные деньги на оплату работы, которую никто не согласовывал.

Алексей Ковалёв также напомнил, что вообще-то Комитет по печати демонтирует рекламные носители силами другого учреждения – Государственного казённого учреждения «Городская реклама и информация» (ГКУ «ГРИ»), которое тоже получает деньги из бюджета. Как делят полномочия между собой две организации, непонятно, а значит, «не исключена двойная оплата». Сергей Серезлеев, комментируя эту претензию, отмахнулся – мол, полномочия между организациями распределены согласно ст. 19 Федерального закона «О рекламе». Статья длинная, читать её сложно, но вот про полномочия ГЦРР и ГРИ там точно нет ни слова.

На деле главное отличие ГКУ «ГРИ» в том, что оно подотчётно питерскому Комитету по финансам, денег получает меньше, и все они отражены в бюджете. Не развернёшься.

Но и это не конец. Как указывает Алексей Ковалёв, ГЦРР требует от операторов оплатить демонтаж. «В судебном порядке ГЦРР взыскивает с операторов затраты, которые, возможно, уже покрыты за счёт бюджета Санкт-Петербурга. При этом остаётся неясным, перечисляются ли эти средства в бюджет или остаются в распоряжении руководства ГЦРР», – говорится в письме депутата.

Сергей Серезлеев в ответ заявил, что «ГЦРР действительно выступает с исками к операторам наружной рекламы и требует возместить расходы по демонтажу, причём 99% этих судов ГУП выигрывает, и взысканные средства перечисляются в бюджет». То есть за каждый снос, который уже оплачен из бюджета, предприниматели платят ещё. Есть ли тут двойные оплаты одной и той же работы или нет, нужно очень тщательно исследовать.

Вся эта история с ГУП «Городской центр размещения рекламы» давно вызывает нарекания. Настолько серьёзные, что УФАС ещё в начале года выдало предписание расторгнуть договор поручения 1995 года, отозвать у ГУП доверенность, выданную на 2017 год, и прекратить выдачу таких доверенностей. ГЦРР подал на УФАС в суд, но проиграл – предписание осталось в силе. Но, несмотря на это, Комитет по печати и взаимодействию со СМИ Санкт-Петербурга продолжает переводить деньги из бюджета за те же демонтажи. ГЦРР продолжает подавать иски на рекламщиков в связи с незаконным обогащением. В общем, бюджетные деньги текут без остановки...

«БЕСПЛАТНАЯ» СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА

Отдельная история – так называемая социальная реклама. Поговаривают, что после того, как истёк срок действия договоров на установку рекламных конструкций, Комитет по печати и взаимодействию со СМИ решил на своё усмотрение распределять объёмы социальной рекламы, возможно, между близкими ему операторами наружной рекламы. На первый взгляд, всё просто: ответственные компании размещают бесплатно для города социальную рекламу, но есть нюансы... Заключение договоров на распространение социальной рекламы должно осуществляться в порядке, установленном Гражданским кодексом и Федеральным

СЕРГЕЙ КОНЫКОВ/ТАСС

Глава городского Комитета по печати Сергей Серезлеев придумал замечательную схему распределения доходов от наружной рекламы

законом «О рекламе». Разумеется, Сергей Серезлеев не мог не знать, что на незаконных рекламных конструкциях социальную рекламу, рекламу, продвигающую государственные интересы, размещать запрещено. А в Петербурге все конструкции – незаконные. Согласно законодательству денежные средства, полученные от операторов наружной рекламы за фактическое пользование, переводятся в бюджет города, в бюджете планируется закупка социальной рекламы, далее проводятся конкурентные процедуры по выбору подрядчика, предложившего наименьшую цену, с которым и заключается договор. Необходимо добавить, что социальная реклама может занимать не более 5% площади всех рекламных конструкций в городе.

Между тем, по информации ещё одного депутата Законодательного собрания, Максима Резника, который также недавно обратился в Контрольно-счётную палату и к прокурору города, крупные компании «Постер» и Russ Outdoor, скажем так, «в содружестве» с Сергеем Серезлеевым уже подготовили документы для обращения в суд с иском к администрации Петербурга. Как заявил депутат, они собираются потребовать компенсации затрат на размещение социальной рекламы и упущенной коммерческой выгоды. Общая сумма исков может превысить 650 миллионов рублей.

Руководители указанных компаний поспешили опровергнуть информацию о том, что операторы рекламы будут требовать возмещения расходов на социальную рекламу. Но пока это только слова, которые могут разойтись с делом в любой момент. Такая поспешность может быть связана с тем, что «близкие» к Комитету по печати компании отводят под «социалку» до 30% площадей. То есть в 6 раз больше, чем предусмотрено Федеральным законом «О рекламе». Сергей Серезлеев их даже в пример ставил. «В Петербурге благодаря конструктивному взаимодействию Комитета по печати с операторами «наружки» доля социальной рекламы доходит до 30%», – рассказывал он.

Представляется мне, что дело вовсе не в альтруизме «крупняков». Не думаю, что они разместили «социалки» больше, чем надо, не будучи уверенными в том, что потом с помощью судебных исков получат денежные средства за размещение «бесплатной социальной» рекламы по высокой коммерческой стоимости.

На этом фоне мелочью кажется, например, неразбериха с Т-образными щитами. У этих щитов – четыре рекламные поверхности. Пока действовали официальные договоры, операторы, владеющие такими щитами, были обязаны одну из сторон бесплатно отдавать под социальную рекламу. Договоров давно нет, и операторы «лепят» коммерческую рекламу на все четыре стороны, но... в бюджет платят по-прежнему за три. Удивительно, что Сергей Серезлеев с его более чем 10-летним опытом работы в Комитете по печати администрации Санкт-Петербурга почему-то этот «казус» не замечает.

В результате, как говорят многие на рынке, уже не первый год отдельные операторы имеют возможность недоплачивать в бюджет города миллионы рублей ежемесячно. Это позволяет им компенсировать убытки при падении спроса на размещение рекламы. Непродаваемые места завешивают «продуктом», за который не только не надо платить в бюджет, но можно потом и компенсацию получить.

Подводя итоги, можно сделать вывод: городской Комитет по печати манипулирует миллиардным рынком наружной рекламы. Комитеты по финансам и финансового контроля лишены информации о суммах, которые операторы наружной рекламы должны платить в бюджет города. Им неизвестен ни размер скидок за размещение соцрекламы, ни основания для предоставления таких скидок. Сколько бюджетных денег «теряется» при прохождении цепочки «оператор наружной рекламы – СПб ГУП «ГЦРР» – комитет – бюджет»? Никто этого точно не может сказать.

Вероятно, наблюдая вал обращений в УФАС, прокуратуру Санкт-Петербурга, правоохранительные органы и суды в свой адрес и понимая масштаб накопленных «сложностей», глава комитета согласовал с руководством города плавную реорганизацию ГУП «ГЦРР» в ГКУ «ГЦРР». На мой взгляд, смена формата принципиально не решит накопившиеся проблемы рекламного рынка, но зато позволит начать финансовую деятельность «с чистого листа». На волне реорганизации никто не будет скрупулёзно проверять финансовую деятельность предприятия. И можно будет всё начать с начала?

ИЛЛЮЗИЯ УПРАВЛЕНИЯ КЛИМАТОМ

Какие шансы для России даёт выход США из Парижского соглашения ООН по климату

**Сергей
РОГИНКО**

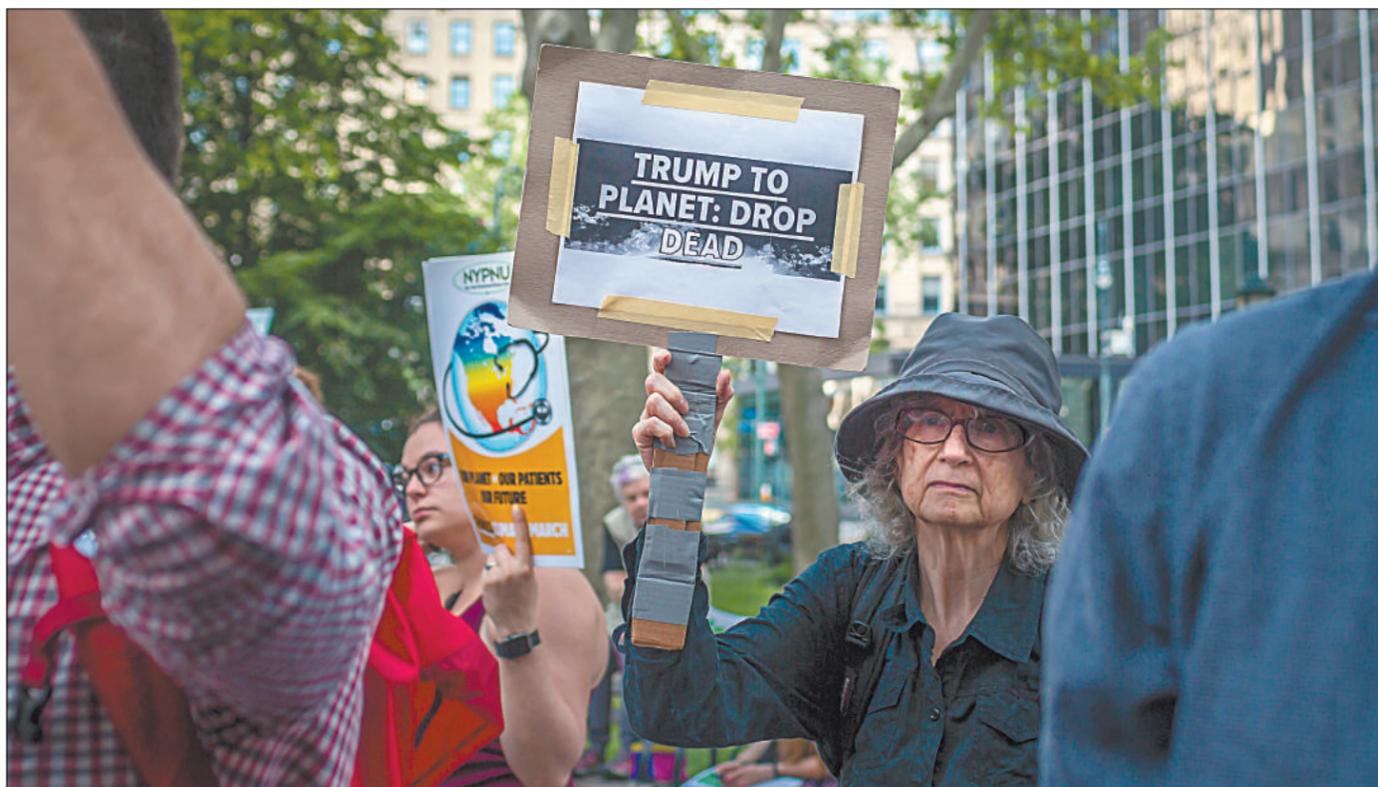
Специально для
«Совершенно секретно»

Выполняя своё предвыборное обещание, Президент США Дональд Трамп объявил недавно о выходе США из Парижского соглашения ООН по климату, ранее ратифицированного Обамой и вступившего в силу как международный документ 4 ноября 2016 года. Это произошло, несмотря на постоянные сообщения о «климатическом заговоре» в ближнем окружении президента, включавшем, в частности, Рекса Тиллерсона, дочь президента Иванку Трамп и зятя Джареда Кушнера. Последние ухитрились даже вывести на Трампа самого «раскрученного» американского лоббиста соглашения, бывшего вице-президента Альберта Гора.

ХВАТИТ НАКАЗЫВАТЬ АМЕРИКУ!

В своей пафосной речи, произнесённой в Розовом саду Белого дома 1 июня, Дональд Трамп назвал своё решение «выполнением священного долга по защите Америки и её граждан». Главной причиной выхода названо «драконовское финансовое и экономическое бремя, которое соглашение налагает на нашу страну». По приведённому президентом данным, выполнение Парижского соглашения «с его обременительными ограничениями на энергетику» только к 2025 году означает потерю Америкой 2,7 миллиона рабочих мест, закрытие многочисленных предприятий и падение производства. Соглашение, по мнению Трампа, «наказывает Америку, не накладывая никаких реальных обязательств на ведущих мировых загрязнителей» (к числу которых он отнёс Китай и Индию).

Этот шаг ожидаемо вызвал ураган критики в Штатах и за их пределами, в котором отметились все кому не лень, включая и такую экзотику, как Ватикан и Северная Корея. Как будто произошло что-то необычное в американской и мировой истории. А между тем это не так: читатели со стажем наверняка не забыли наш разбор аналогичного выхода США из Киотского протокола в 2001 году («Эксперт», №14 (274) 9 апреля 2001). Ощущение дежавю не проходит, если вспомнить, что даже аргументы в пользу выхода из протокола Джордж Буш – младший приводил примерно те же: излишняя нагрузка на американскую экономику. А также отсутствие реальных обязательств у развивающихся стран (тогда тоже упоминалась Индия). И реакция была похожей: шквальная критика из-за рубежа (прежде всего – от ЕС) и от отечественных «зелёных». Повторены даже роли политических партий США в сценарии «входа-выхода»: демократы «входят» в соглашение (Киотский протокол – Клинтон,

Истерическая битва против «глобального потепления» стала одним из символов либеральной веры

Парижское соглашение – Обама), республиканцы – «выходят» (соответственно, Буш-младший и Трамп). Похоже, что за отсутствием новых идей реально управляющие Америкой структуры решили ещё раз «откатать» миру уже отработанную политическую заготовку.

КЛОНДАЙК ДЛЯ «ЗЕЛЁНЫХ»

Внутренний раскол в США по вопросу климата был при Буше-младшем слабее на порядки, и тот его легко проигнорировал. С момента его инаугурации до выхода из климатического соглашения прошло каких-нибудь два месяца – Трампу понадобилось четыре. Правда, за эти месяцы Трамп сделал, возможно, более важный шаг «в сторону от Парижа»: он отменил любимое детище Обамы – так называемый Clean Energy Plan. Этот «план чистой энергии» продолжал обамовскую традицию бюджетного субсидирования всех видов альтернативной энергетики в ущерб энергетике традиционной. Бюджет нового плана мог впечатлить кого угодно: 5 триллионов долларов. К освоению которых на «низком старте» уже подготовились и производители «зелёной» энергии, и изготовители оборудования, и все виды обслуживающих структур, включая ангажированных климатологов с новыми страшилками наготове.

Но номер не прошёл: Трамп дал понять, что нового Клондайка для «зелёных» не будет. Более того, ещё до инаугурации Трамп начал масштабную ревизию бюджетов Министерства энергетики и Экологического агентства. Цель – обнаружить финансовые цепочки, выводящие деньги на подпитку климатического лобби, продвигающего идею антропогенной при-

роды «глобального потепления». Деньги тоже немалые: один только бюджет Минэнерго составляет 32 миллиарда долларов в год. На эти деньги лобби на протяжении многих лет «наращивало мускулы», контролировало СМИ, затыкало рот оппонентам и в последнее время даже составляло на них своего рода «расстрельные списки» (например, гринписовский список «климатических преступников»).

Сама теория «глобального потепления» в последние годы приняла вид светской религии, в которой вера в потепление подменяет научную аргументацию. Эта квазирелигия в условиях бездуховного пути, выбранного Западом, заняла особое место. Её роль – сборка общественной пассионарности, протестной энергетики и направление её в безопасное для истеблишмента русло. Поэтому не стоит удивляться тому, что даже директора ЦРУ Майкла Помпео при назначении на должность в Сенате терзали вопросами: как он относится к «глобальному потеплению»? Тут не прихоть сенаторов: речь идёт о символе либеральной веры.

Так что Трампу в наше время приходится куда сложнее, чем Бушу-младшему: 16 лет назад тому при выходе из Киотского протокола даже близко не приходилось сталкиваться с таким массовым и организованным протестом у себя дома. И это понятно: тогда за этим протестом не стояли такие деньги, о триллионах на кону никто и не мечтал. А сейчас, когда «сделка мечты» срывается и деньги уплывают буквально из-под носа, нетрудно понять заказчиков массовых акций, выводящих на улицы толпы пассионариев или просто запуганных обывателей: они знают, за что стараются.

Но надо отдать должное Трампу: он мандрирует, пытаясь не подставиться под

удар. В частности, избегает любых дискуссий на тему потепления, аргументируя выход США только экономическими интересами страны. Во всей своей длинной речи в Белом доме об изменении климата не было сказано ни слова. Это было замечено, и оппоненты попытались вовлечь президента в дискуссию по этой скользкой теме; однако все их попытки вывести его мнение не кончились ничем.

НЕ ВЫШЕ 2 ГРАДУСОВ ЦЕЛЬСЯ

Гигантский мировой резонанс от решения Трампа вызывает вопрос: а стоила ли игра свеч? Так ли уж велики для Штатов экономические риски по линии Парижского соглашения? Ведь, как известно, обязательства стран по правилам этого документа принимаются добровольно и санкций за их невыполнение пока не предусмотрено. Но не стоит забывать о такой норме, как пересмотр обязательств каждые пять лет в сторону ужесточения. И если даже сейчас взятая Штатами планка на 2025 год в размере 72% выбросов от уровня 2005 года воспринимается как непосильный груз для экономики, то что будет, если каждые пять лет эта планка станет регулярно опускаться на ощутимую величину? Надолго ли хватит у Америки запасов прочности? А если учесть, что у основного экономического конкурента Штатов Китая по соглашению другой тип обязательств, не предусматривающий абсолютных ограничений на выбросы, то опасения команды Трампа можно понять.

Ещё один источник риска, возникающий для США, – риск ужесточения обязательств по линии так называемого «глобального подведения итогов». Имеется в виду предстоящая в 2023 году оценка

ТЕОРИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ПОТЕПЛЕНИЯ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ПРИНЯЛА ВИД СВЕТСКОЙ РЕЛИГИИ, В КОТОРОЙ ВЕРА В ПОТЕПЛЕНИЕ ПОДМЕНЯЕТ НАУЧНУЮ АРГУМЕНТАЦИЮ.

того, насколько действия всех стран по выполнению национально определяемых вкладов на 2025 – 2030 годы отвечают достижению глобальной цели Парижского соглашения – стабилизации глобальной температуры к 2100 году в пределах не выше 2 градусов Цельсия по отношению к доиндустриальному периоду (XVIII век).

Пока что цель недостижима: об этом говорят сводные анализы представленных странами обязательств. Совокупные выбросы стран к 2030 году, заявленные в этих документах, составят не менее 60 миллиардов тонн CO₂-эквивалента. А глобальный уровень выбросов, необходимый для сохранения 2-градусного порога, составляет 40 миллиардов тонн. При такой динамике модели предсказывают повышение температуры на планете к 2100 году на 2,7 – 3,5 градуса по сравнению с доиндустриальным периодом. Это вызывает явную истерику со стороны слабых и уязвимых стран.

В чём рискованность данного переговорного направления для Америки? Прежде всего – в опасности отхода от главного принципа Парижского соглашения – добровольности принятия странами обязательств по принципу «снизу вверх». Вместо этого предлагается «подгонка» обязательств стран под 2-градусную (а возможно, и 1,5-градусную) цель с соответствующим сокращением выбросов против уже заявленных обязательств. Проецируя требуемый 2-градусный лимит на обязательства США, нетрудно вычислить, что вместо заявленного лимита в 72% выбросов от уровня 2005 года Штатам придётся ужаться ещё на треть, что уже ограничивает их национальные выбросы до 48% от уровня 2005 года. А это уже не сценарий даже минимального роста, а закрытие ТЭЦ, предприятий реального сектора и т. д.

И это ещё при оптимистическом сценарии «линейного» сокращения выбросов всеми странами планеты, который практически неосуществим, поскольку, по Парижскому соглашению, у развивающихся стран (в том числе и Китая) обязательств по абсолютному сокращению выбросов нет. И ничего эти страны сокращать не будут, надеяться на это – идеализм на грани слабоумия.

Но кому-то и этого показалось мало на последних Боннских переговорах ООН по климату (8 – 18 мая 2017 года). На них ряд стран (прежде всего – развивающихся) упорно настаивали на отходе от 2-градусной цели и выдвигали в качестве требования лимита в 1,5 градуса Цельсия по отношению к доиндустриальному периоду. Если учесть, что из этих 1,5 градуса на 1,1 градуса температура уже повысилась, то нетрудно предугадать, какие сокращения просчитают земному шару новые модели и насколько эти показатели будут адекватны задачам экономического развития.

Как всякое абсурдное решение, его пытаются провести с лихорадочной поспешностью, поэтому в Бонне начало процесса «глобального подведения итогов» рекомендовали перенести с 2023 на 2018 год, организовав «стимулирующий диалог» – обсуждение для подведения итогов коллективных усилий и действий стран по выбросам парниковых газов. Цель диалога просматривается легко: создание инструмента давления на страны для подготовки их к ужесточению национальных целей. Обсуждение и принятие решений по диалогу-2018 намечено на следующий раунд переговоров в ноябре этого года.

Организаторы диалога ждут предложений от стран к 30 сентября, но от Соединённых Штатов они, скорее всего, ничего не получат. Похоже, итоги Боннских переговоров стали последней каплей, переполнившей чашу терпения Трампа: он окончательно понял, что от Парижского соглашения и от переговорного процесса

по нему Штатам ждать нечего. С каждым новым раундом переговоров «парижский пазл» складывается так, что не оставляет шансов на развитие любой экономики, кроме сервисной (в развитых странах).

Постоянно повышающиеся требования неизбежно загонят США в цугцванг, в котором проигрышем обернётся любой ход: выполнение обязательств угробит экономику, невыполнение – чревато имиджевыми потерями (напомню: реальных санкций не предвидится). Тем более что и реальных экономических интересов у Америки в климатической теме поубавилось. Изначально их было больше, ведь сама тема и конструкция, с ней связанные (Рамочная конвенция ООН и Киотский протокол), продвигались в 1990-е, в годы безусловного технологического лидерства Запада. И просматривались как инструмент укрепления его технологического доминирования; при этом возникшие ниоткуда задачи снижения выбросов CO₂ выводились на роль ведущего драйвера модернизации во всех странах мира. Модернизации, по сути, принудительной и диктующейся совсем не экономической целесообразностью или технологической необходимостью. Провоцировалась гонка за долями процента КГД, с тем чтобы добиться от владельцев предприятий ускоренной замены оборудования, несмотря даже на его полную пригодность.

Под новые «климатические» приоритеты была выстроена целая линейка требований, регламентов и практик: стандарты энергоменеджмента, бенчмаркинг, «углеродный след», принцип НДТ (наилучших доступных технологий) и многое другое. Сотни миллиардов долларов и евро шли на субсидирование «зелёной» энергетики, на разработки и продвижение технологий. Основными бенефициарами схемы, разумеется, должны были стать промышленные и технологические корпорации Запада, плательщиками и потребителями – весь мир.

Однако к концу нулевых случилось непредвиденное: в гонке за «зелёную» энергетику сменился лидер. Стремительно выросший Китай в считанные годы перехватил инициативу, освоил производство практически всех видов современного оборудования, производя вполне сносные аналоги западных изделий по более низкой цене. Особенно неприятным сюрпризом для Запада стало конкурентное преимущество Китая в оборудовании

для солнечной и ветровой энергетики, включая даже гигантские ветряки. В итоге прибыль от такой эффективной и долгоиграющей комбинации стала идти мимо разработчиков схемы, в карманы конкурента. И эта перспектива просматривается надолго; технологического реванша Запада не предвидится. Аргументы оппонентов Трампа, трубящих, что, если бы США остались в Парижском соглашении, доходы Китая перешли бы Америке, трудно назвать адекватными – скорее они свидетельствуют о потере связи с реальностью.

Ответ на вопрос о смысле этой схемы сейчас для такого бизнесмена, как Трамп, очевиден, особенно с учётом «сланцевой революции», превращающей Америку из импортёра в экспортёра углеводородов. На чём, в отличие от ветряков, можно реально заработать, даже в том же Китае. В этих условиях идти по «парижскому» пути для Штатов – значит провоцировать падение глобального спроса на свой же перспективнейший экспортный товар.

ШАНСЫ ДЛЯ РОССИИ

Не следует считать, что риски, просчитанные Трампом для американской экономики, не существуют для экономики российской. Они в полном объёме актуальны и для нашего ТЭК, и для металлургии, и для цементной промышленности, и для других отраслей и производств. Сам тренд снижения спроса на органическое топливо губителен для российского экспорта энергоносителей, формирующего базу бюджета страны.

Во-первых, обольщаться перспективой распада Парижского соглашения после выхода США вряд ли стоит. Эффекта домино с массовым выходом других стран из соглашения не произойдёт – этого не произошло даже в 2001 году, с выходом Штатов из Киотского протокола.

Во-вторых, непонятна сама процедурная часть выхода США из Парижского соглашения. По правилам подать заявку на выход страна может только через три года после ратификации, плюс сам выход займёт целый год. Итого весь процесс во времени может выйти за рамки президентства Трампа.

И, наконец, главное: а что предлагается взамен? В речи Трампа обозначаются две альтернативы: «переговорить» Парижское соглашение на лучших для Америки

условиях или заключить новое соглашение, опять-таки на условиях, выгодных США. Оба сценария дают России определённые шансы улучшить свои позиции по классической схеме дзюдо: за счёт усилий партнёра. Хеджируя свои риски в потенциальном переговорном процессе, США могут сработать в нашу пользу, поскольку характер рисков обеих стран в соглашении примерно одинаков. Это, кстати, ясно руководству нашей страны: на Санкт-Петербургском экономическом форуме Президент РФ Владимир Путин отнёсся к решению Трампа «с пониманием», отдавая должное его аргументации, базирующейся на экономических интересах.

А ситуация с перекройкой формата Парижского соглашения, запущенная Дональдом Трампом, и в самом деле уникальна: она может дать шанс на изменение целого ряда параметров соглашения. Например, цели документа – снятие абсурдной привязки к температурным показателям, создающей впечатление того, что человечество действительно способно регулировать температуру на планете. Или изменение характера национальных обязательств (в качестве варианта – снятие для России абсолютных национальных лимитов на выбросы, ставящее нас в равное положение, например, с Китаем по правам на суверенное экономическое развитие).

Неплохим бонусом стало бы принятие условий международной торговли сокращениями выбросов, гарантирующих России роль продавца, а также адекватный учёт поглощений парниковых газов лесами России. Позиции по всем перечисленным вопросам у России нет. Похоже, власть ещё не оценила падающих ей в руки возможностей политической игры. Но даже если эта игра будет выиграна на всех площадках (что вряд ли), тем не менее хотелось бы не давать повода для иллюзий тем, кто надеется на полный отход нашей страны от тематики, связанной с климатом и энергоэффективностью.

Об авторе:

Рогинко Сергей – руководитель Центра экологии и развития Института Европы РАН. Автор книг «Киотская рулетка» и «Изменения климата и международная безопасность». Активный участник глобальных переговоров ООН по климату и модальностям Парижского соглашения.

По Парижскому соглашению, у развивающихся стран нет никаких обязательств по сокращению промышленных выбросов

ЗИНКА ВЫШКА

Она приговорила к высшей мере наказания маньяка «из Мосгаза» и милиционеров по делу об убийстве майора КГБ на «Ждановской». Зинаида Апарина — легенда Мосгорсуда

Андрей КОЛОБАЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

За 47 лет работы легендарная судья Зинаида Александровна Апарина (в преступном мире известная как Зинка Вышка и Зинка Червонец) «поставила к стенке» несколько сотен серийных убийц, бандитов, сексуальных маньяков, расхитителей социалистической собственности в особо крупных размерах. А общая цифра присуждённых ею сроков выражается тысячелетиями.

С Зинаидой Александровной я познакомился в середине 1990-х — через известного следователя-«важняка» Генеральной прокуратуры СССР Владимира Ивановича Калиниченко. Частенько встречались у неё дома рядом с метро «ВДНХ», через дорогу от интуристовской гостиницы «Космос». Со временем подружились. Что сразу бросилось в глаза ещё с первой встречи: да вот же идеальная слуга Фемиды! Этакая «железная дама», тщательно взвешивающая каждое слово. Абсолютно бесстрашная, непоколебимая в отношении к своим идеалам и к букве закона, с чётким пониманием общечеловеческой справедливости, границ добра и зла. Таких можно только «убрать» (во всех смыслах!), не жели заставить или напугать. Недаром же её именем страдали не только убийц, маньяков, но и следователей прокуратуры. И не зря криминальный мир её деятельность оценил и удостоил персональной кличкой. В знак уважения. По все стороны уголовных «баррикад» знали: если нет железобетонных улик, въедливая Зинка тысячу раз пошлёт дело на дознание, но без 100-процентной уверенности в виновности подсудимого приговор не вынесет никогда. А уж если виновен, получай свой «червонец». Или вышку.

ДЕЛО О КРАЖЕ ПОМИДОРОВ

Она с самого начала мечтала быть только судьёй. Почему? Зинаида Александровна сама толком не знала. По её словам, поступая в юридический, «живьём ни одного юриста не видела».

«Бывало, иду мимо здания суда, — пускала она в воспоминания, — а там тихо, как на кладбище. Уголовных дел-то почти не было! Никого не убивали, драка — большая редкость. О репрессиях, «тройках» и расстрелах у нас в городе даже не подозревали: никто никого не арестовывал. Жили мы на периферии — в Куйбышевской области. Отец — бухгалтер, мать — уборщица... В 1936 году, окончив десятилетку, блестяще сдала все девять экзаменов, и меня приняли. Из 120 человек вчерашняя школьница — я одна».

Окончив с отличием институт, Апарина готова была поехать хоть на край света, но

Зинаида Апарина — идеальная слуга Фемиды

только в суд. Чтобы дела были посложнее... Её и отправили — почти девочку — в Сызрань, и сразу старшим судьёй. «Когда приехала, из вещей у меня были одни конспекты. А там три месяца не было судьи. Уголовные дела сложены огромными стопками на полу аж до потолка».

Память у Зинаиды Александровны была потрясающая. Она помнила события 60-летней давности в мельчайших деталях и красках. Кто сколько гвоздей пронёс через проходную, кому выбили зуб на комсомольской свадьбе и какого цвета была косынка на заикающейся свидетельнице по делу о ворованных соседских яблоках. Прекрасно помнила Сызранскую пересыльную тюрьму на 2 тысячи экков. Была она в девяти километрах от здания суда, поэтому выводили арестованных в семь утра, чтобы к десяти быть на месте. Вели сразу по 15 — 20 человек, без наручников. Конвой — спереди и по бокам по милиционеру, сзади — сержант Ошурков с одним пистолетиком на четверых. И за все годы ни одной попытки побега!

«Первый в своей жизни приговор я огласила 10 августа 1940 года. Дело было «громкое» — «о краже помидо-

ров». Юноша подбежал к овощному лотку и схватил несколько помидорин. Дала ему условно... И вот сужу я их сужу, а дел не убавляется. Спрашиваю: «Ошурков, сколько их там ещё?» А он: «Мне их, Зинаида Александровна, водить не переводить, а вам их судить не пересудить!»

Правда, вспоминала Зинаида Александровна, до войны в основном шла мелочовка: кражи на рынке, драки, пьянка и... прогулы. Уголовный кодекс был ещё «ленинский» — от 1924 года. Больших сроков он не предусматривал: за кражу, хулиганство — год-полтора максимум. Высшую меру даже за убийство с отягчающими не давали. Но перед Великой Отечественной Сталин издал «драконовский» указ. По нему 21 минута опоздания — прогул, отправляли на принудительные работы. За самовольный уход в рабочее время — срок: до шести месяцев тюрьмы! И таких «преступлений» было очень много. «Зато никаких банд, головорезов, по 136-й статье (убийство) я не рассмотрела в Сызрани ни одного дела».

Вскоре её мужа, Ивана Васильевича Апарина, перевели помощником прокурора города. А потом началась война...

«ПРИХОДИТЕ В СУД И УЗНАЕТЕ!»

«Суд не отапливался... Чернила замерзали... Приговоры приходилось писать на обратной стороне оставшихся от ремонта обоев. Но и их не хватало — так много в эти тяжелейшие военные годы выносились приговоры... За что судила? Рабочие под спецовкой выносили хлеб с хлебозавода... На швейной фабрике шили обмундирование для фронта, вынесли две катушки ниток, дефицитный материал»...

По словам Зинаиды Александровны, для неё страшнее таких дел не было. Ведь легче осудить преступника за тройное убийство, чем за две катушки ниток. А по тем временам за это как минимум — год лишения свободы. Расследования не проводились, составляли акт — и приговор. Суд был скорый, потому что пока одного судишь, ещё 10 — 15 таких же ждут.

«Позже пошли дела посложнее: хищения, спекуляция. Однажды судила целую преступную группу: они подделывали продуктовые карточки и по сговору с руководством местного гастронома отоваривали. Страна воюет, голодает, а эти с жиру бесятся — делают деньги на всенародном горе! Все получили по 10 лет — «в связи с военным положением». Помню, ещё одно громкое было дело: директор промтоварного магазина рулонами воровала дефицитную ткань и перепродавала. При обыске у неё нашли матрас, набитый ворованной материей, и огромные по тем временам суммы денег».

В 1944-м прокурор Сызрани получил телеграмму из Генеральной прокуратуры СССР: «Срочно. Командируйте Ивана Апарина на работу в Москву». На семейном совете они с мужем долго думали: ехать — не ехать, всё-таки на руках крохотная дочка. Но решились. Поселили их в общежитии барачного типа в городе Бабушкине — в 20 километрах от столицы. Ивана Васильевича назначили прокурором отдела в Генпрокуратуру, а её направили в Сокольнический район Москвы — народным судьёй. Именно там Зинаида Александровна впервые столкнулась с «кровавыми» делами. На скамье подсудимых сидела мать, которая сожгла заживо дочь, чтобы завладеть её продуктами карточками. Затем — сексуальный маньяк, насильничавший и убивавший молодых женщин в парке «Сокольники»... Теперь преступники, с которыми она сталкивалась в доме правосудия, были совсем другими: циничными, изворотливыми. Порой творили такие изощрённые зверства — оторопь брала.

«В 34 года Ивану Васильевичу уже присвоили генеральское звание... Между прочим, сам он из бедняков. Отца убили в Гражданскую, в семье — семеро детей. Чтобы прокормить их, он в 16 лет пошёл работать учителем в школу. Муж человек был незаурядным, высокой культуры, очень добросовестным. Этому я у него научилась — мы были как единое целое. Для нас был один закон — честность и порядочность».

«ВСЕГДА ТОЧНО ЗНАЛА: ИЗ МОСГОРСУДА МЕНЯ УБРАЛА МАФИЯ. ВСЁ НАЧАЛОСЬ С «ТУШИНСКОГО ДЕЛА».

А сейчас какие «ужасы» в судах творятся? Недавно ко мне приходит родственница (у нее дело гражданское – раздел имущества). Так судья ей с ходу заявила: «Дашь семь тысяч – присужу в твою пользу!» Да что же это такое! Я готова была пойти к ней и высказать... Или. Рассказывает мой секретарь бывший. Перед рассмотрением дела прокурор, адвокат и судья в кабинете выпили пол-литра водки и пошли на процесс. Судья кимарит, процесс идёт...»

Ещё в конце 1940-х у Апаринной появилась стойкая репутация «сделанной из железа». По тем временам это дорого стоило. Может, поэтому ей и не поручали заказных политических процессов. Боялись: строгая, но неуправляемая и непредсказуемая. Ещё вынесет приговор «не по сценарию».

«Многие говорят: мол, в СССР господствовало «телефонное право», власти могли надавить на судей, заставляли принимать необъективные решения. Нет! Мне ни разу даже словом не намекали, какой приговор выносить. Я всё брала на себя и решала сама. За 47 лет работы был один-единственный случай, когда попытались сунуть нос в мои дела. Я слушала «дело работников торговли» – они занимались приписками, химичили с накладными. Вдруг звонит секретарь Сокольнического райкома партии и приглашает приехать в райком к десяти утра. Приезжаю. Она говорит: «Расскажите суть этого дела». Рассказала. «И что думаете?» – «Приходите в суд и узнаете!» Меня так это возмутило, что, как только предложили перейти в Мосгорсуд, ушла не раздумывая. А фамилию этой «партсекретарши» напрочь вычеркнула из памяти!»

НЕ МОГЛА НЕ ДАТЬ «ВЫСШУЮ МЕРУ»

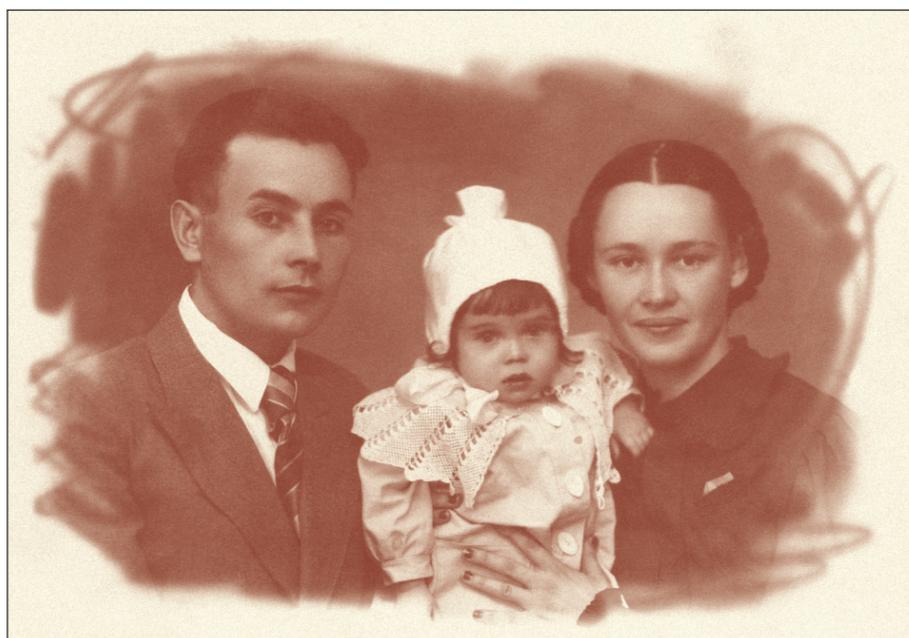
«В Мосгорсуде я рассматривала дела по первой инстанции – самые резонансные в Москве. По новому Уголовному кодексу от 1960 года впервые за убийство была предусмотрена смертная казнь. Вот я и рассматривала двойные-тройные убийства. Это были очень сложные дела, с крайне тяжёлыми последствиями. Например, «дело Шимко». Парень после армии устроился водителем в грузовой автопарк. Женится. При этом злоупотреблял спиртным, благо тёща работала в кафе-закусочной. В тот день, как показало расследование, он, крепко выпив, поехал на автомашине «ГАЗ» кататься по Садовому кольцу. Около парка Культуры «снёс» троллейбусную остановку: 8 человек задавил насмерть, 15 – ранил. Когда Шимко за шкуру выдернул из кабины, он был в невменяемом состоянии. То есть все его действия, начиная с того, что он пьяный сел за баранку, говорили о том, что он ехал убивать. Я их и квалифицировала как умышленное убийство. Никогда не забуду, как во время допроса свидетелей молодой парень, у которого на следующий день была назначена свадьба, положил передо мной обручальное кольцо и сказал: «Это всё, что осталось от моей невесты!» Шимко приговорила к высшей мере».

Страшная волна убийств с расчленёной пришлась на середину 1960 – конец 1970-х. Самое громкое – «дело Владимира Ионесяна» (Мосгаз), перепугавшее

до смерти столицу. Он выбирал квартиру, звонил, представлялся работником Мосгаза, грабил и убивал, нанося множественные удары топором. На его счёт пять трупов, в том числе восьмилетнего мальчика. Тогда всю милицию поставили на ноги, еле поймали. Апарина приговорила: вышка.

Потом пошла целая волна похожих преступлений – преступники работали «под Ионесяна». Самый известный «мосгазовец», дело которого слушала Зинаида Александровна, – сын генерала Анисимова. У него с приятелем было пять эпизодов: грабёж популярного в те годы тенора Александровича, вооружённое ограбление скупки и ещё трёх небедных законопослушных граждан. Все с огнестрельным оружием. Высшая мера.

«Да, очень часто мой приговор заканчивался смертной казнью. Но, прежде чем вынести его, нужно было убедиться в его справедливости. А когда убеждена, как не дать? Помню ещё одно жут-

Суровая судья могла быть и нежной матерью...

...и доброй бабушкой

кое дело. Рабочему дали комнату в Строгино. Есть жена, ребёнок, тещу привёз. Живи и радуйся! А он заводит молодую любовницу, не ночует дома. Тёща ему говорит: «Ты уж определись: либо туда уходи, либо здесь живи». В результате он зверски убивает тещу, своего ребёнка и трёх соседок, которые случайно зашли попросить лекарство. 5 человек! Или. 18-летний парень с Завода имени Войтовича возле кинотеатра «Слава» ножом зарезал девушку, чтобы отобрать сумку с 21 рублём и сетку с продуктами. Затем убил лучшего друга, когда тот хотел донести на него в милицию».

«ПРАШУ ДАТ МНЕ СТЕПЕНДЮ»

По словам Давида Аксельбанта, некогда одного из известных московских адвокатов, в 1960-е годы следователей стращали «страшным судьёй». Стоило сказать магическую фразу: «Будешь выкобениваться – отдадим дело Апаринной», – следователь становился ручным. «Только не ей!» Потому что все знали: у неё халтура не пройдёт. Заставит доследовать, выжмет все соки, пока следствие не предоставит стопроцентные улики и доказательства вины обвиняемого. А уж уголовнику,

чье «мокрое» дело доставалось Зинаиде Александровне, вся Бутырка могла посоветовать одно верное средство: самому утопиться в параше.

«В конце 1940-х, – вспоминал Давид Маркович, – я начинал стажёром в Сокольническом суде и помню её прекрасно. Однозначно: это была самая жёсткая и строгая судья в Москве. Строжайшая! Может, даже чересчур. Её ведь Вышкой и Червонцем прозвали за то, что срок меньше 10 лет никому не давала. А чаще – вышку. Но знаю точно: женщина она была честности необыкновенной. Если с кем-то из судей можно было «тихо договориться», то мысль пойти к Апаринной не приходила в голову даже ненормальному».

«Заниматься приходилось не только убийцами, – говорила Зинаида Александровна. – Примерно с начала 1960-х преступления стали всё крупнее – хищения, взятки, приписки. В особо крупных размерах! Человек давно уже не голодный, но некоторыми овладевали алчность, жажда наживы, как бы побольше барахла нахапать... До 1987 года я и такими делами занималась. Трудность их в том, что процесс длится долго – до полтора лет. Изымаются сотни документов,

проводятся судебно-бухгалтерские экспертизы, опрашиваются огромное количество свидетелей. Одно дело было – 152 тома. Другое – 450 свидетелей. Попробуй всех опроси!

Например, по «делу ВЗПИ» (Всесоюзный заочный политехнический институт) за взятки были привлечены более 40 человек. Если бы я их всех не держала под стражей, процесс растянулся бы на годы. Суть его такова. В Прокуратуру Союза пришло письмо: проверьте, мол, как поступили в институт такие-то грузины. Нашли заявление одного из них на имя ректора: «Прашу дат мне степеню». Стало ясно, что экзамен по русскому языку он сам сдать не мог. Оказалось, что группу взятчиков в ВЗПИ возглавлял кандидат технических наук Борг. Он говорил: «Пока я поднимусь с одного этажа на другой, у меня 5 – 10 тысяч рублей уже в кармане. А кто положил, не знаю». А это огромные в те времена деньги! Потом у него изъяли три сберкнижки на предъявителя, зарытые на станции Лианозово под яблоней... Следствие установило: дело было поставлено на поток. Преподаватели выезжали с экзаменационным листом прямо в гостиницу «Россия» и там «принимали» экзамены. Кстати, что любопытно, начал «дело ВЗПИ» Эдуард Шеварднадзе. Он тогда был начальником Следственного управления МВД Грузии, лично допрашивал всех, писал протоколы и самолётом отправлял подследственных мне».

«Помню, как Зинаида Александровна возмущалась: «Я вообще этих взятчиков не понимаю! В кодексе ясно записано: до смертной казни. Мол, люди, не берите взятки – расстреляют, а они берут и берут. А сейчас как берут!» На мой вопрос в лоб, если бы ей предложили, допустим, миллион долларов, она, сверкнув огненным взглядом, отрезала: «Сразу привлекла бы по статье. А могла бы ещё и по морде съездить!»

«Впрочем, – добавила она тут же с улыбкой, – одна попытка дать мне взятку всё-таки была. В 1940 году пришла ко мне женщина – старая-старая, с палочкой. И говорит: «Доченька, взятки мне алименты с сына. Я тебя отблагодарю». Не успела я моргнуть глазом, как на мой стол посыпались тыквенные семечки... Я растерялась, как закричу: «Бабушка, что вы! Нельзя же этого делать!» Собрала семечки – и обратно ей в сумку. Сколько лет прошло, а до сих пор эта женщина у меня перед глазами».

КАК ЖЕНА ХРУЩЁВА ЗАЩИТИЛА НАСИЛЬНИКА

«Ещё одно дело крепко врезалось в память. Один подсудимый – приёмный сын генерала Новикова, второй – сын доктора медицинских наук Козловой (специалист по саркоме). У них на двоих – 31 изнасилование с избиениями. Приво-

В конце 1940-х у Апаринной появилась репутация «сделанной из железа».

Ей не поручали заказных политических процессов. Боялись: строгая, но неуправляемая и непредсказуемая

В 1960-е годы её именем пугали и следователей, и уголовников

► дили в трёхкомнатную квартиру на улице Горького 15 – 16-летних девочек, дочек генералов, якобы послушать музыку, насиловали, фотографировали и заставляли приходить ещё. «Не придёшь – отошлём фото отцу-матери на работу». И все боялись пикнуть! Только 31-я оказалась не из робкого десятка – разбросала их и прибежала в милицию... Мы дали обоим смертную казнь. Верховный суд приговор оставил без изменения.

А потом произошло следующее. Оказывается, доктор Козлова лечила жену Хрущёва – Нину. И та написала резолюцию: «Прошу помиловать». Верховный суд заменил расстрел 15 годами... А я всегда такого мнения: вынесла своё решение, а вы решайте дальше сами, на то вы и Верховный...

Кстати, заступаться по этому делу приходил ко мне космонавт Андриян Николаев. Он только что получил полковника, видный мужчина. Я ему говорю: «Дело будет слушаться при закрытых дверях, но вам я доверяю. Возьмите и прочтите». Через два часа он сказал: «Считайте, что я прошу за этих подонков не приходил. Будьте здоровы!» И ушёл.

По словам судьи, насильников она никогда не жалела. «А какие для этого основания, если такие страшные вещи творят. Очень часто на скамье подсудимых сидели такие извращенцы – звери просто! Они сами никогда никого не жалели!.. Кстати, было дело – я даже безызвестного Отари Квантришвили судила за изнасилование. Давала ему 8 лет. Это потом в тюрьме он стал разыгрывать невменяемого. При помощи адвокатов его направили в Люблинскую психлечебницу на экспертизу, признали «вялотекущим шизофреником» и выпустили. А до этого в суде «будущий спортсмен и яшинец» соображал за троих!»

...Однажды она получила из зала записку: «Мы тебя убьём!» Оказалось, написал брат подсудимого. Эту записку с отношением направили в прокуратуру города. Вызвали брата, по почерку установили, что это именно его работа, и осудили за угрозу убийства...

Апарина вспоминала: «Никогда ничего не боялась, и мне никто ни разу не угрожал всерьёз. Дверь дома держалась на одном замке – ударом ноги снести было можно... В одиннадцать, полдвенадцатого вечера выходила из здания суда, иногда даже с каким-нибудь материалом под мышкой, садилась на трамвай и ехала домой. Даже мысли не было, что со мною могут расправиться. Я любила свою работу, делала её честно. Для меня главное, чтобы никогда обо мне не подумали плохо. Это внутренняя потребность человека, чтобы его уважали. А когда уважают, чего бояться?»

Единственный случай в моей практике, когда покушение было реально, – это во время процесса по «убийству на «Ждановской». Но тогда – впервые в жизни – меня и следователя Генпрокуратуры Владимира Ивановича Калиниченко круглосуточно охраняли бойцы спецназа КГБ СССР «Альфа». Сотрудники КГБ охраняли от сотрудников милиции! Каждый день на машине отвозили, привозили».

УБИЙСТВО НА «ЖДАНОВСКОЙ»

Именно Зинаида Апарина рассматривала в Мосгорсуде одно из самых громких уголовных дел 1980-х годов XX века, так называемое «милицейское дело». С него началась масштабная чистка в МВД СССР, закончившаяся десятками возбуждённых за тяжкие преступления уголовных дел, увольнением из органов нескольких тысяч запятнавших себя милиционеров и крахом карьеры министра Николая Щё-

локова, который в результате 13 декабря 1984 года застрелился из охотничьего ружья. Дело знаменитое, о нём даже сняли художественный фильм «Убийство на «Ждановской». Правда, как утверждала судья, «всё равно всей правды так и не показали!»

...26 декабря 1980 года заместителю начальника секретариата КГБ СССР майору Вячеславу Афанасьеву стукнуло 40 лет. Он отметил это событие с друзьями. Около девяти вечера спустился в метро. Домой вёз полученный к новогоднему празднику продовольственный заказ – палку копчёной колбасы, банку горбуши, банку болгарских помидоров, бутылку водки и бутылку коньяка «Наполеон» – подарок друзей. И тут случилась роковая ошибка – майор сел в поезд, идущий в противоположную сторону. Задремал. На конечной станции «Ждановская» его разбудили контролёры. Решив, что мужчина сильно пьян, передали сотрудникам линейного отделения милиции, дежурившим на станции. А те, в свою очередь, сами уже прилично выпили на службе и собирались веселье продолжить. Задержанный пассажир с выпивкой и закуской в портфеле оказался им отличной добычей. Завели в служебное помещение. Майор им сказал: «Вы не имеете права меня задерживать!» – «Покажи документы» – «Не покажу!» Старший инспектор Рассохин, милиционеры Лобанов и Попов начали его бить головой об стену. Когда Афанасьев потерял сознание, взглянули в его удостоверение и чуть в штаны не наложили.

Выпив «Наполеон», позвонили своему шефу – начальнику 5-го отдела милиции по охране Московского метрополитена майору Барышеву. Тот в этот вечер тоже был нетрезв, но сразу сообразил, что дело слишком далеко зашло, и тут же примчался в отделение. Понимая, что

ограбление и избивание сотрудника КГБ само по себе является тяжчайшим преступлением, Барышев принял решение «замести следы» – избавиться от комитетчика, инсценировав разбойное нападение. Умиравшего Афанасьева погрузили в служебную «Волгу» и вывезли к дачам КГБ у посёлка Пехорка, где добились нескольких ударов. Барышев сказал: «Отвечать – так всем». Утром Афанасьев был обнаружен прохожими, доставлен в больницу, но 1 января 1981 года он скончался, не приходя в сознание.

В тот же день о ЧП союзного масштаба доложили председателю КГБ Андропову. Следственно-оперативной группой, которую возглавил следователь по особо важным делам Прокуратуры СССР Владимир Иванович Калиниченко, было возбуждено уголовное дело №18/49331, которое тут же засекретили. Причём работала эта группа в тесном контакте с КГБ: полностью доверять Андропов мог только своим. Уже через две недели милиционеры со «Ждановской» были задержаны: у одного из них была найдена записная книжка Афанасьева. Подозреваемых поместили не в обычный следственный изолятор МВД, а в «Лефортово» – находившийся в ведении КГБ. Поняв, что родная система их не защитит, милиционеры начали давать показания.

Зинаида Александровна рассказывала: «Я всех их прекрасно помню. Майор Борис Барышев – рыжеватый с залысынами, милиционеры Николай Лобанов – собачья такая морда была у него, Николай Возуля – высоченный, под два метра, Александр Попов – розовощёкий такой... Фактически у них было четыре трупа. Парня, возвращавшегося со свадьбы, они убили из-за бутылки шампанского. Во втором эпизоде хотели скрыть изнасилование и забили до смерти настаивавшего на возбуждении дела свидетеля. Третий – майор КГБ Афанасьев. Четвёртое убийство сержант Лобанов совершил в одиночку. На Казанском вокзале он познакомился с ехавшим на Север мужчиной, пригласил к себе выпить, потом убил его молотком, труп расчленил: тело выбросил на стройку, а голову отнёс в пригород».

Навар был «богатый»: галстук, стоптанные ботинки, валенки, шарф, носки и зашитые в трусы 80 рублей. Когда раскрыли убийство Афанасьева, у Лобанова дома нашли эти вещи... В ходе следствия выяснилось, что в отделении на «Ждановской» десятками пылились заявления граждан об изнасилованиях, грабежах, избиваниях, которые они даже не собирались расследовать.

«А когда им расследовать? Пьянка шла круглосуточно! Вся их служба была – грабить и избивать задержанных, чувствуя уверенность в собственной безнаказанности. За их спинами стоял майор Барышев, над которым стоял его начальник и так далее... Много лет спустя Владимир Иванович Калиниченко мне рассказывал, что тогда была оперативная информация: Барышев готовит побег с покушением. Прямо из зала суда!»

Он планировал так. Делает кульбит вперёд и прыгает на стол. Стрелять по нему никто из охранников не будет, потому что есть риск убить заседателей... Затем он бьёт ногой судью Апарину, в прыжке выбивает окно и с третьего этажа прыгает на дерево... Но Барышеву не повезло: впервые подсудимых охраняли комитетчики. На скамью подсудимых посадили через одного: конвоируемый, «альфовец», конвоируемый, «альфовец». Барышев начал было «репетировать» побег – периодически вставать, но только зад приподнимет, «альфовец» незаметно пальцем тык ему – в болевую точку! И он сразу: «Шеф, всё в порядке!»

Четверых – Барышева, Лобанова, Рассохина и Попова – я приговорила к расстрелу. Остальных – к длительным сро-

кам заключения. Ведь как виртуозно и быстро было раскрыто преступление – всего за две недели! А сейчас?»

«МИЛИЦЕЙСКОЕ ДЕЛО – 2»

Когда Апарина вела процесс, вспоминал бывший старший следователь с Петровки, 38, Эдуард Хлысталов, в зале просто витал дух буквы закона. Она каждого умела поставить на место. Чтобы у неё свидетель или адвокат не явился в суд или в зале раздавался посторонний шум... Такое просто было невозможно себе представить. Все ходили как шёлковые! Ведь задача у судьи по делам такой сложности почти невыполнимая. Вокруг все врут, меняют показания, подкупают свидетелей... А всё равно нужно вынести законное, справедливое и всем понятное решение. Его потом будут подвергать сомнениям десятки лучших адвокатов, которые (за огромные деньги!) будут цепляться за любой изъян, опisku, закорючку. Верховный суд будет перепроверять всё и вся. Апарина эти решения всегда брала на себя. Десятилетиями – вот что удивительно!

«Слушали «милицейское дело – 2», – продолжала Зинаида Александровна. – На скамье – трое убийц-милиционеров, а четвёртая – жена одного из них (помогала уничтожать улики). И вот один, лейтенант милиции, постоянно разыгрывал психически больного. Привозил из Бутырки буханку хлеба и, сидя на скамье, всё время её щипал. Я ему: «Встаньте!» Сидит. «Фамилия, имя, год рождения!» Молча щиплет. Вызываю судебного эксперта-психиатра. Это редкий случай, когда прямо в зал суда. Потом, думаю, мало – вызываю ещё трёх психиатров... Все в один голос подтверждают: вменяемый. А когда вынесла смертный приговор, этот лейтенант таким матом начал поливать, что сразу стало ясно: нормальнее не бывает!»

По словам Зинаиды Александровны, преступники воспринимали приговор по-разному. Один насильник, услышав, что его ожидает, сиганул со второго этажа – конвой бежал за ним аж до Казанского вокзала. Поймали и добавили ещё три года...

«Я обычно не слушала реакцию осуждённых. Бывало, огласишь... кричат, рыдают. Но чаще ни истерик, ни обмороков, каким бы жёстким ни был приговор. По крайней мере у меня... Некоторые даже после вышки ведут себя достойно. В том же «милицейском деле – 2» уж на что нелюди были: прямо при исполнении, будучи в милицейской форме, изодренно пытали, где деньги, потом душили удавкой из проволоки, трупы выбрасывали в канализационные колодцы. Мы двоим дали высшую, одному 15. Все, кроме «психа», восприняли нормально...»

...Преступники никогда ей не снились. После рассмотрения «мокрого» дела обычно вечером ходила с мужем в театр, чтобы отвлечься. А на следующий день – всё по новой...

ОТМЕНЁННЫЙ ПРИГОВОР

«Всегда точно знала: из Мосгорсуда меня убрала мафия. Всё началось с «тушинского дела». ...В феврале 1981 года 11-летняя Ирочка приехала в гости к дедушке с бабушкой, пошла на каток. И пропала. А вскоре на перроне Казанского вокзала

За 47 лет работы Апарина «поставила к стенке» несколько сотен мерзавцев всех мастей

нашли два чемодана, перевязанные, как торт – крест-накрест. Вскрыли: в одном – туловище девочки, в другом – ноги и голова, аккуратно сложенные ботинки с коньками и Ирина заколка для волос. Эксперты пришли к выводу, что ребёнка насильничали трое суток.

Снимки чемоданов расклеили по таксопаркам Москвы. Вскоре нашёлся шофёр такси – он их опознал и описал человека, которого привёз из Тушино на Белорусский вокзал. И надо же – редкая удача в расследовании: через три дня в метро этот таксист встретил этого самого своего пассажира – некоего Камуса (как выяснилось, инженера и секретаря партийной организации завода, командира отряда дружины при 23-м отделении милиции). Со скрипом, но Камуса аре-

стовали. В ходе расследования тот написал собственноручное признание в изнасиловании и показал на месте, как всё было. Но признался только в том, что насильничал. По его версии, с ним был ещё какой-то случайный знакомый по имени Володя, якобы вот он убил и расчленил. Дело слушалось три с половиной месяца. Выезжали на место, допрашивали экспертов.

Несмотря на то что Камус в суде от своих показаний отказался, в моём приговоре фигурировали 19 прямых и косвенных доказательств того, что насильничал и убивал именно он. Тут двух мнений быть не могло: высшая мера. Но в Верховном суде мой приговор отменили и послали на доследование – искать Володю. Доследовавший дело следователь проку-

ратуры по фамилии Шпеер дело закрыл. Камуса выпустили. А я до сих пор уверена: именно он убил...

И вот через шесть лет, в 1987-м, когда я рассматривала дело «торг «Гастроном», появилась статья в газете: мол, как это так – такая-сякая Апарина, которая дала высшую меру невиновному, до сих пор работает в Мосгорсуде?! Облили грязью – вспомнили мой единственный за 47 лет работы отменённый приговор. А дело было интересное! Оно было выделено из «соколовского» – Соколов, директор Елисеевского магазина, к тому времени был уже расстрелян. Находились под стражей директор торгового заместителя, директора очень многих московских магазинов, которые давали взятки. Суммы огромные! Мною были уже допрошены 200 свидетелей и 26 подсудимых. Приговор был на подходе. Кто-то из сильных мира сего вмешался: появилась эта статья... Я сразу поняла: меня хотят вытолкнуть из этого дела. Закрывает кабинет, сдала ключ и ушла. Навсегда. А дело потом практически рассыпалось...

Последний раз мы встречались с Зинаидой Александровной незадолго до её кончины. Она говорила: «А сейчас вообще странные дела творятся: преступников не ловят, ловят – поймать не могут, поймают – ничего доказать не могут, докажут – суд отпускает. Или. Зачем отменили высшую меру? Наша страна не готова к этому. Допустим, убийц Листьева, Старовойтовой и других найдут – как их не расстрелять?! Или террористов, взрывавших дома на Каширке, в Печатниках и других местах?! А «Норд Ост»? Теперь каждый преступник знает: расчлени он хоть 500 человек – максимум «пожизненно». Лично я против того, чтобы расстреливали за хищения. Уж как заслуженный юрист России, судья с таким стажем я в этом как-нибудь разбираюсь. Одних приговоров написала столько, что даже мемуары не пишу. Бальзак, думаю, меньше извёл бумаги на романы, чем я».

Зинаиде Александровне Апариной было 83 года. Незадолго до смерти она сказала: «Я и сейчас рассмотрела бы любое из нынешних скандальных дел, если бы они были честно и профессионально расследованы. В чём я сомневаюсь...»

К сказанному хочется добавить одно: лично у меня есть чёткое ощущение, что российским судам таких, как она, сегодня катастрофически не хватает.

Нынешняя судебная система вызывала у Зинаиды Александровны скорее недоумение, чем уважение

«**Очень часто мой приговор заканчивался смертной казнью. Но, прежде чем вынести его, нужно было убедиться в его справедливости. А когда убеждена, как не дать?**»

Фото из семейного архива
З.А. Апариной

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОМУ ПРОЩАЛИ ВСЁ

Невыдуманные истории из жизни выдающегося советского актёра Ивана Переверзева – лауреата Сталинской премии и секс-символа своего времени

**Андрей
КОЛОБАЕВ**

Специально для
«Совершенно секретно»

Иван Фёдорович Переверзев, или, как его называли близкие друзья, Перевэ. Развёрнутые плечи, мужественное лицо, копна вьющихся волос... Русский актёр мирового масштаба. Это сегодня фамилия Переверзев известна лишь его коллегам, киноведам и зрителям со стажем. А ведь как в Советском Союзе его имя гремело! Прижизненная народная слава актёра была такой, что советские чиновники всех уровней закрывали глаза на его бесчисленные любовные похождения и загулы, на его язык «без костей» – Иван Фёдорович имел обыкновение резать правду-матку в глаза, не глядя на чины и звания. Ему прощали даже его дружбу с диссидентами, которую он принципиально, можно сказать, выставлял на показ. Да что чиновники! Однажды во время государственного приёма Переверзев при всей советской партийной элите послал куда подальше генсека ЦК Никиту Сергеевича Хрущёва. Послал открытым русским текстом, да так громко, что услышали все. Любого другого в секунду «стёрли бы в порошок» и предали забвению, но Никита Сергеевич стерпел и дал команду: «Переверзева не трогать!» А что сделаешь – всеобщий любимец!

Ивана Фёдоровича действительно крепко любили, ценили за его недюжинный актёрский дар. В одном фильме он играл рубаху-парня из народа или матроса – и сразу становился для них своим в доску, в другом – иностранца, барина, аристократа – и тогда осанка, профиль, голос, интонации менялись так, будто в его роду не обошлось без голубых кровей. Удивительная штука – талант, не иначе как божественного происхождения. Ведь на самом деле Иван Фёдорович роду-племени был самого что ни на есть простого: крестьянский сын из деревни Кузьминки Орловской губернии.

При этом устоять перед его мужским обаянием было непросто. Переверзев не только слыл сердцеедом, но и был им. В его донжуанском списке десятки звучных имён – известные актрисы, певицы, балерины... Редкие съёмки обходились без нового романа, причём иногда двух-трёх одновременно. Самый знаменитый – с красавицей актрисой Аллой Ларионовой, которая,

НИКОЛАЙ ПЛШИН / РИА НОВОСТИ

Кадр из фильма «Урок жизни». 1955. В роли Наталии – артистка Валентина Калинина

будучи беременной от Переверзева, узнала, что он тайно зарегистрировал брак с другой женщиной. «Убитая» столь коварным предательством, Ларионова приняла нелёгкое решение: согласилась выйти замуж за влюблённого в неё и долгие годы добивавшего её руки другого блистательного актёра – Николая Рыбникова. Так родилась одна из самых ярких семейных пар советского кино... Самое потрясающее, что больше всего от своих многочисленных и чаще всего скоротечных романов страдал сам Переверзев. Всю жизнь он мечтал об уютном семейном гнёздышке, надёжном тыле, но обрёл его только на закате жизни.

...Сомнений нет: живи и твори Иван Фёдорович в наше время, именно за ним, а не за нынешними сериальными артистами охотились бы журналисты. И его типаж супергероя-любownika уж точно был бы востребован не только российскими режиссёрами. Но

реальность такова, что столетие актёра в 2014 году прошло практически незамеченным. Несправедливо, учитывая, какой след он оставил в советском кино, какую удивительную жизнь прожил, сколькими мифами и слухами до сих пор окутано его имя. Об актёрских и семейных тайнах Ивана Фёдоровича газете «Совершенно секретно» рассказал его внук – Сергей Переверзев.

ПЕСНЯ О СОКОЛЕ

– Сергей, перед встречей вы упомянули о негласной семейной договорённости в интервью об Иване Фёдоровиче не касаться некоторых тем. О чём конкретно идёт речь?

– Если почти 40 лет информация подобного рода ни разу не выливалась в прессу, зачем сейчас рассказывать такие деликатные вещи, как Иван Фёдорович расставался с жёнами, например. Я этого тоже не буду делать. Понимаете, в его

жизни всё было непросто, неоднозначно, порой запутано так, что никто и никогда не разберёт, кто прав, кто виноват. Зачем беречь старые раны, кому-то из родственников делать больно? Тем более что всё это дела давно минувших дней. Мне кажется, есть более интересные истории. Например, отца же Иван Фёдорович своего не помнил – тот погиб в Первую мировую, когда сыну было всего несколько месяцев. А маму – боготворил всю жизнь. Всегда в доме, где бы он ни жил, висел портрет его мамы... Да и история, как он стал актёром, по-моему, очень занимательная.

– Известно, что он с детства мечтал о море, собирался поступать в мореходку, ходить под парусом по морям-океанам...

– Правильно! Но на семейном совете решили, что Иван должен получить настоящую рабочую специальность. Его отправили к тётке в Москву, где он

КОГДА ОН УХОДИЛ ОТ ОДНОЙ ЖЕНЩИНЕ К ДРУГОЙ, ВСЁ НАЖИТОЕ ИМУЩЕСТВО ОСТАВЛЯЛ ПРЕДЫДУЩЕЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ. УХОДИЛ ПРАКТИЧЕСКИ НАЛЕГКЕ.

окончил ремесленное училище, устроился слесарем-наладчиком на завод шарикоподшипников и там три года проработал. А потом... Мне вообще кажется неслучайным, что Иван Фёдорович «случайно» попал в училище при Театре Революции. В Москве он подружился с парнем по имени Ромка, который бредил актёрством. Это он как-то сказал: «Иван! Посмотри на себя в зеркало. Какой ты к чёрту слесарь?! Пошли со мной поступать в актёры!» Иван Фёдорович идти не хотел, но Ромка его уговорил «просто сходить за компанию, его поддержать». На экзамене Переверзев читал «Песню о Соколе» Горького. А поскольку читать стихи не умел, начал импровизировать: и ужом шипел, и кричал, как сокол. Причём голос у него был сочный, мощный, интонации – свежие, неизбитые. Романа «за штампованность» забраковали, а Ивана Фёдоровича взяли. Кстати, этот Рома потом погиб на фронте, но Иван Фёдорович был ему благодарен всю жизнь и даже в память о нём в некоторые свои роли иногда добавлял характерные детали образа друга юности, который он носил в душе.

– Переверзев сразу заметили?

– По крайней мере после учёбы его оставили при театре. Сам Михаил Астангов дал ему направление в Театр Революции. Там он играл Лаэрта в «Гамлете», Валентина – в «Двух веронцах»... И вообще был одним из лучших. Думаю, он так и остался бы в театре, если бы не вмешался кинематограф. Поскольку у него была незаурядная внешность, его активно начали снимать в эпизодах, потом в 1934-м пригласили в картину «Частная жизнь Петра Виноградова», где он сыграл учителя физкультуры. Там он произносит всего одну фразу, но настолько он был фактурен в этой роли, что это было трудно не заметить... Однажды на съёмки музыкального фильма «Моя любовь» не явился актёр, и на одну из главных ролей (красавца инженера Гриши) порекомендовали Переверзева. В результате режиссёр Владимир Корш-Саблин был счастлив, ведь именно он открыл это новое имя для кино. Фильм получился изумительный! Говорили, что вся мужская часть населения СССР мгновенно влюбилась в исполнительницу главной женской роли – Лидию Смирнову, а женская – в Ивана Переверзева. Можно сказать, что именно с этой роли и началась его всесоюзная известность.

– Казалось бы, простой деревенский парень в энном поколении, без году неделя в городе... И вдруг такой диапазон ролей – от солдата и работяги до аристократа голубых кровей. Откуда у него это?

– Ответ очевиден: природный дар плюс невероятная работоспособность, наблюдательность... Мало кто знает, что сначала его роль в картине «Иван Никулин – русский матрос» Переверзеву не удавалась: он не представлял себе «этого матроса Никулина никак». Что делать? И он придумал. Тогда в мосфильмовском общежитии жили специально приглашённые для съёмок этого фильма моряки – массовка. Иван Фёдорович напросился к ним жить. Они быстро подобрали для него фланельку, «кепчик» и настоящие моряцкие брюки клёш, которые Иван Фёдорович называл «смерть всем девушкам». Когда он надел всё это, посмотрел на себя в зеркало, сказал: «Теперь я готов!» А вот другой пример. Перед съёмками фильма «Первая перчатка», где он должен был сыграть боксёра-чемпиона, Переверзев проводил по четыре-пять тренировочных раундов в день, хотя до этого ни разу в жизни не боксировал. Лента произвела такой фурор, что серьёзные спортсмены-профессионалы ему посоветовали «не зарывать талант в

В 1953 году Переверзев создал образ легендарного флотоводца в фильме «Адмирал Ушаков»

землю» и уйти в большой бокс. «Из тебя получится настоящий чемпион, Иван!»

– И что он ответил?

– Рассмеялся: «Ребята! Когда однажды на вечеринке Чарли Чаплин спел голосом Карузо, ему тоже посоветовали всерьёз заняться пением. Чаплин объяснил, что скопировать чужой гениальный голос – вовсе не значит стать гениальным певцом. Также и я – точно скопировал характер боксёра, но боксёром мне не быть!» Это иллюстрация к тому, насколько скрупулёзно Иван Фёдорович готовился к роли. Он часто повторял фразу, сказанную ему режиссёром «Ивана Никулина...» Игорем Савченко: «Запомни, Иван! Роль должна на тебе сидеть без единой морщинки!»

И ХРУЩЁВ ПОШЁЛ...

– Сергей, знаете, что меня поразило: ни на одном киносайте, кроме официальной биографии и скупого перечисления фильмов, информации о Переверзеве нет.

– И неудивительно. Понимаете, это сегодня творчество актёрское на последнем месте, а на первом – скандалы. В советские времена всё было наоборот. Хотя, конечно, в жизни деда громкие и даже скандальные истории были, но они не озвучивались особо. Ну кроме той известной, когда в 1958 году в СССР приехал знаменитый американский певец Поль Робсон. О ней потом ходило много слухов, не всегда достоверных.

– Какова ваша версия?

– В августе 1958-го Никита Сергеевич Хрущёв отдыхал в Крыму. И именно туда, в Ливадию, для знакомства с ним привезли почётного гостя. Насколько я знаю, когда приземлился самолёт, Иван Фёдорович был в числе встречающих и вообще оказался первым, кого увидел Поль Робсон. Когда тому перевели, что «этот широкоплечий красавец – знаменитый советский актёр, да ещё и зовут его Иван», певец так растрогался, что даже заплакал. И с этого момента он ни на шаг не отпускал от себя «русского богатыря». Они сразу подружились.

Тем же вечером Никита Сергеевич заказал грандиозный банкет в Ливадийском дворце – в честь американца. За столами, которые ломились от деликатесов и разноградусных напитков, сидели вся советская партийная номенклатура и самые известные деятели культуры. Иван и

Робсон уже, что называется, «хорошенько приняли на грудь», весело общались. А Хрущёв тоже хотел уделить внимание зарубежному гостю. Всё-таки он – первое лицо государства! Периодически он к ним подходил, пытаясь встрять в их разговор, но Переверзев его твёрдо отодвигал: мол, уйди, уйди, не мешай. Когда в очередной раз Хрущёв (тоже уже в изрядном подпитии) подошёл с твёрдым намерением «отвоевать» американца, Переверзев вдруг повернулся к руководителю партии и правительства и громко произнёс: «Никита! Пошёл ты на...!»

– Открытым текстом?

– Да! Мгновенно в зале наступила мёртвая тишина. Присутствовавшие на этом банкете потом вспоминали: они ожидали, что сейчас произойдёт нечто ужасное. Но Хрущёв рассмеялся и... пошёл себе восвояси. А Поль Робсон, который почти не говорил по-русски, так и не понял, что случилось.

– Почему Переверзеву это сошло с рук?

– Уверен, причина одна – Ивана Фёдоровича настолько сильно любили. И Никита Сергеевич, безусловно, не только это понимал, но и, говорят, сам был его горячим поклонником. Иваном Фёдоровичем был уже сыгран адмирал Ушаков, он уже был лауреатом Сталинской премии... Словом, Хрущёв даже не обиделся.

– Какие вообще у него были отношения с властью? Переверзев был искренним коммунистом?

– Он был коммунистом, но никогда этим не бравировал. Думаю, что власти его ценили. Хотя периоды забвения были и у него, его иногда по несколько лет не снимали. Особенно в конце 1940-х. Потом опять пошло, пошло, пошло...

– Это правда, что, когда «вся передовая советская общественность в едином порыве возмущалась поведением» Владимира Дудинцева и Виктора Некрасова (а называя вещи своими именами, их просто травил!), Переверзев демонстративно общался с опальными писателями?

– Когда на них начались гонения, он их всячески поддерживал. Он единственный, кто не стеснялся приходиться к ним домой, приносил продукты, поддерживал морально. Он их уважал как творческих людей и таким образом показывал, что не только не видит в них врагов, но

и не боится возможных последствий для себя.

– Может, поэтому Переверзев получил звание народного артиста СССР так поздно – в 1975-м?

– Возможно, отчасти и так. Но думаю, что главная причина – его скромность, неумение и нежелание хлопотать за себя.

– Что за скандал случился в 1966 году на съёмках фильма «Прощай!», где Иван Фёдорович должен был играть ещё одного адмирала, а режиссёром и автором сценария был поэт-фронтвик Григорий Поженян?

– А! Я слышал эту историю. Они не нашли общий язык то ли в режиссуре, то ли в развитии образа. Поженян стал командовать, а Иван Фёдорович очень этого не любил. Кроме того, как говорят, Поженян во всеуслышание заявил: «Здесь два гения: я и Таривердиев. Все остальные – наши служащие». И Переверзев действительно не стерпел, сказал Поженяну: «Гриша, а как твой фильм называется? «Прощай!»? Так вот прощай, г...!» И улетел в Москву.

– Иван Фёдорович со всеми был такой ершистый, резкий?

– Он бывал резким, терпеть не мог ложь, высокомерность в людях. И всё-таки главные его качества – доброта, открытость, смелость, щедрость. Бывало, последнее отдавал... Ещё у него было железное правило: когда уходил от одной женщине к другой, он всё нажитое имущество оставлял предыдущей возлюбленной. Уходил практически налегке!

– Он драчун был по жизни?

– Пожалуй, нет. Но постоять мог за себя. И не только. Был случай на гастролях, когда на банкете после концерта кто-то из присутствующих начал матерно выражаться о России. Он взял этого «оратора» за шкуру и выкинул из-за стола, сказав жёстко: «Ещё хоть раз такую похабщину о нашей стране скажешь, пожалеешь навеки». Он был настоящим патриотом, это знали все. Причём не на словах – это было у него в крови.

– Мог сорвать съёмку?

– Нет.

– А прийти на площадку не в самом рабочем состоянии?

– Я знаю только один такой случай. Последняя сцена в «Адмирале Ушакове» (это был последний съёмочный день) снималась так: корабль плывёт, Переверзев стоит в тазу, и этот таз двигают. Он был в тот момент настолько «тёпленький», что его еле держали. Пересматривая эти кадры, я всегда смеюсь... Потому что, несмотря на его состояние, всё равно с экрана в его взгляде читается такая мощь! Хотя по большому счёту подобное было ему несвойственно. На съёмках он был безупречно исполнительным актёром, с ним очень любили работать режиссёры. Но все знали, что, как только наступал «обрыв» в личной жизни (а все его срывы были от неустроенности в личной жизни), он уходил в «это дело».

ПАМЯТНИК АДМИРАЛУ УШАКОВУ

– Вы сами фильмы деда пересматриваете?

– Конечно! У меня все до единого его фильмы собраны. Я их даже на руки не выдаю: если кому-то надо – копирую.

– Есть самый любимый?

– «Урок жизни». Там роль такая «растущая» – характер героя показан в развитии. Там совсем молодая Ольга Александровна Аросева интересно играет. Хотя и «Моя любовь» мне нравится. Люблю «Первую перчатку», «Чисто английское убийство», «Адмирала Ушакова»... ▶

Иван Переверзев (слева) в компании с министром культуры Екатериной Фурцевой во время приёма в Кремле. 1963

► **– Сам Иван Фёдорович считал свою актёрскую карьеру удавшейся?**

– Думаю, по большому счёту не считал. Когда у него спрашивали о любимых ролях, он обычно называл три-четыре, не более. Про другие говорил: та не удалась, эта... Например, роль отца Ассоль в «Алых парусах» считал неудачной, мол, «он её не до конца прочувствовал». Хотя сколько бы я ни пересматривал этот фильм, наоборот, вижу, сколько в нём нежности к своей дочери...

– Как он относился к своей славе?

– Очень спокойно. Никакой звёздности не было в нём вовсе. Когда журналисты приходили брать у него интервью, он говорил: «Давайте вы сейчас возьмёте интервью у моего знакомого, несправедливо забытого художника или друга-поэта – о них давно не пишут. А потом возьмёте у меня». Он был очень прост в общении. В какой бы населённый пункт он ни приезжал на творческие вечера, со всеми – с горняками, шахтёрами, лесорубами – общался на равных. Светлана Светличная вспоминала, как однажды они гастролировали с программой «Товарищ кино», и в каком-то городе после выступления к ней подошли и попросили отвезти в Москву «посылочку для Ивана Переверзева». По запаху она поняла, что там свежие огурчики и помидорчики. Приехав домой, она позвонила ему на Можайку, где он тогда жил. «Иван Фёдорович сам заехал к нам домой, – рассказывала Светлана Афанасьевна, – с ходу оценил: «Как же у вас хорошо, уютно». А мы жили настолько неброско, бедновато... Помню, взял в руки посылку, поблагодарил. И глаза его сияли, так был тронут». Да что там говорить – любили его сильно.

А вот ещё вспомнил забавный случай. Гастрольный график забросил их концертную бригаду в какой-то дальний таёжный посёлок. Переверзев сразу сказал коллегам: «Ребята, держимся, не пьём. Мы все здесь под микроскопом». И вот эта его шутка – «мы под микроскопом» – стала так часто повторяться, что организаторы концертной программы на полном серьёзе решили, что, видимо, знаменитый артист (а отказать ему было «нельзя») хочет получить в подарок микроскоп. И вот прощальный вечер. В знак благодарности всем гостям подарили по бочонку мёда. Последний бочонок поставили перед Переверзевым и вдруг говорят: «А вам,

В паре с Алексеем Баталовым в фильме «Дорогой мой человек»

Иван Фёдорович, ещё особый подаорок». И торжественно выносят микроскоп. Он растерялся: «Да вы что! Я даже не знаю, как им пользоваться». Но такая смешная история – была.

– Какую работу в кино он считал своей актёрской вершиной?

– Роль адмирала Фёдора Ушакова в дилогии «Адмирал Ушаков» и «Корабли штурмуют бастионы». Во-первых, Михаил Ромм выбрал его из 15 претендентов, самых в те годы известных актёров, аргументировав свой выбор тем, что «только у Переверзева есть и мощь, и внутренняя грусть, которые его просто сразили». Да и что говорить – роль масштабная, очень благодатная. Именно такую он долго ждал.

– Тем более что сам когда-то мечтал стать «морским волком»...

– И это, конечно, тоже сказалось. Смотрите, какая причудливая игра судьбы: именно в кино он реализовал свою детскую мечту – проделал путь от матроса до капитана корабля, а затем и адмирала Ушакова... Недаром после его смерти в Азовском пароходстве один из кораблей носит имя «Иван Переверзев». И неслучайно же в конце 1950-х в Херсоне памятник Ушакову «слепили» именно с Ивана Фёдоровича.

– Почему именно с него?

– В процессе подготовки к съёмкам вдруг выяснилось, что никто даже приблизительно не знает, как Ушаков выглядел внешне. Нашли останки адмирала, и знаменитый антрополог Герасимов по черепу восстановил черты его лица. Когда «портрет» был готов, гримёры из Переверзева сделали Ушакова. А дальше Иван Фёдорович так

мощно выложился в этой роли, что стал от него неотделим... Есть даже такое забавное свидетельство очевидцев: в конце 1960-х, во время съёмок фильма Станислава Говорухина «День ангела» в Херсоне группа актёров и моряков посетили памятник адмиралу Ушакову. Переверзев встал рядом, и все остолбенели: перед ними стояли то ли два Ушакова, то ли два Переверзева. Сходство их фигур, лиц, роста было потрясающим! Вот тут-то и выяснилось, что скульптор создавал образ, посмотрев оба фильма с Переверзевым в главной роли. Уникальнейший случай!

ВСЕ ДЕТИ И ЖЁНЫ

– По мнению многих кинокритиков, Переверзев мог бы стать настоящим супергероем-любовником, недаром его по внешности и по таланту сравнивали с Дугласом Фэрбенксом. Но играл он в основном военных и революционеров, директоров заводов, колхозов, а не романтических героев.

– Нет, у него было несколько ролей с небольшой любовной линией. Но в целом вы правы: героев-любовников в классическом смысле этого типажа он никогда не играл. Как остроумно кто-то сказал, «советский кинематограф отдал в распоряжение Переверзева целую флотилию, но пообщаться с женщинами на экране не дал». Хотя внешне он был абсолютно голливудский актёр, с голливудской улыбкой, с героическим типажом. Обладал мощной харизмой, обаянием. Именно поэтому многие женщины в него влюблялись сразу.

– Женщины были его главной слабостью?

– О да! Причём почти все свои романы Иван Фёдорович заводил на съёмочных площадках. Но, что интересно, несмотря на то что внешне он производил впечатление эдакого ловеласа, в реальной жизни был далёк от этого образа. В откровенных разговорах с друзьями Переверзев не раз признавался, что сам никогда не одерживал побед над женщинами, что «все его увлечения, романы и даже «семейные гнезда» – результат побед женщин над ним». То есть он просто не мог устоять перед их напором.

– Известно, что с первой женой Надеждой Чередниченко актёр познакомился в 1946-м, на съёмках «Первой перчатки». И влюбился насмерть!

– Ей было 19 лет, Надежда Илларионовна тогда училась на втором или на третьем курсе ВГИКа. И это правда – влюбился на всю жизнь. Пожалуй, это единственный случай, когда он сам долго добивался ответных чувств. В конце концов они поженились, родился Серёжа. Но потом что-то не сложилось... От Ивана Фёдоровича она ушла к Петру Ефимовичу Тодоровскому (который был тогда молодым кинооператором – Ред.). Но ведь неслучайно несколько лет спустя Чередниченко вернулась к Переверзеву, и это была попытка попробовать всё начать заново. Правда, вновь неудачная – через полтора года они опять расстались, уже навсегда. Тем не менее он и не скрывал, что любит только её. Недаром он потом всю жизнь выбирал женщин именно такого типажа – белокурых, курдючных, как она.

« Переверзев сразу сказал коллегам: «Ребята, держимся, не пьём. Мы все здесь под микроскопом»

– Есть фотографии Надежды Чередниченко и Аллы Ларионовой, где можно обнаружить немалое сходство.

– Так и есть. Кстати, после ВГИКа Надежда Илларионовна окончила Гнесинку по классу вокала. Прекрасно пела оперные партии – у неё был очень хороший голос. В этом году ей исполнится 90 лет, она с дочкой живёт в США.

– Ваша бабушка Мария Скобцева была певицей, исполнительницей русских народных песен. Как они с Иваном Фёдоровичем познакомлись?

– Они встретились на съёмках какой-то украинской картины, к сожалению, не помню её название. Она пела в хоре, а такие русские хоры в то время записывали песни ко многим фильмам. вспыхнули чувства, родился сын Василий – мой отец... Но встречались они недолго. Потом она заново вышла замуж, он женился. К сожалению, я бабушку не застал – она рано умерла, не дожив даже до 50. Погибла трагически: не прикрыли плотно заслонку у топки, она отравилась угарным газом и не проснулась. Мой отец мало о деде рассказывал – сам помнил его смутно. Знаю только, что бабушка влюблена была в него сильно. Да что говорить – все женщины его крепко любили.

– Сколько же у него всего было детей? Официально – четверо.

– Точную цифру не знает никто, но точно не четверо – больше! Все они знают друг о друге, но живут в разных странах и между собой не общаются – с детства не виделись. Ведь все жёны Ивана Фёдоровича, как правило, потом выходили замуж, и его детей воспитывали другие мужчины. Поэтому они даже физически не могли встречаться, общаться.

– Вы что-нибудь о них знаете? Например, старший сын Сергей. Какова его судьба?

– Если можно, о его судьбе не буду рассказывать, она не очень интересно сложилась. Слава богу, жив-здоров... Следующий по старшинству – мой отец, Василий. Ещё в годы перестройки его пригласили на работу в Америку. С тех пор он живёт в Лос-Анджелесе, сейчас на пенсии. Далее – Алексей (от актрисы, с которой у Ивана Фёдоровича тоже был кратковременный роман или брак) и Алёна – дочь от Ларионовой. Они примерно одногодки, в несколько месяцев разница... Алексей – врач, живёт за границей. Ещё одна дочь, если не ошибаюсь, Галина, живёт в Италии. О ней ничего не знаю, даже сколько ей лет. Потом, с большим отрывом, – Фёдор. Он самый поздний ребёнок (1968 или 1969 года рождения) и, между прочим, единственный, кто пошёл по стопам отца – окончил ВГИК. Правда, насколько я знаю, сейчас не актёр. Несколько лет назад, ещё до нынешних событий на Ближнем Востоке, он эмигрировал в Сирию и преподавал там в театральной академии.

Кстати, Алёна не считает себя дочерью Ивана Фёдоровича. Хотя лет в 13 – 14 ей мама честно сказала, что её настоящий папа. Но она всё равно носит фамилию и даже отчество Николая Рыбникова, именно его считает своим отцом, потому что он её воспитал и обожал всю жизнь. А Ивана Фёдоровича она не видела никогда.

– То, что Николай Рыбников воспитывал дочку Переверзева, давно не секрет. Как и то, что Иван Фёдорович сам запутался в женщинах, в результате не очень красиво повёл себя в этой истории...

– Согласен, не очень красиво. Когда вскрылось, что Переверзев ей изменял,

Иван Переверзев вместе с кубинской актрисой Камен Дельгадо на 3-м Московском международном кинофестивале. 1963

ет, конечно, Алла Ларионова была в отчаянии. Тем более что была беременна от него. Вы же ещё не забываете, что и другой сын Переверзева, Алексей, в это время носился... Но, если честно, я бы вообще не хотел трогать эту историю и обличать Ивана Фёдоровича с не очень хорошей стороны.

– Не пытались собрать всех родственников вместе?

– Я пытался кому-то писать, наладить отношения. Но всё это не имело отклика. А сейчас это вообще нереально – в России только одна Алёна Рыбникова живёт. Ей это неинтересно.

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

– Ваш дед был невероятно общительным, компанейским человеком. С кем он больше всего дружил из того поколения звёзд советского экрана?

– Да со всеми! С Борисом Чирковым, Николаем Крючковым, Борисом Андреевым, Петром Алейниковым... А самым лучшим его другом был прекрасный актёр Евгений Яковлевич Весник. Дружили они – не разлей вода.

– Евгений Весник написал в своей книге: «Переверзев из тех русских, чья душа нараспашку, у кого удалый, буйный темперамент, работоспособность, независимость, доброта, смелка. Из тех, кто умеет грешить и каяться, широко, красиво загулять, но при надобности вести аскетический образ жизни, умеет влюбиться, помогать, дарить, сопереживать. Он из тех русских, которые составляли и составляют неповторимый национальный колорит человеческого характера». Похож портрет?

– Один в один.

– Ещё Евгений Яковлевич рассказывал, как однажды они купленный галстук обмывали. Начали в Москве, потом на попутном грузовом ЛИ-2 оказались в Ленинграде, продолжили там веселье со своим другом актёром Василием Меркурьевым. В итоге оказалось, что галстук стоимостью 13 рублей обошёлся им вместе с приключениями в несколько тысяч.

– Да, вот такой лихой русский характер! Погулять он любил и умел.

– Не это ли его подкосило и укоротило жизнь?

– Скорее всего, именно так. Но я уже говорил, что все его проблемы с алкоголем и так называемые загулы были связаны только с одним – с неудачами в личной жизни. Ведь при всех его многочисленных романах и при том, что выбор у него был огромный, Ивану Фёдоровичу в личной жизни не везло. Домашнее тепло и надёжный тыл он нашёл только в последнем браке – с Ольгой Юрьевной Соловьёвой. С которой познакомился опять же на съёмках – она была ассистентом режиссёра в фильме Станислава Говорухина «День ангела». Почему он пошёл на этот брак с женщиной, которая была намного моложе его? Ей – 26, ему – 54. Мне кажется, он пошёл на него как на спасение.

Между прочим, к концу 1950-х он бросил и пить, и курить. Вообще не прикасался! Но поздно – здоровье уже было изрядно подорвано. В последние годы он совершенно потерял слух. В картине «Чисто английское убийство» снимался, будучи глухим. Чему, кстати, многие удивлены: как ему удавалось так точно реагировать на реплики партнёров. Представляете себе, что такое сниматься глухим в двух сериях? А смотришь фильм, и этого совсем незаметно.

– В апреле 1978-го Переверзев попал в больницу, откуда так и не вышел. Что случилось?

– Его увезли якобы с переутомлением. Ведь, несмотря на глухоту, он по-прежнему очень много ездил по стране с творческими встречами. Работал на износ, можно сказать. И вот однажды он приехал из поездки и неважно себя почувствовал. Причём в больницу отказывался ехать наотрез, но жена уговорила. Там он вскоре и скончался без особого диагноза. «Скоропостижно», то есть вроде бы не от чего.

– Ивану Фёдоровичу было всего 63. Ещё многое мог бы успеть.

– До последнего вздоха он был мыслями в работе. На тумбочке остался лежать сценарий нового фильма, который ему привезли прямо в больницу. Кто-то из медперсонала запомнил его последние слова: «Вот сейчас меня выпишут, и я пойду сниматься». Но...

– Сейчас на его могиле на Кунцевском кладбище можно увидеть цветы?

– Конечно, можно. Он похоронен в обычной могиле, в очень неудобном месте, на отшибе, её, кстати, не так просто отыскать – без сопровождающего не найдёшь никогда. Но памятник стоит хороший, мраморный.

– Вы-то сами, Сергей, не захотели продолжить актёрскую династию?

– Почему? Я окончил ГИТИС. По диплому я актёр музыкального театра, мастерская музыкальной драмы. Поработал в двух театрах, чуть-чуть поснимался в кино. Понял, что там нет перспективы, а главное – большого развития. Сериальное кино мне неинтересно. Поэтому сейчас занимаюсь музыкой. Веду рубрику на телевидении. Пишу поп-песни, тексты и музыку, пою.

– Значит, внук великого Переверзева – акула шоу-бизнеса?

– Ну пока ещё не акула! (Смеется.) Но, например, мой диск, который я по контракту записал в Майами, вышел в 60 странах мира.

– И последний вопрос. Как вы думаете, почему 100-летний юбилей Ивана Фёдоровича телеканалы проигнорировали? Не было ни документальных фильмов, посвящённых прославленному актёру, ни вечеров памяти...

– Грустно, но это так. Лет 10 назад я попытался собрать на вечере в Доме кино людей, которые с ним работали, снимались, чтобы они рассказали, каким он остался в их памяти. К сожалению, это не особо удалось, потому что ближайших друзей-партнёров уже нет в живых. Пришли Инна Владимировна Макарова, Зинаида Михайловна Кириенко... Тогда же мы сделали попытку снять о нём документальный фильм к 95-летию, но телеканалы сказали: «Что вы! Это неформат!» Я на все ТВ-каналы писал письма, чтобы к юбилею показали лучшие его картины, но, как я понял, им этого не надо... А сегодня снять документальный фильм о нём – это ещё более неразрешимая задача. Нужен волепопад воспоминаний, а, к сожалению, его уже никогда не будет. Тогда зачем? На телевидении его картины – «неформат». А молодым фамилия Переверзев ничего не говорит. Даже, как ни странно, актёрам...

КУЛЬМИНАЦИЯ ДЕЛА БОРОДИНА

Георгий Чуглазов: «Иные начальники предпочитают прикрывать громкие дела чужими руками. Но если встречают сопротивление принципиального следователя, как правило, отступают»

**Игорь
КОРОЛЬКОВ**

Специально для
«Совершенно секретно»

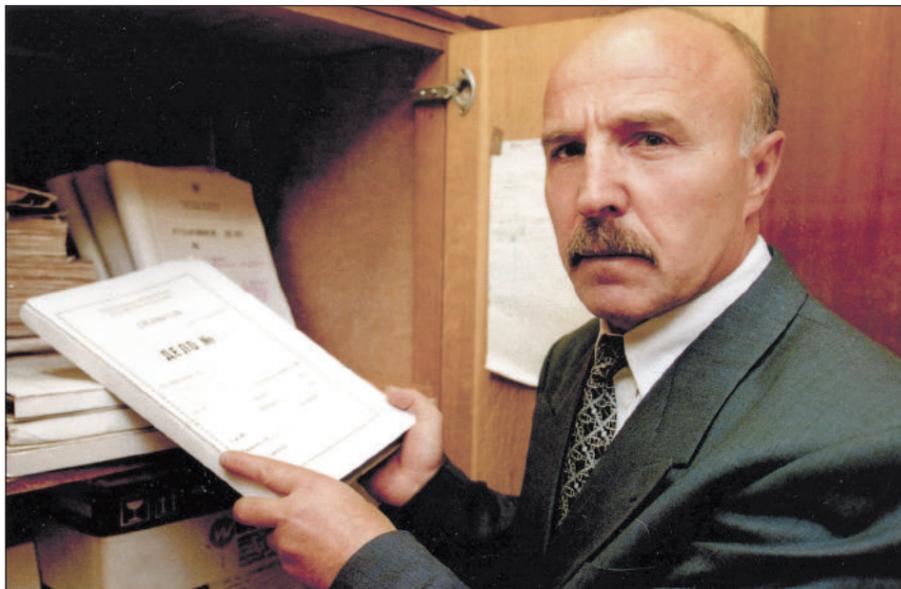
Газета «Совершенно секретно» продолжает цикл интервью с бывшими следователями по особо важным делам – «Важняки» СССР и России. (См. ранее интервью: с Валерием Костаревым «Легендарный Евграфыч», №2/391, февраль 2017; с Евгением Бакиным «Как обезвредили «Вирус» и с Амурханом Яндиевым «Охотник за маньяками», №03/392, март 2017; с Тельманом Гдяном «Кремлёвское дело», №4/393, апрель 2017, с Сергеем Гребенчиковым «Как развалили «офшорное» дело», №5/394, май 2017; с Владимиром Даниловым «Генерал из деревни Голендухино», №6/395, июнь 2017; с Евгением Ильченко «Рядом с Зазеркальем», №7/396, июль 2017).

Впервые мы встретились с ним в 2005-м недалеко от здания Генеральной прокуратуры, где он тогда работал. Должность у него была высокая – советник Генерального прокурора Российской Федерации. Но хуже этой должности у него не было. Он приходил на работу, садился за совершенно пустой письменный стол и... ждал. Ждал, когда ему дадут какую-нибудь работу. Весь смысл приближения «важняка» к руководству в том и состоял, чтобы «обездвижить» его. Своё последнее уголовное дело Чуглазов расследовал в 1999 году. По этому делу проходил сам руководитель Главного социально-производственного управления Администрации Президента России Павел Бородин. Выяснилось, что при реконструкции Кремля фигурировали солидные откаты.

Видимо, руководство страны считало, что Генеральная прокуратура забралась слишком высоко и это создаёт плохой прецедент. Надо полагать, неслучайно именно тогда на одном из телеканалов появилась знаменитая плёнка с «человеком, похожим на Скуратова», забавлявшимся с двумя проститутками. Генерального прокурора Скуратова заменили на лояльного Генерального прокурора, а тот, в свою очередь, стал «приводить в порядок» хозяйство, доставшееся ему в наследство от опального предшественника. Дело, которое вёл Чуглазов, у него забрали.

Справка: Весной 1998 года советник швейцарского банка Banco del Gottardo Филипп Туровер в Берне дал показания о том, что в Управлении делами Президента России совершались злоупотребления при заключении контрактов с фирмой Mabetex. Туровера лично приняли Генеральный прокурор Швейцарии Карла дель Понте и её заместитель Феликс Бесингер. Туровер заявил, что представители фирм Mabetex и Mercata перевели около 60 миллионов долларов на счета ряда граждан России, включая управляющего делами Президента России Павла Бородина. Туровер высказал мнение, что переведённые деньги были «комиссионными» за получение фирмами выгодных контрактов от российского правительства на реконструкцию Кремля.

Генеральный прокурор РФ Юрий Скуратов пригласил в Москву Туровера. Здесь советник банка сделал заявление, на основании которого в тот же день Генпроку-

Георгий Чуглазов и его «дела»

ратура возбудила уголовное дело по подозрению в злоупотреблении должностными лицами Управления делами Президента России при заключении контрактов на реконструкцию Московского Кремля. Уголовное дело получило номер 18/221042-98.

Генеральная прокуратура направила в Швейцарию запрос о правовой помощи. В запросе утверждалось, что сметы на реставрационные работы в зданиях Московского Кремля, Госдумы и Дома правительства России завышены на 30 – 60%. Павел Бородин и его заместители были названы причастными к махинациям. По поручению Генпрокуратуры РФ в офисе Mabetex в Лугано провели обыск.

В марте 1999 года Карла дель Понте совершила визит в Россию и встретила с Юрием Скуратовым. Сразу же после визита в Управлении делами Президента РФ были проведены обыски.

2 апреля 1999 года президент Ельцин отстранил Скуратова от должности Генерального прокурора РФ с формулировкой «на период расследования возбуждённого в отношении него уголовного дела». Расследование дела Mabetex продолжил заместитель начальника Управления Генпрокуратуры России по расследованию особо важных дел Георгий Чуглазов. Он направил запрос в органы власти Московской области о недвижимости Павла Бородина, его жены, двух малолетних детей, взрослой дочери, Екатерины Силецкой и зятя, Андрея Силецкого. Такие запросы обычно предшествуют аресту имущества фигурантов уголовного дела.

В июле 1999 года прокурор швейцарского кантона Женева Бернар Бертосса возбудил уголовное дело по подозрению Бородина в отмывании денег, полученных незаконным путём. По словам Чуглазова, его отстранение от дела произошло, когда расследование «подшло к кульминационной части». В мае-июне 1999 года он должен был ехать в командировку в Швейцарию, где ему обещали в процессуальном порядке передать банковские и другие документы, дополнительно подтверждающие вину заподозренных лиц. Разрешения на поездку не получил. В августе 1999 года новым руководством Генеральной прокуратуры РФ «важняк» Чуглазов был отстранён от ведения дела по Mabetex. Уголовное дело передали следователю Генпрокуратуры Руслану Тамаеву. Он его и прекратил.

ЧЕЛОВЕК С МАРКИ

Когда мы встретились, Чуглазов был молчалив, задумчив и печален. Очень сдержанно говорил о деле Бородина. Сегодня, зная о Чуглазове больше, чем тогда, могу предположить, чем объяснялись его подавленность и, как мне показалось, даже растерянность. Всю жизнь служивший закону, расследовавший сложные уголовные преступления, он поднялся на вершину той пирамиды, которая олицетворяла собой силу закона. Оказалось, и на этой вершине действовали те же правила, с которыми он неоднократно сталкивался этажами ниже. Между тем, что декларировалось, и тем, что происходило в действительности, была существенная разница. Строительство правового государства, объявленное в «обновлённой» России, имело гнилую основу. «Дело Павла Бородина» было последним делом Георгия Чуглазова. В нашей беседе бывший «важняк» обходил эту тему. То ли не хотел огорчительных воспоминаний, то ли была ещё какая-то причина. Нашу беседу я начал с вопроса о том, как он, электрик пятого разряда, оказался старшим следователем по особо важным делам Прокуратуры СССР?

– Это был долгий путь, – сказал Чуглазов. – После школы я пошёл в ПТУ.

– Сегодня мало кто знает, что такое ПТУ.

– Профессионально-техническое училище. Готовило специалистов рабочих профессий.

– Вы стали электриком. А потом?

– Потом работал на заводе в Рустави.

– Вы родились в Грузии?

– Да, в Гагре, в Абхазии.

– В вашей семье кто-то имел отношение к юриспруденции?

– Я рос без отца, в нашем роду не было юристов. Но с восьмого класса мечтал стать или журналистом, или юристом.

– И почему же не выбрали журналистику?

– У моего друга Лёвы Абухба отец был членом Верховного суда Грузии. Я на него смотрел как на бога. Строгий, немногословный, высокообразованный, Фират Асланович Абухба производил впечатле-

ние человека волевого, сильного, справедливого. Бывая у них в доме, я копался в большой библиотеке, состоявшей в основном из юридической литературы. Листал Уголовный кодекс, всевозможные комментарии... Я хотел быть таким же, как Фират Асланович. После его смерти в Абхазии даже выпустили марку с его изображением – вот как его уважали!

Чуглазов вышел из комнаты, спустя несколько минут вернулся, принёс марку – старую, но хорошо сохранившуюся.

– Красивый человек, – заметил я.

– Очень достойный! – сказал Чуглазов.

– Что вы окончили?

– Всесоюзный юридический заочный институт, знаменитый ВЮЗИ, его Краснодарский филиал. Получил красный диплом.

– Учились и работали на заводе?

– Да. У меня 13 лет рабочего стажа. В него вошли и три года службы в армии. Так что я приступил к следствию довольно зрелым человеком. Мне было 29 лет.

– Где вы начали работу?

– Недалеко от Краснодара, в станице Красноармейской. Сферу моей деятельности определил следователь Женя Ребров. Он сказал: где асфальт – работаю я, где нет асфальта – работаешь ты.

– И как?

– Ничего, дело пошло.

– А могло не пойти?

– Исключено. Мне кажется, что я родился следователем.

– Откуда вы это знаете?

– Я это чувствовал.

– Уже тогда?

– Всегда. Я был уверен в себе и с самого начала ничего не боялся. Я поступал так, как считал нужным. Однажды на место преступления, как у нас водится, понаехало начальство: секретарь райкома партии, директор совхоза, начальник милиции... Все курят, затаптывают следы. Я, начинающий следователь, сказал, что они мешают осматривать место происшествия, попросил отойти подальше.

– Не обиделись?

– Нет, отнеслись с пониманием.

– У вас хорошие были начальники?

– Да, мне везло на прокуроров. Первый был Григорий Максимович Подлесный, человек довольно преклонных лет. Всех знал, все знали его. Как где набеда курит подросток, мама бежит к шефу, плачет. Он передавал дело на Комиссию по делам несовершеннолетних. Это был миротворец. Старался всех понять, примирить. Иногда говорил мне: «Почему ты такой суровый?»

В Красноармейской я жил с семьёй на частной квартире, поэтому попросился в отдалённый предгорный район, в станицу Отрадную, где можно было получить своё жильё. Здесь прокурор тоже был хороший мужик. Добрейшей души! У него был один недостаток: к 11 утра – уже готов, и у меня карт-бланш. Никто не мешает. Видимо, поэтому и привык к самостоятельности.

В СТИЛЕ АГАТЫ КРИСТИ**– А что за дела у вас были?**

– Разные. Как-то получили анонимное письмо: на кладбище в могиле что-то закопали, просим проверить. Кого посылают? Разумеется, новичка. Машину, как водится, не дают. Ловлю с помощью милицейского жезла попутный молоковоз и еду в станицу Передовую. Еду, а сам думаю: хоть бы ничего не подтвердилось! Приехал, копаю. Выкапываю мешок, а в нём – тело молодой женщины. Обратил внимание: вокруг чернозём, а в мешке – песок. Значит, изначально труп закапывали в другом месте. Огляделся. Недалеко от кладбища – домик. В нём старушка живёт. Предположил, что это она могла видеть, как закапывали труп, и написала письмо. Так и вышло. Попутно выяснил: в милицию неоднократно прибегал мужчина, сообщал, что пропала жена, требовал найти. Навёл справки: оказалось, труп был закопан в могиле его тёщи. Шевельнулся подозрение: а не он ли убил свою жену? После осмотра места происшествия пришёл к нему домой, а он – вешаться. Но верёвка оборвалась. Осмотрел её – оказалась подрезанной. Задержал мужа убитой и на молоковозе привёз в район, поместил в КПЗ. На третий день он всё рассказал: и как убивал, и как прятал тело жены.

– Интересное дело...

– Как по Агате Кристи.

– А какие ещё дела были?

– Как-то семью вырезали. В квартире всё перевёрнуто. У хозяина перерезано горло, на теле – следы пыток. Предположил, что к делу причастны люди с Кавказа. И не ошибся. Их было двое.

– Почему подумали на кавказцев?

– Вырос на Кавказе.

– Это, видимо, то, что называют интуицией?

– Наверное.

– Это и есть то, что делает следователя следователем?

– Видимо.

– А как рождается версия?

– Как правило, по результатам осмотра места происшествия. Нужно внимательно всё осмотреть, обратить внимание на мелочи, которые на самом деле совсем не мелочи. Там и можно разглядеть подсказки. Скажем, если на теле убитого много ран различного происхождения, можно предположить, что было не менее двух преступников. Это предположение влечёт за собой цепочку вопросов: кто они, чего хотели, почему были так жестоки? Есть следственные буквари. В них описаны едва ли не все возможные случаи преступлений. Даны так называемые шаблоны. А дело следователя – применить их с учётом конкретной ситуации.

– Сколько дел вы расследовали в районе, скажем, в месяц?

– В Отрадненском районе по штату – один следователь, нагрузка была боль-

шой: восемь-десять дел. Как-то было двенадцать. В суд направлял по четыре-пять дел. Напряжённо, конечно, работалось. Но зато какая школа! То, что в областном аппарате следователь приобретает за три года, «на земле», особенно в сельском районе, постигает за год. В эту пору я много читал специальной литературы. Прежде всего – всевозможные методические пособия по раскрытию отдельных видов преступлений. Однако только изучив пособия, квалифицированным следователем всё равно не станешь – необходимо ещё творчески применять полученные знания.

– Расследовать сразу до десятка дел – как не запутаться? Где найти на всё время?

– Надо крутиться. Целыми днями, в том числе и в выходные, находился на работе. Бывало, приедешь с одного происшествия и тут же едешь на другое. Дашь себе слабину, и дела как снежный ком навалются. Нужны чёткая организация своей работы, самодисциплина. Прокурор ставит перед тобой стратегическую задачу, а ты соображаешь, как её решить. Где найти свидетелей, как раздобыть улики, какие версии необходимо отработать...

– Среди подобного вороха дел были и такие, которые раскрыть не удавалось?

– Таких дел у меня было два. Убийство в парке станицы Отрадной в середине 1970-х и нападение на инкассатора в Крыловском районе, когда я работал старшим следователем прокуратуры края.

– И почему не удалось раскрыть эти преступления?

– В первом случае попал под влияние начальника милиции и подчинённых ему оперативных работников. Стремясь улучшить показатели раскрываемости, они уже в ночь убийства задержали подозреваемого и сделали всё, чтобы я предъявил ему обвинение и арестовал. Прокурор района тоже считал, что мы арестовали убийцу. И только спустя несколько месяцев, после проведения комплекса всех необходимых судебных экспертиз, я пришёл к выводу, что достаточных доказательств вины этого человека нет. Несмотря на возражения своего и милицейского начальства, дело в отношении него прекратил. Но, к сожалению, время было упущено. До своего перевода в прокуратуру Краснодарского края я так и не успел найти того, кто на самом деле совершил убийство.

Что же касается второго случая... К расследованию нападения на колхозного инкассатора меня подключили уже после того, как были проведены все первоначальные следственные действия. А проведены они были, мягко говоря, не лучшим образом. Это и недостаток личного опыта в расследовании подобных преступлений, как мне кажется, и привели к тому, что преступление осталось нераскрытым.

Почтовая марка, выпущенная в честь известного юриста Абхазии, бывшего члена Верховного суда Грузии Фирата Аслановича Абухбы. Благодаря ему Чуглазов и стал «важняком»

– И больше не было таких дел?

– Не было.

– И никому не удавалось вас перехитрить?

– Нет. Хотя некоторые очень старались. Принимал как-то участие в работе бригады, которая расследовала дело банды Савельевых. По ночам грабили сберкассы. В неё входили более десяти человек. Стержнем банды был не кто-нибудь, а начальник уголовного розыска города Кропоткина, капитан. Хладнокровный, изворотливый, он знал, как совершить преступление, не оставив следов. Здание обесточивали, кувалдой взламывали сейфы, иногда использовали газосварку... Дисциплину в банде капитан держал железную. При нападении запрещал убивать свидетелей. Но делал всякие ложные ходы. Например, на месте преступления оставлял газету из Минеральных Вод или Пятигорска. В бригаде мне поручили заниматься именно капитаном. Несмотря на всевозможные хитрости, мы взяли всех, в том числе и начальника уголовного розыска, доказали их вину.

Я – ПОЛЕВОЙ ГЕНЕРАЛ**– Следователь – это канцелярская крыса, которой некогда голову оторвать от вороха дел?**

– И канцелярская крыса тоже, в хорошем смысле этого слова. Надо правильно и своевременно оформить бумаги. Нужно анализировать протоколы допросов, осмотра места происшествия, акты судебно-медицинских экспертиз, справки, ответы на запросы, информацию, поступившую от оперативников... Но я считал и считаю, что следователь не писарь и не должен только сидеть в кабинете. Я бегал в поисках информации, свидетелей, неоднократно изучал места преступлений, были даже случаи, когда я лично задерживал подозреваемых. Причём делал всё это и когда стал следователем по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР. Есть паркетные генералы, а есть – полевые. Я – генерал полевой.

– Как определить, паркетный генерал или полевой?

– Очень просто. Поинтересуйтесь, давно ли в последний раз он видел живого обвиняемого. И всё встанет на свои места.

– А как вы всё-таки оказались в Москве? Где Прокуратура СССР и где станица Отрадная!

– До Москвы было ещё далеко. Впереди была работа следователем по особо важным делам прокуратуры Краснодарского края. А дел расследовал много, и все они там были громкие. Например, «дело заместителя начальника Управления по борь-

бе с хищениями социалистической собственности (УБХСС) УВД края». Обвинялся в получении взятки. Или, скажем, «дело Эдигарова», доцента кафедры научного коммунизма Кубанского медицинского института – брал взятки за поступление в вуз. Мало того что человек занимал номенклатурную должность, так он ещё был женат на племяннице могущественного первого секретаря Краснодарского обкома партии Медунова, приближённого к Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Брежневу. Такие дела всегда были на контроле не только в Прокуратуре РСФСР, но и в Прокуратуре Союза. В бригадах Прокуратуры СССР и Прокуратуры РСФСР никогда не работал, но был как-то на пару недель прикомандирован к Следственной части Прокуратуры СССР вместе со своим «делом».

– Психологически тяжело вести войну с влиятельными фигурантами?

– Мне – нет. Меня никогда не пугали ни громкие имена, ни большие должности. Мои права определяли Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, я работал строго в рамках закона, остальное меня не интересовало.

– Но, как сказал классик, жить в обществе и быть свободным от общества невозможно.

– Я делал только то, что считал правильным. Как-то, работая районным следователем, возбудил и расследовал дело в отношении председателя колхоза. Он настолько зарвался, что избивал колхозниц за плохо выполненную работу. А был членом бюро райкома партии, Героем Социалистического Труда. Представляете, какой начался переполох! Меня вызвал к себе первый секретарь райкома партии и поинтересовался, как я отнесусь к тому, если мне улучшат жилищные условия. Я не принял «подарок». Тогда секретарь пригрозил: мы тебя вызовем на бюро райкома и выгоним из партии! Я ответил: «Вызывайте». Прекратить дело требовал и прокурор. Я заявил: «Сами и прекращайте». Пытался призвать меня к порядку и заместитель прокурора края, возмущался, дескать, что за неуправляемый следователь! Я ему ответил так: если у вас есть веские причины для прекращения уголовного дела, дайте письменное указание. Разумеется, он на это не пошёл. Всё закончилось тем, что колхозницы отозвали свои заявления, дело пришлось прекратить.

С первых же месяцев работы следователем я понял, что иные начальники предпочитают прикрывать громкие дела чужими руками. Но если встречаются сопротивление принципиального следователя, как правило, отступают. Требование, чтобы они взяли на себя ответственность, – отличный способ защитить своё право на добросовестное расследование. И я при необходимости пользовался этим правом.

В своём вопросе вы употребили слово «война». Я никогда не вёл войн. Был у меня в прокуратуре Краснодарского края коллега и товарищ, тоже следователь по особо важным делам. Так вот он считал: тот, кто напротив следователя, – враг. С моей точки зрения, это совершенно порочная позиция. Она мешает вести расследование. Не позволяет найти с подозреваемым общий язык. Я же придерживался иной философии: к сидящему напротив относиться как к человеку оступившемуся. Всегда апеллировал к его лучшим качествам. Например, один из фигурантов моего дела стал и фигурантом по «рыбному делу», которое расследовала бригада Прокуратуры СССР. Под предлогом плохого самочувствия он спрятался в больнице. Без его показаний следствие застопорилось. Я побеседовал с ним, и он вышел из больницы. Если бы видел в нём врага, ничего у меня не получилось бы.

– Интересно, что вы ему сказали?

– Обрисовал его положение, положение других фигурантов, дал ему возмож-

Следственно-оперативная группа на расследовании осетино-ингушского конфликта. Чуглазов – второй слева

► ность самому убедиться в том, чтокрытие больницы – не лучшая тактика. Мы же, в конце концов, могли назначить и независимую медицинскую комиссию.

Справка: «Рыбное дело» – собирательное название для серии уголовных дел о коррупции и злоупотреблениях в Министерстве рыбного хозяйства СССР в конце 1970-х годов прошлого века. В результате совместных действий МВД и КГБ СССР была вскрыта разветвлённая криминальная структура, которая занималась контрабандой чёрной икры. Замминистра рыбного хозяйства СССР Владимира Рытова в итоге приговорили к смертной казни и расстреляли.

Из расследования этого уголовного дела было инициировано «сочинско-краснодарское» дело. Так, арест директора сочинского магазина «Океан» повлёк за собой арест председателя сочинского горкома КПСС Вячеслава Воронкова.

ОТСТРАНЕНИЕ ОТ ДЕЛ

– Профессия следователя, видимо, деформирует человека?

– Это зависит от самого следователя. От тех нравственных установок, которые он сам себе выбрал. Вёл я как-то дело об одном одноногом китайце из Харбина. Член компартии Китая, он был заброшен в Приморский край в качестве шпиона. Оказавшись в СССР, сдался властям. Он нарушил правила передвижения для лиц, не имеющих гражданства. По указанию прокурора я вёл это дело. Ван (так его звали) отсидел свой небольшой срок, вернулся, обратился ко мне за помощью. Я его устроил на работу. Это возмутило большого начальника из другого ведомства, он стал мне угрожать. Я послал его открытым текстом. Нельзя не помочь человеку, который обратился к посадившему его следователю за помощью! Кто бы он ни был.

– Если не возражаете, вернёмся к вопросу о том, как вы оказались в Генеральной прокуратуре.

– Как я уже говорил, многие громкие дела, которые я расследовал, были на контроле в Прокуратуре СССР. Кроме того, некоторые мои дела по Краснодарскому краю пересекались с делами, которые вели «важняки». Так что меня в Прокуратуре Союза знали, поэтому и пригласили на должность следователя по особо важным делам. Но это произошло не сразу.

– Почему?

– В отношении меня возбудили уголовное дело.

– В отношении вас?!

– Это случилось в станице Темиргоевская. Там участковый капитан милиции избивал людей, вымогал взятки. Я возбудил уголовное дело, собрал доказательства, достаточные для его задержания и ареста, и вместе с понятными рано утром пришёл в его дом – задержать капитана. Чтобы не произошло утечки информации о предстоящей операции, не стал информировать местный РОВД. Предъявил постановление на обыск. Жена участкового его порвала и стала кричать, что я-де избил их собаку и отца участкового. Потом я узнал, что участковый с табельным пистолетом в руках прятался за печкой. Понятые, местные жители, тут же сбежали, и мне пришлось отказаться от проведения обыска – нужно было искать подозреваемого. Жена участкового и его отец подали на меня жалобу. Возбудили дело. Ситуация мерзкая! Вот в Прокуратуре Союза, видимо, и решили с назначением повременить.

– И чем всё закончилось?

– После дотошных проверок дело прекратили за отсутствием события преступления.

– А капитан?

– Ударился в бега.

Расследование дела об убийстве сотрудников прокуратуры Армении Торосяна и Кургиняна. Осмотр места происшествия у озера Севан: здесь обнаружили один из трупов. Чуглазов – слева. Конец 80-х прошлого века

– И всё-таки вас взяли в Прокуратуру СССР!

– Да, в 1985-м меня назначили следователем по особо важным делам при Генпрокуроре СССР.

– В каком звании?

– Советника юстиции.

– А генерала получили когда?

– Последним указом первого Президента СССР Горбачёва, в декабре 1991 года.

– Здесь, «наверху», всё оказалось сложнее?

– Разумеется. Способы совершения преступлений и методы их раскрытия остались те же. Изменились масштабы преступлений, уровень фигурантов. Мне довелось, например, заниматься расследованием дел в Оше, Узгене, Фергане, Ингушетии, в основе которых лежали межнациональные отношения. А это особый вид расследований.

– Чем же?

– Ты между конфликтующими сторонами. Тобой недовольны все. Это недовольство выливается в многочисленные жалобы. Их поток может сбить с ног.

– Сбивал?

– Меня – нет.

– Но, насколько мне известно, вас неоднократно отстраняли от дел.

– Это происходило по другой причине.

– Можете об этом рассказать?

– Из расследования дела по осетино-ингушскому конфликту меня вывели потому, что я не был согласен с курирующим следствием по этому делу заместителем Генерального прокурора РФ по вопросам организации расследования. Меня отозвали из Ингушетии и направили в Хабаровск расследовать уголовное дело в отношении командующего армией. Потом в Приморском крае я возглавил группу по расследованию преступной деятельности банды Ларионовых. Оттуда меня отозвали, назначили заместителем начальника Следственного управления и вновь направили расследо-

вать осетино-ингушский конфликт. Теперь уже в качестве руководителя объединённой следственно-оперативной группы Генеральной прокуратуры, МВД и МБ Российской Федерации. Все уголовные дела по конфликту были соединены в одно производство, и 8 февраля 1995 года я вынес постановление о прекращении этого уголовного дела. В нём была дана правовая и политическая оценка конфликту. Исполняющий обязанности Генерального прокурора РФ с принятим решением согласился.

– Кто были фигурантами дел, которые вы расследовали в качестве «важняка»?

– Фигурантами могли быть люди, занимавшие не очень высокие должности, но за ними, как правило, стояли весьма влиятельные личности. Например, в конце 1980-х в моём производстве было уголовное дело по факту убийства двух бывших сотрудников центрального аппарата Прокуратуры Армянской ССР – Торосяна и Кургиняна. Дело было раскрыто следственным путём. Выяснилось, что убитые конфликтовали с тогдашним прокурором Армении Осипяном. Острый конфликт привёл к тому, что в отношении чиновников, позволивших себе критику главного прокурора республики, возбудили уголовное дело. Вёл его мой старший коллега – «важняк» Генеральной прокуратуры СССР. Он даже арестовал «оппозиционеров». Их осудили. Освободившись из мест лишения свободы, Торосян и Кургиняна стали ещё активнее критиковать своего бывшего шефа: писали в различные инстанции о том, что прокурор республики – взяточник. А вскоре обоих убили. Я изучил дело, которое возбуждали в отношении них, их жалобы. Пришёл к убеждению, что и Торосян, и Кургиняна – приличные люди, вступившие в борьбу с коррупцией в их ведомстве. Из этого и исходил в своём расследовании. В результате вышел на так называемую золотую молодёжь, среди которой был и сын прокурора республики Осипяна. До ареста и этапирования одного из участников убийства в Москву никаких жалоб на меня не поступало. Но в Москву прибыл прокурор Армении Осипян. Пользу-

ясь давним знакомством с Генеральным прокурором СССР, стал добиваться моего отстранения от дела. В результате под предлогом срочной командировки в Узбекистан меня обязали передать дело другому следователю.

– Чего вы не умеете в следствии?

– Быть завхозом.

– Простите, не понял.

– Когда возглавляешь бригаду при расследовании дела в регионе, должен наладить не только рабочий процесс, но и нормальный быт. Например, при расследовании дела в Узгене в бригаде были 250 человек. Оперативники КГБ и МВД, следователи, эксперты... Им нужно нормально отдыхать, питаться... Налаживать быт я не очень умею. И потому в таких случаях всегда искал толкового следователя со способностью завхоза.

– А как вы отбирали толковых следователей?

– Читал протоколы допросов. По тому, как человек провёл допрос, могу судить о его профессиональных возможностях.

– А если он склонен к выпивке?

– Я прощал пьянство только профессионалам.

– Расследуя дело, в котором фигурировал Павел Бородин, вы общались с Генеральным прокурором Швейцарии Карлой дель Понте. Какое впечатление произвела на вас эта женщина?

– Это очень сильная и смелая женщина. Казалось, в природе не существует ничего такого, что могло бы остановить её в проведении расследования. Маленькая, худенькая, постоянно курящая, она производила впечатление человека негибкого. Мы с ней много общались по телефону и лично – в Москве, когда она приезжала сюда, в Женеве, когда я бывал там. Она передавала мне всё, что могло помочь вести расследование. В вопросах следствия у меня были с ней доверительные отношения. Наше сотрудничество я бы назвал идеальным.

– Вы производите впечатление человека неразговорчивого.

– Это ошибочное впечатление. Разумеется, профессия наложила отпечаток: я осторожен в разговорах о том, чем занимаюсь, никогда не высказываюсь о делах моих коллег. Но с удовольствием поговорю о футболе, о прочитанном, об интересных людях...

– Какое качество, необходимое для следователя, вы бы выделили?

– Он должен не плыть по течению и не ждать, когда оперативники принесут ему доказательства, а вести наступательное, активное расследование, видеть ситуацию как шахматист – на несколько ходов вперёд, своими законными ходами заставляя оппонента совершать ошибки... Расследование дела – это не вязание на спицах. Следователь напоминает охотника, идущего по следу, как правило, опасной дичи. Порой ситуация складывается так, что, если промедлишь, доказательства по делу потеряешь безвозвратно. В определённых случаях нужно уметь рисковать.

– Вы всю жизнь копались в человеческих пороках. Это как-то сказалось на вашем отношении к людям, обществу, к жизни?

– Я просто вижу чуть дальше, чем другие.

Георгий Тимофеевич Чуглазов подал в отставку в 2006 году. Ему было 62 года. Мне очень хотелось бы свою коллекцию почтовых марок пополнить маркой с изображением российского «важняка» Георгия Чуглазова. Но такой марки, к сожалению, не существует.

Фото из архива автора

КАК ОХРАНЯЛИ ФИДЕЛЯ КАСТРО

Подполковник 9-го управления КГБ СССР Сергей Голосов:
«В два часа ночи меня проинформировали о том, что Фидель
хочет совершить поездку по ночной Москве»

**Сергей
ГОЛОСОВ**

Специально для
«Совершенно секретно»

Мы продолжаем начатый нами цикл публикаций, основанных на воспоминаниях Сергея Яковлевича Голосова, подполковника 9-го управления КГБ СССР, служившего в элитном подразделении, занимавшемся организацией личной охраны первых лиц СССР и их гостей – лидеров социалистических стран (см. «Легенда спецназа», «Совершенно секретно», № 7/396, июль 2017). За три десятилетия работы в органах системы госбезопасности Голосову приходилось охранять и наших, и иностранных руководителей. Ну а поскольку он закончил факультет Высшей школы КГБ с изучением испанского языка, его служба была во многом связана с испаноязычным контингентом. Ему посчастливилось близко знать Фиделя и Рауля Кастро, Луиса Корвалана. Отметим в скобках, что с легендарным Лучо, руководителем компартии Чили, Сергей Голосов проводил практически всё время, будучи начальником его охраны.

Когда мы начали разговаривать с Сергеем Яковлевичем о Фиделе Кастро, он вспомнил такой момент из собственной биографии: «Начало 1960-х. Я, двадцатилетний паренёк из Тульской области, выхожу из метро на станции «Площадь Революции» и вижу большое количество людей, радостно приветствующих проезжающий мимо правительственный кортеж. Я поинтересовался, кого встречают москвичи, и мне объяснили, что в СССР с официальным визитом прибыл Фидель Кастро. Кем был Фидель для советских граждан, объяснять, наверное, не нужно. Героем, примером для подражания, всеобщим любимцем. Мог ли я тогда думать, что через десять лет буду не только видеть его рядом, общаться с ним и даже обеспечивать его безопасность? Но так случилось, что Фидель навсегда вошёл в мою жизнь и остался у меня в памяти...»

ИСТОРИЯ СО СКУЛЬПТУРОЙ

– Как вы, Сергей Яковлевич, познакомились с Фиделем, как вообще люди попадали на работу с государственными лидерами?

– Система «подвода» к первым лицам непростая. У нас, бывало, охраняемые лица и анкеты предлагаемых сотрудников читали, и фотографии смотрели... Я не сразу стал работать с Фиделем близко в

Фидель Кастро с Сергеем Голосовым

качестве прикрепленного или замначальника охраны. Сначала был на некотором расстоянии, работал в системе выездной охраны. В 1972 году, когда он приехал с визитом в СССР и посетил несколько городов, я был на подхвате. В одной машине с ним тогда не ездил, был, как у нас говорят, «на хвосте». Ну и выполнял я обычные для нас виды работы, охранял, закрывал периметр и так далее. Но близко его, конечно, видел, как и он меня.

По-настоящему узнавать меня он стал после случая в Гаване во время моей очередной поездки на Кубу. Шёл 1978 год, а на острове Свободы проходил Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. Советскую делегацию возглавлял секретарь ЦК и член Политбюро Пётр Миронович Машеров. И он запланировал для хозяев сюрприз.

– Но мне казалось, что во время подобных встреч охрана согласует все детали, чтобы как раз без «сюрпризов» обошлось...

– Сюрприз должен был быть для Фиделя. Его вроде бы пообещали держать в неведении. Приглашает меня Машеров, показывает бронзовую скульптурную композицию и говорит: «Вот это произведение искусства нужно незаметно доставить в кабинет Фиделя Кастро, чтобы после переговоров я сделал этот подарок как сюрприз. Справишься?»

– А что за композиция была?

– Действительно необыкновенная. Два бронзовых изображения Фиделя. Первое – молодой партизан с винтовкой за спиной, изваянный в полный рост. Высота – примерно полметра. А второе было вдвое больше – бюст вождя кубинской революции в зрелом возрасте, где он выглядел как политик и мыслитель. Задача скульптора, по словам Машерова, была показать, как Кастро из партизана стал руководителем государства и выдающимся политическим деятелем.

– Ваши действия?

– Обратился к кубинской службе безопасности, объяснил проблему. Согласовали всё. Но вот когда я, в строгом соответствии с протоколом встречи Кастро – Машеров и разработанным планом, находился уже в кабинете Фиделя и переставлял монумент с места на место (смотрел, откуда он будет выглядеть лучше), а также репетировал, как с него будут сдвигать покрывало, то почувствовал на себе чей-то взгляд. Обернулся. Позади меня стоял команданте с револьвером на поясе и с сигарой в руке. Я что-то пролепетал ему, а он с любопытством стал разглядывать фигуры. Я, кстати, знал, что это был первый его памятник. Скорее всего, он ему понравился. Во всяком случае, команданте подошёл, пожал мне руку и хлопал меня по плечу.

Хотя тогда я свою миссию не выполнил полностью – полноценного сюрприза не получилось, но я думаю, что, поскольку мы всё согласовывали с его охраной, ему шепнули, что планируется такое мероприятие

– А ведь мог бы, зайдя в кабинет и увидев постороннего, и пальнуть, человек-то Фидель был горячий...

– Мог. Если бы действительно ничего не знал. А встреча была интересная. Машеров с Фиделем, как два бывших партизана, общий язык нашли.

– Наши вожди Кастро выделяли среди других глав соцстран?

– К Кубе нельзя было относиться так же просто, как к нашим сателлитам типа Болгарии или Монголии. И Фидель всегда выглядел более самостоятельным, независимым, значительным. Встречать его в аэропорт посылали самых уважаемых членов Политбюро. И принимали на высшем уровне.

Возвращаясь к событиям 1978 года, я отмечу, что с тех пор команданте стал меня не только узнавать, но и приветствовать, и я почувствовал к себе особое его отношение. Описать это сложно, но ощущение было совершенно точным...

– Как вы обращались к кубинским лидерам? По имени?

– Нет, конечно. Обращение к Фиделем было «камараде команданте», к Раулю – «камараде министре».

КОМАНДАНТЕ С РЕВОЛЬВЕРОМ

– Вы говорите, что во время вашей первой близкой встречи у Фиделя на поясе был револьвер...

– Всегда был. И на Кубе, и здесь, в СССР.

В ОТНОШЕНИЯХ С ОХРАНЯЕМЫМИ ЛИЦАМИ ЕСТЬ КРАСНАЯ ЗАПРЕТНАЯ ЛИНИЯ, КОТОРУЮ ПЕРЕСТУПАТЬ НЕЛЬЗЯ. А КОРЖАКОВ ЕЁ ПЕРЕСТУПИЛ.

Женщины всегда питали к Фиделю особый интерес. На родине он получил прозвище Жеребец. У него было достаточно детей, в том числе, как считают, и у нас в стране

ВЛАДИМИР САВОСТЬЯНОВ/ТАСС

Кубинский лидер был буквально очарован русскими балеринами Большого театра

– И во время встреч с Брежневым? Ваш коллега генерал Титков рассказывал, как ему перед встречей с Леонидом Ильичом пришлось «разоружать» Ясира Арафата...

– Я знаю эту историю. Но то две разные фигуры и по значению, и по менталитету, и по общему уровню развития. Фидель прекрасно понимал, куда можно идти с пистолетом, а куда нельзя. Но ему было гораздо спокойнее не расставаться с оружием, и у себя в гаванской резиденции, и даже на наших охраняемых объектах.

– Известно, что, когда братья Кастро приезжали на охоту в СССР, они привозили свои винтовки М-14. В ваши времена дело так же обстояло?

– С Фиделем я на охоте не был, а вот с Раулем – неоднократно. Он пользовался нашим оружием.

– А члены Политбюро? Своё привозили или брали для них подготовленные ружья?

– Наши охраняемые приезжали со своими ружьями, пристрелянными, теми, что считали лучшими. У каждого члена Политбюро их было много. У Брежнева, у Гречко – сотни стволов. А в охотхозяйстве тоже были и ружья, и карабины. Там выбирали в зависимости от статуса гостя. Если ты большой руководитель – лучшее давали, если попроще, то и оружие соответствующее.

– Ваш коллега Алексей Алексеевич Сальников рассказывал мне, что в хрущёвские времена они как-то вылетели из Пицунды якобы в Ярославль, а оказались в Североморске, откуда команданте уже отправили на родину. У вас бывали такие случаи?

– Совершенно правильно. Так делали и мы. Я помню, когда Фидель в 1981 году был на съезде, а в 1982 году на похоронах Брежнева, я его дважды отправлял домой на Кубу. В прессе давалась информация, что он вылетает, скажем, из Шереметьево. На самом деле и аэропорт вылета, и самолёт для Фиделя, и маршрут были засекречены. Охотников

до покушений на вождя кубинской революции было предостаточно.

– Недавно наш президент рассказывал, что, когда он беседовал с Фиделем о покушениях на него и о том, как ему удалось избежать трагических последствий, тот ответил: «Дело в том, что своей безопасностью я всегда занимался сам».

– Верно. Моё наблюдение. Где-то в особняке или резиденции собираются члены кубинской делегации и свои вопросы обсуждают. Обычно в кинозале.

Ситуация спокойная, контролируемая, ведь дело происходит на строго охраняемом объекте. И в какой-то момент мне нужно войти и объявить, что пора, допустим, выезжать или кто-то к ним приехал. Их сидело человек пять-шесть. Я захожу и вижу, что никто, кроме Фиделя, на звук открывшейся двери не реагирует. Тут же замечаешь его внимательный взгляд. Что бы там ни шлохнулось, он всё замечал. Он всегда был настороже. Кстати, он никогда никого не посвящал в свои планы, как бы близко человек к нему ни стоял.

– Говорят, на Кубе у него были десятки резиденций и никто не знал, в какой из них он будет ночевать...

– Он постоянно менял их, это правда. Даже у нас в стране во время дружественных визитов его невозможно было найти утром в тех апартаментах, которые были для него подготовлены. Мне, правда, было прекрасно известно, где и с кем найти Фиделя, но для посторонних место его ночёвки было засекречено, причём им самим. Вспоминаю его визит в СССР в 1972 году по маршруту Москва – Завидово – Воронеж – Минск. В резиденциях каждому из гостей в соответствии с его положением выделялись апартаменты. Но искать каждого по отдельности было бесполезно. Утром я обнаруживал кубинских гостей, спавших как попало, иногда даже в самой маленькой комнате. В основном вместе с Фиделем были его сын Хосе, помощник Чоми Баруэнос и министр внутренних дел и безопасности Хосе Абрантес. И так было постоянно.

ЗАПРЕТНАЯ КРАСНАЯ ЛИНИЯ

– Ещё раз о знакомстве и начале более плотной работы. Как развивается процесс? Насколько близкими могут быть отношения охраняемого и охранника? Они могут чай пить, застольную беседу вести?

– Здесь надо сразу сделать разграничение. Если ты работаешь со своим охраняемым, то это одни условия, если с иностранным гостем – другие. Проведу сейчас такую параллель. Александр Коржаков сейчас книжку написал, «Бесы». Он, конечно, во всех книжках, что называется, грязи навалил, но тут уж особенно. Вот в его случае отношения с Ельциным стали недопустимо близкими. Такие отношения между охранником и охраняемым лицом должны быть исключены. С учётом немощности и определённых недостатков Ельцина, Коржаков стал просто его подмять. И Ельцин правильно сделал, что уволил его. Особенно если учесть особенность личности Александра Васильевича.

– А вы работали с Коржаковым?

– В то подразделение, где он работал, Коржаков попал с моей подачи. Сам-то он об этом, наверное, уже не помнит. В 1975 году я был назначен отвечать за боевую и физическую подготовку в Управлении лич-

В 1960 году в Нью-Йорке во время встречи Хрущёва и Кастро специально подобранная толпа пыталась вмешаться в процесс. Тогда советской охране пришлось идти врукопашную

ИЗ АРХИВА АВТОРА

В 1986 году Фидель участвовал в XXVII съезде КПСС

ной охраны. Это когда я в опале был. Но руководство нашего 18-го отделения ко мне хорошо относилось, и Герман Анатольевич Романенко сказал: «Сергей, ты всё равно сейчас будешь какое-то время не у дел, сможешь – подтяни физподготовку». А сложилась у нас такая ситуация: из 12 подразделений 9-го управления КГБ по спорту мы заняли последнее место. И генерал Шорников, подводя итоги, сказал: «Вообще-то, надо посмотреть, кому мы доверяем жизнь наших лидеров, если они даже подтянуться не могут...» Для начала мы на следующей спартакиаде своими силами вышли с последнего места на шестое. А потом стали бороться за первые места. Коржакова я «приглядел» для нашей волейбольной команды... А возвращаясь к отношениям с охраняемыми лицами – есть красная запретная линия, которую переступать нельзя. А Коржаков её переступил.

– Иногда ведь сотруднику охраны могло показаться, что его особо отмечают, что охраняемое лицо проявляет к нему больше внимания, чем к другим...

– Всегда должен быть внутренний барьер. Фамильярность, панибратство тут недопустимы. Особенно в работе с иностранными гостями.

– Вы в школе КГБ учились на факультете с изучением испанского языка. Насколько серьёзной там была подготовка?

– По количеству учебных часов мы немного отставали от иняза. От двух до четырёх в день.

Та самая фотография от Фиделя с надписью «По-братски обнимаю» из архива Сергея Голосова

Истории были с кубинским лидером разные. В 1972 году он приехал к нам из ГДР со здоровенным синяком на лице. Официальная версия – гонял в баскетбол и упал...

– А работали с вами носители языка или наши?

– С нами занимались преподаватели, учившиеся у «настоящих» испанцев, тех, кто приехал в СССР во время Испанской войны.

– Когда вы смогли свободно общаться по-испански с нашими гостями?

– Вы очень интересный вопрос задали. Поэтому отвечаю откровенно. Приехал к нам Фидель, а в рамках визита наш генерал встречался с соответствующим ему по должности кубинцем. И взял меня, только-только закончившего школу КГБ, в качестве переводчика. Разговорная практика (имеется в виду с носителями языка) у меня почти отсутствовала, да и вообще на переговоры берут переводчиков-синхронистов, а это другой уровень. И я по-настоящему «плыл». Свободным у меня испанский стал, когда я с утра до ночи работал с Луисом Корваланом. Но той базы, которую давали нам в школе КГБ, было вполне достаточно для обычной работы на уровне общения с кубинскими сотрудниками охраны, их начальниками. Для организации процесса обеспечения безопасности, взаимопонимания и взаимодействия этого вполне хватало.

КАК БЕРЕГЛИ «КУБИНСКОГО ЖЕРЕБЦА»

– Фидель Кастро был крайне популярен в СССР, причём, как мне кажется, больше у прекрасной половины. Приходилось ограждать его от поклонниц? И сам он как к ним относился?

– Женщины всегда питали к Фиделю особый интерес. На родине, вы знаете, он получил прозвище Жеребец. У него было достаточно детей, в том числе, как считают, и у нас в стране. Его контактам я не препятствовал и не способствовал, это не входило в мои функции. Но желающих быть к нему поближе было немало.

А бывали случаи, что от поклонников его приходилось по-настоящему защищать. Я имею в виду, например, визит Фиделя на XXVI съезд КПСС в 1981 году.

– Что это были за события?

– В тот раз на мои плечи легла охрана кубинской делегации в полном объёме. Очень сложно было привлечь нужное количество квалифицированных сотрудников. На съезд прибыло довольно много гостей со статусом охраны по нашему ведомству, поэтому мы располагали ограниченными силами.

В течение двух недель мне приходилось бесшумно находиться на работе. И важная особенность: наш главный охраняемый был относительно молодого возраста. Пожилые секретари братских компартий, не говоря уж о наших, возвращались к себе в резиденцию и больше нигде не выезжали, тем более ночью. У нас обстановка была другая. А ещё из-за разницы в часовых поясах кубинцам было удобнее работать ночью, так что нам спать особенно не приходилось – два-три часа в сутки.

– Кубинцы в резиденции сидели или выезжали по ночам?

– Вообще-то, программа никаких ночных выездов не предусматривала, но в неё приходилось вносить коррективы. Однажды я отпустил почти всю охрану, и тут кубинцы устроили мне проверку на профпригодность. В два часа ночи меня проинформировали о том, что Фидель хочет совершить поездку по ночной Москве. В принципе, задача была не очень сложной, если бы не один момент. Мне показалось, что команданте решил «пойти в народ», чтобы почувствовать, насколько его помнят советские люди. А наш народ этого яркого политического лидера никогда и не забывал.

По просьбе Фиделя мы сделали остановку на смотровой площадке Ленин-

ских гор, где, несмотря на позднее время, было довольно много людей. Тут же они окружили нас, начались здравницы в честь советско-кубинской дружбы. Многие, особенно девушки, пытались кинуться в объятия к Фиделю. Было трудно сдерживать напор толпы, но, подтянув резерв и мобилизовав кубинских охранников, мы сумели организовать плотное кольцо. Правда, без пуговиц на пальто остались, но что делать... Я время от времени косил глазом на Фиделя, и мне казалось, что он оценивает нашу работу.

Уже под утро, когда мы подводили итоги с начальником кубинской охраны, он сказал, что Фидель оценил нашу работу на «отлично» и по накалу сравнил эту операцию с инцидентом в Нью-Йорке в 1960 году, когда во время встречи Хрущёва и Кастро специально подобранная толпа пыталась вмешаться в процесс. Тогда советской охране пришлось идти врукопашную. Особенно, как говорят, отличился начальник управления двухметровый гигант генерал Захаров. Но случай на Ленгорах всё-таки был в дружественной стране...

– Ветераны «девятки» рассказывали, что в хрущёвские времена кубинские лидеры однажды несанкционированно покинули резиденцию и отправились гулять по Москве. Было такое?

– Я тоже об этом слышал, но, когда я работал с ними, ничего нештатного мы старались не допускать. О неожиданной поездке на Ленгоры я рассказал, но там мы всё контролировали. Истории были с кубинским лидером разные. В 1972 году он приехал к нам из ГДР со здоровенным синяком на лице. Официальная версия – гонял в баскетбол и упал...

– Кстати, о спорте... Насколько я знаю, его часто приглашали на футбол и хоккей. Ему это нравилось?

– Мне не приходилось сопровождать Фиделя в Лужники. Рауля – да. Ему нравились оба вида спорта.

– В последние годы жизни Кастро часто видели на телеэкранах в адидасовском спортивном костюме. А как он ходил в домашних условиях в 1970-е – 1980-е?

– Исключительно в военной форме. Или в полевой, или в парадной. Но зимнего головного убора соответствующего у него не было. У нас он обычно в ушанке ходил.

– Фиделю были свойственны определённые вредные привычки: сигары, алкоголь. Что пили и курили кубинские гости?

– Насчёт старшего Кастро не могу точно сказать, мне кажется, что в те годы – вино. Рауль пил водку, но немного.

– Сергей Яковлевич, а как кубинские лидеры отмечали наших сотрудников за понравившуюся им работу? И за что вообще можно было ожидать поощрения?

– Вообще-то мы работали не за похвалу, а просто профессионально выполняли свою работу. А поощрения получали за точное выполнение заданий, за оперативность, за работу в сложных условиях. Вот пример. Во время XXVI съезда КПСС мы были с Кастро в Одессе. Его сопровождал Хосе Абрантес, уже член Политбюро в то время. Он подошёл ко мне и сказал, что ему нужно досрочно уехать. Пока они расселялись, я всё организовал и говорю ему: «Вот билет ваш, вылет тогда-то». Он тогда взял меня за руку, подвёл к Фиделю и говорит: «Ну и комиссар у вас! Как он работает!»

После каждого визита охранников чем-то отмечали, награждали. После того визита подходит ко мне помощник Фиделя и говорит: «Тебя приказано особенно наградить». Я говорю: «Ничего не надо, у меня есть фотография с Фиделем на память».

– А что на ней написано?

– «По-братски обнимаю!» И для меня эта фотография стала самой лучшей наградой...

Беседовал Алексей БОГОМОЛОВ

«БУРЯ» И «ДАЛЬ» КОНСТРУКТОРА ЛАВОЧКИНА

Воспоминания учёного Александра Ирлина
о его знаменитом дяде — авиаконструкторе Семёне
Лавочкине

ИЗ АРХИВА АВТОРА

По своим техническим характеристикам «Буря» опережала будущий американский «Шаттл» почти на 30 лет

**Анатолий
ЖУРИН**

Специально для
«Совершенно секретно»

Его имя носят улицы российских городов – Смоленска, Липецка, Краснодара, Москвы, подмосковных Химок, израильского Хадера. Яркий представитель легендарной плеяды советских авиаконструкторов, лауреат четырёх Государственных премий, дважды Герой Соцтруда Семён Алексеевич Лавочкин был из тех, кто начал свою деятельность с проектирования боевых самолётов истребительной авиации.

В августе 1942 года в сталинградском небе немецкие лётчики впервые встретились с неизвестным советским истребителем. Скоротечность воздушного боя не позволила им внимательно рассмотреть машину, издавала напоминавшую поликарповский И-16. Именно сходство с одним из лучших советских истребителей предвоенных лет, получившим у немецких пилотов ещё в Испании прозвище «крыса», навело их на мысль, что в небе появилась его очередная модификация – её нарекли «новой крысой». На самом деле это первые советские Ла-5 проходили войсковые испытания в Первой воздушной армии. С 14 по 24 августа девятнадцать Ла-5 совершили 180 боевых вылетов, и в 27 воздушных боях лётчики сбили 16 самолётов противника, потеряв десять машин и пять пилотов. Так случилось, что эти легендарные истребители в годы войны стали основным оружием военной авиации.

Наиболее широко и успешно Ла-5 применялся во время Курской битвы. Именно здесь открыл свой боевой счёт знаменитый советский ас Иван Кожедуб, сбив на Ла-5 немецкий самолёт-бомбардировщик «Юнкерс Ю-87». На

этом же типе самолёта летал и Алексей Маресьев, лишившийся ног, но вернувшийся в боевую авиацию. А всего за время войны в небо были подняты более 6500 истребителей ЛаГГ-3, 10 000 Ла-5 и его модификаций, более 5750 истребителей Ла-7. Каждый третий советский истребитель назывался «лавочкиным». Недаром после войны трижды Герой Советского Союза Иван Кожедуб, подходя к своему «Ла», вставал по стойке смирно и отдавал ему честь!

А ещё в послужном списке знаменитого конструктора Лавочкина – сверхзвуковые машины, первые беспилотные аппараты фоторазведки и мишени, зенитные ракеты для противозенитной (ПВО) и противоракетной (ПРО) круговой обороны Москвы, первая советская крылатая межконтинентальная ракета «Буря» (изделие под шифрами «350», В-350, Ла-350, Ла-Х)...

ПОД КРЫЛОМ АНРИ ЛАВИЛЯ

Мой коллега, журналист Анисим Соркин, широко известный по публикациям в московской печати 1980-х годов, уже более 20 лет живёт в Бонне. Недавний его звонок был не совсем обычным: «Хочешь, я тебя познакомлю с родственником Лавочкина, живущим в Мюнхене? Мало того что он недавно делился в одной из русскоязычных газет воспоминаниями о своём дяде, так и сам интересная личность, учёный». Так началась наша переписка с Александром Валентиновичем Ирлиным, завершившаяся интервью, которое я и предлагаю читателям.

Для начала послужной список самого Ирлина. Родился в Харькове, а с 1946 года (после возвращения с Урала из эвакуации) проживал во Львове. По образованию физик, был ведущим научным сотрудником, разработчиком радиоаппаратуры в НИИ и организации Минрадиопроба СССР, затем – Украины и в качестве приглашённого специалиста – в Институте вычислительных систем (ЧССР), затем – в Ин-

ституте технической кибернетики Словацкой АН (г. Братислава). Участвовал в создании специальных телеметрических (ТМ) средств для космических ракет различного назначения. В начале 1990-х уехал в Германию, там, как сам говорит, «дабы не стать бездельником», в 1997 году вступил в мюнхенский Клуб русскоговорящих учёных. Там же подготовил ряд докладов и публикаций об Андрее Сахарове, о «Естественных и искусственных электромагнитных полях и их влиянии на человека и животный мир на Земле», об участии немецких специалистов в создании советской ракетной техники. Написал объёмную работу о мужестве солдат еврейской национальности в мировых войнах.

– Сразу скажу, – начинает свой рассказ Александр, – что подробных личных сведений о дяде иметь я особенно не мог по двум причинам: во-первых, с ним по большей части общались родители. А во-вторых, я был ещё слишком юн, чтобы мне доверялись подробности его деятельности, а он считался одной из самых засекреченных фигур авиапрома... Достаточно назвать его участие в качестве главного конструктора зенитных ракет в системе «Беркут» (С-25 и С-75) кольца ПВО и далее ПРО защиты Москвы. Это были разработки ракет: «воздух – воздух» Г-300, «земля – воздух» В-300, В-500, а также межконтинентальной сверхзвуковой крылатой ракеты «Буря», способной доставить ядерный заряд до территории США... Да и вообще его имя, в отличие от имён других конструкторов военной техники, после войны было не столь известно.

Детство моей матери Марии Гуревич, как и её двоюродного брата Семёна Лавочкина, прошло в уездном городке Рославль Смоленской губернии. Знаю, что первым учителем молодого Лавочкина был Андрей Николаевич Туполев, глубокое уважение к которому он пронёс через всю свою жизнь. В 1930-х годах туполевская идея цельнометаллических самолётов хотя и была встречена с энтузиазмом, но реализоваться не могла – страна

испытывала дефицит дорогого дюралюминия. И тогда начинающий конструктор Лавочкин предложил изготавливать детали фюзеляжа машин из клевого материала – дельта-древесины. Семён Алексеевич однажды вспоминал, как Сталин в своём кабинете, решив проверить на огнестойкость, высыпал на кусок дельта-древесины горящий уголь из своей трубки. Результат поразил – материал даже не задымился!

А ещё способности молодого конструктора заметил и француз Поль Ришар, в КБ которого Лавочкин направили после защиты диплома. Здесь он стал фактически руководить всеми прочностными и аэродинамическими расчётами новых конструкций самолётов. А после ухода Ришара сам становится помощником нового главного конструктора Анри Лавиля. Вместе они создают четвёртый по счёту в стране двухместный истребитель ДИ-4, который испытывали Пионтовский и Чалов. Жил тогда дядя очень бедно: платили ему раз в десять меньше, чем его иностранным коллегам.

ВИЗИТ К ДЯДЕ

– Чем дядя особенно вам запомнился в обычной жизни?

– Скромный, застенчивый, глубоко интеллигентный человек, он тем не менее отличался редкой отвагой. Если судить по воспоминаниям его коллег, никогда, даже под давлением вождя, он не давал скоропалительных обещаний. Однажды даже отказался немедленно выполнить приказ Верховного по увеличению дальности действия истребителя. Хотя и пообещал модернизировать машину. И всё же судьба Туполева или Королёва, испытавших сталинские репрессии на себе в качестве узников «шарашек», его обошла. По его инициативе известный позже как конструктор 3-й степени корабля Юрия Гагарина Семён Ариевич Косберг доработал двигатель АШ-82, введя агрегат непосредственного впрыска. С ним новый самолёт Лавочкина Ла-5ФН обрёл превосходство над немецким истребителем аналогичного

типа «Фокке-Вульф-190» и, вместе с другими истребителями, в значительной степени обеспечил исход битвы на Орловско-Курской дуге: Люфтваффе там потеряла огромное количество самолётов! Имя Лавочкина стало известно всему миру, и это спасало его от гонений.

После войны, когда развернулась «борьба с безродными космополитами» и многих выдающихся специалистов просто оставляли без работы, Лавочкин даже позволял брать их к себе. Основными критериями для него были порядочность человека и его профессионализм. В тех условиях это было очень смело.

– То, что вы были родственником знаменитого конструктора, как-то повлияло на вашу личную судьбу?

– Сегодня можно об этом жалеть, но свой шанс воспользоваться его большими возможностями я проигнорировал. В 1957 году я, студент 3-го курса физического факультета Львовского университета, специализировался на только что входящих в обиход полупроводниках. По-видимому, мама договорилась с дядей о том, чтобы мы побывали на Всемирном фестивале молодёжи и студентов в Москве, а заодно и с ним повиделись на его подмосковной даче. Туда и повёз нас его сын Алик на подаренной ему отцом «Победе». По дороге он рассказывал, что папа весьма строго его воспитывает – спит Алик на жёсткой постели, почти на голой доске, и деньгами его не балуют.

На подьезде к даче машину останавливают неожиданно появившиеся из-за деревьев двое в гражданском. О чём-то расспросив вышедшего из машины Алика, вероятно, о нас с моей сестрой, наконец пропускают машину. На широкой веранде накрывают стол тётя Роза, жена Семёна Алексеевича. А он достаёт из холодильника бутылку «Смирновской» и разливает желающим. Сам выпивает добрую рюмку, с аппетитом закусывает и после обеда приглашает меня в кабинет для разговора. Расспросив об учёбе, вдруг предлагает после окончания университета идти к нему в КБ. Внезапность предложения меня застаёт врасплох, и я отказываюсь. Дядя настаивает, убеждает, что у него работает много физиков, так что я не изменю своей специальности. Я же сопротивляюсь, говорю, что хотел бы заниматься полупроводниковыми приборами.

– Вот и прекрасно! – настаивает он. – Это как раз то, что мне сейчас надо. У меня ты будешь на самой высоте этой науки!

И тут я, окончательно обнаглев, говорю, что хочу устраиваться в жизни «самотужки»... Так на Украине принято называть самостоятельность. Глупо сегодня рассуждать, как сложилась бы моя жизнь, прими я предложение знаменитого родственника. Но рассказать бы я смог сегодня о нём гораздо больше. В том числе и о главном детище жизни Лавочкина – комплексе межконтинентальной ракеты «Бурия». Ведь вплоть до последних своих дней в 1960 году он занимался как раз её созданием.

ЛОГАРИФМЫ «БУРИ»

– Наверное, режим его работы был достаточно напряжённым, что и определило его ранний уход из жизни...

Семён Лавочкин в своём кабинете с братом Сашей Гуревичем. 9 мая 1945

– Он действительно не жалел себя. Но уйти из жизни, скажем так, ему помогли. Но это было потом. Работал он увлечённо. Помню, его заботило отсутствие особой точной логарифмической линейки. Семён Алексеевич мечтал о такой линейке, которая позволяла производить расчёты высокой точности – подобно в СССР ещё не производили, а ЭВМ (и тем более компьютеров) не было и в помине! Она была необычной длины, и привёз её ему мой отец Валентин Ирлин, вернувшийся из Германии. Отец прошёл всю войну, закончив её в звании майора. Вспоминаю, как состоялось вручение подарка Семёну Алексеевичу, который приехал встречать нас на вокзале в Москве. Туда мы всей семьёй приехали после того, как демобилизованному отцу отказались вернуть нашу довоенную квартиру в Харькове. Отказ компетентные органы объяснили тем, что наше жильё превращено в «явочную» квартиру. Папа, отказавшись от предложения вселиться в другую квартиру, схватил нас, что называется, в охапку, и мы поехали в Москву. Там, остановившись на некоторое время у Семёна Алексеевича, и вручили подарок.

Хотелось бы верить, что эта линейка тоже внесла свой вклад в создание «Анаконды» – Ла-250, где уже использовалось треугольное крыло. Этот самолёт предназначался для перехвата самолётов или крылатых ракет противника в режиме барражирования («дежурства в воздухе») и намного опередил своих собратьев.

Вполне возможно, что подарком отца Лавочкин пользовался и при проектировании крылатой ракеты «Бурия»... Эта система стала антиподом королёвской «семёрки» Р-7. «Бурия» обладала по тем временам высочайшими характеристиками – скоростью свыше 3000 км/ч на высоте 20 км, корпус её сделали из ранее не использовавшегося в авиации жаропрочного титана, полируемого до зеркального блеска. Стартовала «Бурия» вертикально, с достаточно простого стартового сооружения. По мере выгорания топлива ракета забиралась всё дальше, и основной горизонтальный полёт шёл на высоте больше 20 км. За счёт этого она опережала по высоте эффективную зону действия американской ПВО. Отклонение «Бури» от цели составляло не более 1 км на дистанции 8000 км!

...Когда мы с дядей прощались, я вознамерился сфотографировать всю его семью. Уже было навёл объектив, но тут

ко мне подскакивает какой-то тип и машет руками – нельзя! Пришлось подчиниться. Так я остался без этой памятной фотографии. Запомнился ещё случай, когда Семён Алексеевич сам решил покатасть нас на машине. Рядом с ним сел то ли телохранитель, то ли его водитель. Семён Алексеевич довольно долго вёл автомашину, а потом разогнал её слишком сильно. И немедленно, в приказном порядке, не терпящем возражений, был пересажен на соседнее с водителем кресло...

– Расскажите подробнее, как создавался комплекс «Бурия».

– Аппарат был создан в невиданно короткие сроки: его разработка началась как раз в тот год, когда дядя предлагал мне перейти под его опеку, а первый образец готовился к испытаниям уже в конце 1959 года: примерно на 30 лет раньше американского «Шаттла»! Предназначалась «Бурия» для доставки ядерного заряда на территорию США. Конструкторам удалось обеспечить её сохранность при сверхвысоких температурах, придав при этом необходимую устойчивость и обеспечив высокую точность благодаря системе ориентации по звёздам.

Абсолютный рекорд дальности полёта был достигнут уже в 1959 году, а 16 декабря 1960 года, преодолев расстояние в 6500 км между полигоном Владимировка и полуостровом Камчатка, она отклонилась от цели на расстояние всего чуть более 4 км. Для ядерного заряда большей точности и не требовалось! Фактически по проекту «Бурия» была уже тогда реально создана первая в мире сверхзвуковая (3,2–3,3 скорости звука) двухступенчатая межконтинентальная крылатая ракета «Бурия» (изделие «350», В-350, Ла-350, Ла-Х). Кстати, в США в это же самое время разрабатывалась предшественница «Шаттла», крылатая ракета «Навахо», однако её готовность значительно отставала, не достигнув к этому времени даже стадии лётных испытаний!

ПРИВЕЗЛИ В ЦИНКОВОМ ГРОБУ

– Известно, что одновременно с «Бурией» в последние годы своей жизни Лавочкин успел поработать ещё и над созданием зенитных ракет системы «Даль»...

– Этот период, похоже, и стал для него самым тяжёлым и мучительным.

В своей книге «Ракеты и люди» заместитель Сергея Королёва Борис Черток вспоминает, что тогда Лавочкин «выглядел сильно уставшим и поэтому степень неудач воспринимал в каком-то отрешённом состоянии. На прощание попросил передать привет Королёву и, вдруг улыбнувшись, по-доброму добавил: «Не знаю, как там у вас, а мне во время войны было легче».

В 1958 году система проходила испытания, но не была принята на вооружение. А ведь рождалась в тяжелейших трудах. Три десятка радиоуправляемых самолётов-мишеней пали зря на первом этапе испытаний из-за неудачных стрельб ракетами системы «Даль». Лишь в последней своей командировке на полигон Лавочкин выяснил, что причина неудач крылась не в ракете, а в системе наведения, скопированной с украденных в Англии чертежей. Но поезд уже ушёл, и после очередного неудачного старта Лавочкину на Президиуме ЦК КПСС вкатили выговор. Тогдашний генсек Никита Хрущёв, не стеснясь в выражениях, приказал ему немедленно вылететь на полигон Сары-Шаган, что возле озера Балхаш в казахстанской степи, для проведения очередных испытаний. Стоял июнь, жара в это время года там страшная, и медики запрещали ему туда отправляться, но послушаться хозяина Кремля он не мог... Для новых испытаний локатор конструкции министра радиопромышленности Валерия Калмыкова заменили на предоставленный (по воспоминаниям главного конструктора систем ПВО Григория Кисунько) кинотеодолит, и ракета Лавочкина точно попала в цель. Так была доказана полная несостоятельность обвинений в неудачах Лавочкина и его КБ. Но сил бороться с косностью начальства у него уже не осталось. Большое сердце Лавочкина перестало биться прямо на полигоне Сары-Шаган в ночь с 9 на 10 июня 1960 года. До 60-летия ему оставалось всего три месяца.

Я случайно оказался рядом с телефоном, когда в нашей квартире раздался звонок. Рыдающая тётя Роза попросила позвать маму.

– Убийцы! – кричала она. – Его привезли в цинковом гробу!

Советские газеты ограничились коротким, утверждённым в ЦК КПСС некрологом. Похоронили дважды Героя Социалистического Труда, четырёхжды лауреата Государственных премий, кавалера трёх орденов Ленина, ордена Красного Знамени, орденов Суворова I и II степеней генерал-майора Семёна Алексеевича Лавочкина на Новодевичьем кладбище.

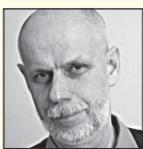
Проект по крылатым космическим системам был остановлен по личному указанию Никиты Хрущёва: «Работы прекратить. Материалы уничтожить». В своё время создатель фильма «Бурия» Лев Николаев опубликовал видеозаявление Василия Павловича Мишина – руководителя работ ОКБ-1 после Сергея Павловича Королёва: «...закрытие «Бури» было большой ошибкой, но советское правительство таких ошибок делало очень много. Тем более по «Буре», когда она уже начала летать, – это было грубейшей ошибкой!» В этом же фильме известный сподвижник Королёва Борис Евсеевич Черток также называет закрытие «Бури» «огромной ошибкой»...

Через 33 года, но уже в современной России таким же образом был похоронен проект «Буран» – орбитальный корабль-ракетоплан советской Многогоразовой транспортной космической системы (МТКК), созданный в рамках программы «Энергия – Буран». Его тоже, можно сказать, «сбили» на лету – после удачного полёта и возвращения на Землю. Но это уже другая история, заставляющая с горечью повторить широко известное «что имеем – не храним...»

Закрытие «Бури» было грубейшей ошибкой, но советское правительство таких ошибок делало очень много. Тем более по «Буре», когда она уже начала летать

ДЕЛО ДОЧЕРИ МАРШАЛА БЛЮХЕРА

Интервью с дочерью легендарного командарма Василия Блюхера, кавалера ордена Красного Знамени №1 и ордена Красной Звезды №1. «Мне не хочется сводить счёты, мне хочется, вспоминая отца, говорить правду и только правду»

**Владимир
ЖЕЛТОВ**

Специально для
«Совершенно секретно»

В 1978-м моя хорошая знакомая, работник Калининского райисполкома, оформляла пенсию Зое Блюхер. От неё-то я и узнал, что дочь легендарного красного командира, первого кавалера первого советского ордена – Боевого Красного Знамени, одного из пяти первых советских маршалов Василия Константиновича Блюхера живёт в Ленинграде, на проспекте Металлистов. В нарушение служебных инструкций мне было позволено познакомиться с некоторыми документами, которые могли меня как студента-историка заинтересовать.

Зная непростую судьбу Зои Васильевны и понимая, что всей правды она не расскажет, если вообще станет со мной говорить, я не решился её беспокоить. Наша встреча состоялась только в 2001-м. По не зависящим от меня причинам интервью опубликовано не было, а потом и вовсе исчезло из редакционного компьютера. А совсем недавно совершенно случайно в моём домашнем архиве обнаружилась расшифровка аудиозаписи нашей беседы. Перечитав текст, я решил узнать, жива ли Зоя Васильевна. Выяснилось: дочь маршала Блюхера умерла 24 ноября 2016 года – на 94-м году жизни...

– Зоя Васильевна, проспект Маршала Блюхера на карте Ленинграда появился в 1980 году. Вы жили по соседству, на проспекте Металлистов. Такое впечатление...

– Нет-нет, никакой взаимосвязи здесь нет! Другое дело, что, когда вновь образованному проспекту было присвоено папино имя, по инициативе Романова (первый секретарь Ленинградского обкома КПСС – Ред.) появилось постановление Ленгорисполкома, повелевавшее поселить нас с мужем на проспекте Маршала Блюхера. Вероятно, по примеру Москвы. Так, в столице Светлану Тухачевскую переселили на улицу Маршала Тухачевского. Кто-то решил, что это символично: дети живут на улицах, которые носят имена их родителей. Но в моём случае из этой затеи ничего не получилось. Прошёл год, два – всё заглохло. Я не возникла – квартира у нас была, и стремиться к получению какой-то другой и даже к переезду мне

Рядовой русской армии Василий Блюхер – будущий Маршал Советского Союза

просто не хотелось. Через три года позвонили и сказали: извините, новое строительство на проспекте Маршала Блюхера не планируется, а квартиры в построенных домах совершенно такие же, как ваша, но скоро сдаётся дом в пяти минутах ходьбы от вас и от проспекта Блюхера, и, если хотите, можете переехать. Дом этот, на углу проспектов Металлистов и Пискаревского, строился на наших глазах. Мы согласились и переехали. Как бы там и что бы там ни было, что бы ни говорили о Романове, я бесконечно благодарна Григорию Васильевичу за то, что он увековечил память моего отца.

– Ваш первый ленинградский адрес необычный: Петропавловская крепость...

– Вот это символично для нашей семьи, которая имеет очень трагическую судьбу. Почему Петропавловская крепость? Потому что в 1922 году, когда отец приехал в Петроград, его с семьёй (уже был мой старший брат Всеволод) поселили в Комендантском доме Петропавловской крепости. Когда я родилась, в 1923-м, отцу предоставили квартиру на улице, которая называлась Комиссаровская, потом – Дзержинского, а теперь, как и первоначально, – Гороховая. Это угол Гороховой и Малой Морской, бывшей Гоголя. К 75-летию со дня рождения папы на доме установили мемориальную доску. Там мы и жили до отъезда в Китай.

Нужно обязательно сказать несколько слов о наших переездах, о нашем быте. Генерал Колчигин, принимавший вещи Блюхера из Сибири, рассказывал: «Один ящик с книгами, второй ящик с книгами, третий ящик с книгами». Колчигин спрашивает: «Когда же будут вещи?» Вещи были – два небольших чемодана! О книгах не могу не сказать, потому что я – профессиональный библиотекарь. Книги чемоданами отец возил с собой не только в мирное время, но и всю Гражданскую войну. Украина, Крым, Урал, Сибирь, весь Дальний Восток... Книги по военному делу, по истории, по философии, по филологии, художественная литература. Причём это было не просто собрание книг, это была настоящая библиотека: каждая книга пронумерована, указан раздел, к которому она относилась, на каждой книге – печать Блюхера. Так что, куда бы родители ни приезжали, папа свою библиотеку мог быстро и легко привести в порядок. После его ареста книги попали в спецхран. Не знаю, может быть, после того, как во время перестройки произвели передачу литературы из спецхранов

в открытый доступ, на библиотечных полках появились и папины книги. Три книги, что каким-то чудом остались не изъяты и сохранялись у меня, например «История французской революции», переданы мной в музей.

– Согласитесь: одно дело – собирать библиотеку, а другое – читать. Я очень часто задаюсь вопросом: откуда у таких людей, как Василий Константинович, время для чтения?

– Находил как-то. Урывками читал. По ночам. В книгах были его пометки. Особенно много отец читал во время, которое называл «мирной передышкой». Закончилась Гражданская война, он был назначен временно исполняющим обязанности начальника гарнизона Петрограда, готовился к поступлению в военную академию. Притом что имел только начальное образование – обучался в церковно-приходской школе. Папа нанял репетитора и экстерном сдал за курс гимназии. У него было буквально школьное расписание! После перевода в Москву он учился в Московском народном университете им. А.Л. Шанявского. Но его мечты о поступлении в академию не сбылись.

– Помешал Китай?

– С 1924 года Блюхер – на военно-дипломатической работе. По решению Центрального комитета ВКП(б) и советского правительства он по просьбе революционного правительства Сунь Ятсена (в 1923 – 1925 годы – генералиссимус военного правительства Националистического Китая. – Ред.) назначается на должность главного военного советника Народно-революционной армии Китая. В Китае все советские работали не под своими именами. Папа, когда его спросили, какой он возьмёт псевдоним, сказал: «Я буду генералом Га-ли-ным. Жена моя – Галина. А имя и отчество – по именам детей: Зой Всеволодович». Его пытались переубедить: «Василий Константинович, нет такого имени – Зой!» Теперь есть. Могу показать документ – вид на жительство, на французском языке, где написано: «Зой Галин». Очень многие, кому не положено было знать, гадали, кто такой генерал Галин. Всевозможные легенды ходили на этот счёт. Но псевдонимы не раскрывались. Раскрыл его собственный сын. Отец куда-то отлучился, а Всеволод остался в его машине. Налетели журналисты: «Мальчик, как фамилия твоего папы?» – «Блюхер».

Мои первые воспоминания связаны с Китаем. Сохранилось несколько фотоснимков – можно видеть, какими мы с братом уехали в Китай. Папа подарил нам машину! Четырёхместную, pedalную, естественно.

– Сохранились снимки – у вас сохранились?

– Не у меня. У меня ничего не сохранилось! Мне, как вы знаете, пришлось пройти и через тюрьмы, и через ссылку. В течение 18 лет я была заклеена как дочь даже не врага, а врагов народа, потому что мама, Галина Павловна Покровская, тоже была врагом народа. Правда, при обыске, когда арестовывали маму, барвихинский альбом мне оставили. Наверное, потому что там отец не в маршальской форме. Какие-то снимки сохранились у людей, кото-

Семья Блюхер в Ленинграде, крайняя справа стоит приёмная дочь полковнца – Катя. 1927

рые не боялись и не верили, что Блюхер – враг народа. Одну фотографию бывшая наша няня хранила 60 лет! В тайнике!

После Китая – там же произошёл контрреволюционный переворот, и наши советники вернулись на родину – папа получил новое назначение. Сначала, очень недолго, был на Украине. А потом, с 1929 года, уже бессменно – командующий Особой Дальневосточной армией. Резиденция находилась в Хабаровске. Мы жили в особняке, который прежде принадлежал японскому посольству. Это был двухэтажный дом: восемь комнат вверху, восемь – внизу. Нижними не пользовались. Там были библиотека, бильярдная, комната для гостей. На доме этом теперь тоже мемориальная доска.

– Ваши родители вместе прожили лет пять и развелись...

– Расстались очень по-дружески. Обычно дети переживают развод родителей. Но в нашем случае этого не было и в помине. Сейчас даже трудно себе представить, что могло быть иначе. Настолько были сглажены все углы. Мама прошла с отцом всю Гражданскую войну, была с ним в Китае. Это, кстати, и послужило основным обвинением: 58-я статья, тут и шпионаж, и... Всё, что можно было только предъявить, маме было предъявлено.

– После развода родители вас с братом «поделили»?

– Я осталась с мамой. Сначала мы жили троём – мама, Сева и я. Вернувшись из Китая, поселились мы в «Астории», потом, когда гостиница была передана акционерному обществу «Ин-

турист» (это, чтобы мне не соврать, 1929 или 1930 год), мы переехали в квартиру на канале Грибоедова.

У брата моего были слабые лёгкие, и вскоре папа решил, что ему надо подлечиться. И Сева уехал в Кисловодск на довольно долгое время. А потом родители договорились, что Сева поживёт с отцом, а я с мамой. В 1931 году я пошла в школу – на улице Плеханова замечательная школа была, до революции очень известная гимназия. Там я отучилась первые четыре класса. Должна признаться, не очень серьёзно относилась к учёбе. И должна сказать, что родители не принуждали ни к чему. То, что по каким-то предметам были тройки, никого не волновало. Не обязательно было учиться на отлично. У нас не было, как в некоторых семьях: и отличные оценки, и английский язык, и музыка, и плавание – обязательно! Часто дети не хотят чего-то – хотят родители. Мама хотела, чтобы я училась на скрипке – я категорически не хотела. Никто не настаивал. У нас было так: хочешь заниматься музыкой – пожалуйста. Сева хотел учиться играть на аккордеоне – пожалуйста. Папина племянница Катя выбрала пианино – пожалуйста.

Потом мы переехали на другую квартиру, в Выборгский Дом культуры. Непосредственно в Дом культуры. Почему, зачем – не знаю. С пятого класса я училась в школе №107 в Нейшлотском переулке, тоже бывшая гимназия. Здесь я уже к учёбе относилась серьёзно. Какой-то перелом произошёл в сознании.

ЧЛЕН СЕМЬИ ИЗМЕННИКОВ РОДИНЫ

– Вы учились под фамилией Блюхер?

– Я была Блюхер-Покровская. Когда я получала паспорт, мне объяснили,

что, во-первых, у нас такой закон (сейчас он, по-моему, отменён), что двойной фамилии быть не должно, а во-вторых... «Во-вторых» не было! Мне просто выдали паспорт на фамилию Покровская. Начальник паспортного стола сказала: «Иначе вам не жить!» Так что меня даже не спрашивали. Родителей уже год как не было. Но об этом я не знала. Только в 1956-м я получила одновременно документы об их гибели и о реабилитации. В свидетельстве о смерти мамы было сказано: умерла в 1944 году. И никаких уточнений! Я могла думать, что она отбывала срок в концлагере где-нибудь в Казахстане и там погибла. Ничего подобного! Она погибла в застенках Лефортово, где и отец. Только отец раньше – он был убит на 18-й день после ареста.

– Зоя Васильевна, я своими глазами видел справку из Главной военной прокуратуры, где было сказано, что Василий Константинович Блюхер умер от закупорки лёгочных артерий. Я интересовался у знакомого военного медика, что такое «закупорка лёгочных артерий».

– И что он сказал?

– Вначале спросил: «В связи с чем вопрос?» – «Потом скажу». – «Как бы тебе попроще объяснить?.. – военврач не спешил с ответом. – Ну вот если тебя как следует попинать ногами, то у тебя может случиться закупорка лёгочных артерий».

– Теперь говорят: Блюхер скоропостижно скончался в кабинете врача. Так ли это? Как было на самом деле? Мама была расстреляна, и другие родственники тоже. Сведения, приводимые в выдаваемых документах, часто и во многом не соответствовали действительности.

– Как вы узнали об аресте отца? Вы присутствовали в момент ареста мамы?

– Во-первых, отец и мама были арестованы в один и тот же день – 22 октября 1938 года. Отец по приглашению Ворошилова находился в Сочи. Климент Ефремович настоял, чтобы папа остановился у него. Хотя остановиться он мог

« Когда поезд с детьми с Поволжья прибыл, папа велел маме: «Пойди, возьми девочку, но такую, которую никто не возьмёт!» Мама взяла Катю

Военный советник Василий Блюхер (слева) в Китае, в районе Нанкина

в очень многих местах, потому что там, как и сейчас, далеко не одна госдача. Арестовали папу на даче Ворошилова. А мама была арестована здесь, в Ленинграде.

Был вечер, часов одиннадцать. Выхожу из ванной комнаты в халатике и вижу: у печки (у нас была круглая печь) стоит мужчина. Как выяснилось, это был дворник. Понятой. А ещё трое мужчин перебирают какие-то бумаги. У одного (он сидел на стуле) на коленях толстый-пре-толстый альбом с фотографиями, наш с папой. Тот самый, о котором я уже упомянула, барвихинский. Где только я и он. Когда отцу присвоили звание «Маршал Советского Союза», мы с ним жили сначала в Москве, потом в правительственном санатории «Барвиха». Много фотографировались. Мужчина листает, листает альбом, рассматривает фотографии и вдруг спрашивает у меня: «А кто же ваш отец?» Я говорю: «Папа – Маршал Советского Союза». – «Гм». Я как-то не придавала значения этому «гм». Я никак не могла понять, что происходит. Мама стояла взволнованная, бабушка, мамина мама, ещё была, но её я в этой ситуации не запомнила. Не могу рассказать вам подробности, потому что было состояние... Шока! Когда поняла, что обыск, поняла: значит, арест. Обыск закончился. Мама оделась. Говорит: «Всё выяснится. Я скоро вернусь. В общем, не волнуйтесь». Это была последняя наша встреча...

– А последняя ваша встреча с отцом?

– С папой последняя встреча была в Хабаровске. Летом 1938 года. Во время хасановских событий (имеются в виду боевые столкновения между Японской императорской армией и Красной Армией у озера Хасан – Ред.)

Папа – командующий Особой Дальневосточной армией, на фронт он и уехал. Шли очень тяжёлые бои... Мы – Сева, я, Катя – оставались на даче. Дача у отца была на Уссури, почти у самой государственной границы. Над нами всё время летали самолёты, и у меня было впечатление, что озеро Хасан – это где-то совсем рядом. Где папа конкретно, мы не знали. Естественно, переживали за него.

Кто-то сказал: в такой-то день Блюхер должен приехать в Хабаровск. В означенный день мы с Катей надели праздничные блузки и платица – из шёлковой ткани, но белоснежные, а немножко кремовые, с вышивкой. Вышивали мы сами, крестиком. Всеволод был в такой же, с вышивкой, рубашке. Ждали у дома. Подъехала машина, вышел отец – совершенно неузнаваемый! У папы была повышенная восприимчивость кожи. Он не выносил не только солнца, но и яркого света. Поэтому Блюхеру в порядке исключения полагался к летней маршальской форме колониальный шлем. Он всегда его носил, но во время хасановских боевых действий почему-то не надевал. У отца было жутко воспалённое и отёкшее лицо. Он кивнул нам всем, поднялся на второй этаж в свой кабинет. И закрылся. Ничего подобного прежде никогда не было. Праздничным ужином наш тоже не назовёшь. Сидели за столом в каком-то тревожном молчании. Мы у отца ничего не спрашивали – понимали, что нельзя ни о чём спрашивать, и он ничего не рассказывал.

В последующие дни обстановка в доме была очень нервная. Бесконечные телефонные звонки, всегда в ночное время. По обрывкам фраз мы понимали: Москва на проводе. Пробыл дома папа недолго. Обстановка на

фронте оставалась очень тревожной. После того как 11 августа 1938 года между Советским Союзом и Японией было заключено перемирие, Блюхера обвинили в «допущенных ошибках», в результате которых наши войска понесли большие потери. Мы об этом не знали – могли только догадываться по его угнетённому состоянию и очень плохому самочувствию. В отличие от всех нас, папа прекрасно понимал, что это начало конца. Мне нужно было возвращаться в Ленинград. Я уезжала полностью экипированной к новому учебному году. Папа был удивительным отцом! При всей своей занятости он постоянно вникал во все заботы о детях. Он сам заказывал нам одежду. В августе 1938-го, может быть, он это сделал и с каким-то дальним прицелом.

Последний наш разговор... Никто и думать не думал, что последний. Кроме отца, наверное. Папа сказал нам с Севой и Катей: «Мне очень важно, чтобы мои дети знали, что я ни в чём не виноват. Но в настоящий момент, в обстановке клеветы и репрессий, происходит провокация, против которой я ничего не могу поделать».

Отец был вызван в Москву. В Москве неожиданно всячески обласкан. До получения нового назначения ему предложили – «после таких тяжёлых боёв» – поехать отдохнуть и подлечиться. Из Сочи папа писал письма – предлагал нам с Севой приехать к нему: замечательное тёплое море, прекрасная погода. Мол, «школа не пострадает, тут есть хорошие преподаватели». Всеволод откликнулся – поехал. А я решила, что занятия в школе прерывать не стоит.

После ареста родителей Всеволод попал в Армавирский детский дом для детей репрессированных. А я осталась –

сначала с бабушкой; через какое-то время приехала мамина старшая сестра, тётя Варвара, и забрала бабушку к себе. Перед отъездом сказала, чтобы я не пыталась их искать и с ними связываться. Иначе и она, и её семья пострадают. Я осталась одна... Квартиру забрали. Мы в то время жили на улице Халтурина (Миллионной – Ред.), там, где раньше Тухачевский. Мама, кстати, дружила с Юлей (Юлия Кузьмина, жена Михаила Тухачевского – Ред.). Я её очень хорошо помню – красивая такая блондинка... Я получила малюсенькую комнату, метров восемь или десять, в коммунальной квартире на улице Достоевского. У меня было зимнее пальто на цигейке, но не было обуви. Зимой я ходила в босоножках. Купить обувь было не на что. На Достоевского меня разыскал дальний родственник: «Каждый день будешь приходить к нам и вместе с нами обедать». Это была единственная моя еда в сутки. Причём я никогда не могла как следует наесться, потому что старушка, мама жены нашего родственника, лежала на кровати как раз напротив меня, и, я не знаю, преднамеренно или нет, неотрывно смотрела, как я ем. Так что я лишнюю крошку стеснялась взять в рот. Может быть, поэтому я выжила в блокаду? В блокаду очень быстро умирали те, что до войны питались нормально. А для меня чувство голода было привычным состоянием. Видимо, организм уже перестроился.

– Зоя Васильевна, как к вам относились в школе – администрация, педагоги? Как к ЧСИР – члену семьи изменников родины?

– К моему счастью, не все верили в виновность отца. Очень многие не верили. К чести директора школы, он относился к этой категории людей. Сейчас я оценила его участие в моей судьбе, а тогда... Я знать не знала, что делалось для того, чтобы меня из школы не исключили.

– Как к вам относились одноклассники?

– Все знали, кто мой отец. Не знаю, почему, то ли потому, что я очень хорошо училась, то ли потому, что я была скромной девочкой, мне очень многие сочувствовали. Но никто не мог – не имел права! – высказать, выразить своё сочувствие. Правда, прежде мне позволялась небольшая вольность – когда надо, отлучаться из школы. Отец служил на Дальнем Востоке, но как только он по делам приезжал в Ленинград, мы, насколько позволяли ему обстоятельства, были неразлучны. Как только папа приезжал в Москву, я тотчас же ехала в столицу. Причём ехала одна. Меня здесь сажали в «Красную стрелу», а там меня встречали. Мне это очень нравилось – я себе казалась взрослой. После ареста родителей я не почувствовала перемен в отношении к себе. Преподавал у нас старичок-историк, Василий Васильевич (он умер в блокаду). Так вот он однажды сказал мне: «Василия Константиновича Блюхера оправдает история». Кстати, на экзамене по истории мне попался билет – папина операция в Крыму.

СОРТИРОВОЧНЫЙ ГОСПИТАЛЬ №1170

– Июнь 1941-го, вам 18 лет...

– Война для меня началась – как любят показывать в кино. 21 июня – выпускной вечер, а наутро уже война. Поскольку я жила одна, я заранее позаботилась, чтобы мне сразу после школы устроиться на работу. Устроилась в библиотеку университета. В надежде, что буду там же учиться на вечернем. Почему-то хотела на биолого-почвенный поступить. Но уже в июле были сформированы студенческие отряды, и мы

« Мне очень важно, чтобы мои дети знали, что я ни в чём не виноват.

Но в настоящий момент происходит провокация, против которой я ничего не могу поделать »

были отправлены на окопы под Псков, а потом под Новгород. Но эти города очень быстро пали. Мы вернулись в Ленинград и приняли участие в оборонных работах в пригородах – в Гатчине, Красном Селе.

Лопатами рыли противотанковые рвы – семь метров вертикально, под каким-то там углом. Под обстрелами с самолётов. Я так уставала, что могла прямо в поле завалиться на бок и моментально заснуть. Поскольку от папы по наследству передалась чувствительность кожи, у меня даже случился ожог лица. Жили мы прямо «на окопах», в чистом поле, в каком-то сарае. Каждый день видели, как армады немецких самолётов летели бомбить Ленинград, а по вечерам и по ночам весь горизонт был в огне. Немцы вплотную подошли к Гатчине и Красному Селу. Нам сказали, что поезда на Ленинград уже не ходят и что нужно идти пешком на Пулковку. Пошли. Никому в голову не пришло бросить лопату! Дошли до вокзала в Красном Селе. Красное Село уже горело, но вокзал ещё был цел. Мы настолько устали, что дальше идти не могли. Увидели земляной накат и просто рухнули наземь. Вдруг слышим – идёт поезд! Каждый понимал, что он действительно последний. Как я влезла в вагон, не знаю. В вагоне настолько было тесно, что выдох сделал, а вдох не получается. Но по большому счёту нам невероятно повезло. Доехали. Причём все с лопатами!

Нас направили в Девятикино, и там мы копали окопы, пока земля не затвердела, не задубела так, что копать стало невозможно. Был конец октября. Месяц, как Ленинград в кольце блокады. В городе уже не было электричества, не работал транспорт. Хлебные карточки ввели ещё до начала блокады. Нормы постоянно снижали. В городе уже был голод. И холод.

Самую страшную зиму, 1941 – 1942 года, я проработала в библиотеке университета. В нетопленном помещении. Когда дотрагивалась до книг, было ощущение ожога. Не пропустила ни одного рабочего дня! В университет и обратно ходила пешком – получалось семь километров. Может быть, это вторая причина, почему я не умерла в блокаду. Кто ложился, тот уже не вставал...

В апреле 1942-го университет эвакуировался в Саратов. Я была настолько истощена, что уже почти не разговаривала – последняя стадия дистрофии, и, конечно, меня даже в списки включать не стали, да я и сама понимала, что до Саратова меня не довезут. Университет уехал. Я осталась – без работы, без карточек. Попыталась устроиться на работу на завод – не получилось. Печать смерти на моём лице уже была. Принимали так: открывалось окошечко, на вас смотрели и молча закрывали дверку. Ну и что делать? Однажды слышу по радио объявление: производится набор на курсы киномехаников. Сразу пойти не получилось. Прихожу. «Набор у нас уже закончился, мы не можем вас принять», – говорит мне женщина и зачем-то берёт и смотрит мой аттестат, где одни отличные оценки: – Но мы вас принимаем». Это было спасение. Слушателю курсов полагалась карточка служащего.

Как мы учились? Под диктовку писали конспекты. Электричества не было – аппаратуру не подключаешь. Была короткая стажировка – кинотеатр «Молодёжный» в блокаду не закрывался. По окончании курсов наш главный технорук сказал мне: «Зоя, у меня жена работает в военном госпитале, ей надо уволиться. Но, если работник уходит, он должен вместо себя буквально за руку привести человека. Иначе не отпускают. Зоя, я вам советую идти туда.

Вы будете жить в совершенно других условиях». Ещё он сказал то, что, конечно же, не следовало говорить: «В госпитале всегда есть электричество, и вы будете демонстрировать фильмы раненым, но не часто, всё остальное время – ваше». Госпиталь располагался в Александрово-Невской лавре.

Кадрами ведал замполит подполковник Спичак, не могу не помянуть его добрым словом. Ему я сказала правду – кто я, кто мои родители. «Конечно, мы не можем вас призвать в армию, но как вольнонаёмная вы будете у нас работать». Начальник клуба спрашивает: «Вы знаете свои обязанности?» – «Да. А ещё мне сказали, что у меня будет свободное время». У начальника от негодования аж ноздри раздулись: «Я не знаю, кто вам такое сказал, но вы будете работать 24 часа в сутки! Для ходячих раненых крутить широкоплёночные картины в зале, узкоплёночные – в палатах, для лежачих. А всё остальное время будете помогать выгружать раненых, регистрировать их».

Госпиталь №1170 был особый. Сортировочный. К лавре была подведена железнодорожная ветка. Эшелоны с ранеными прибывали непосредственно с фронта. Раненые выгружались, регистрировались и распределялись по другим госпиталям Ленинграда. У нас же оставались только нетранспортабельные, с самыми сложными ранениями. И неслучайно, конечно, в наш госпиталь приезжал главный хирург Красной Армии академик Бурденко. Я демонстрировала фильмы о нём, о его методах лечения. Его заслуги в области медицины огромны. Бурденко во фронтовых госпиталях испытывал новые лекарства – стрептоцид, сульфидин, пенициллин. Кстати, когда он ввёл метод лечения стрептоцидом, Черчилль подарил ему целый самолёт стрептоцида. Об этом почему-то нигде не пишется и не говорится.

Я жила в общежитии с медсёстрами. В нашей маленькой комнатке каким-то образом умещалось 16 кроватей. Все вольнонаёмные состояли на котловом питании. В госпитале было не только

электричество, но и горячая вода. В общем, у меня началась совсем другая, но тоже очень тяжёлая жизнь.

«ВЫЗОВ ОБЩЕСТВУ»

Наш госпиталь расформировали через год после Победы, в апреле 1946-го. Снова надо было искать работу. Устроиться по своему желанию было невозможно. В здании Русского музея находилась специальная не то комиссия, не то инспекция – она давала направления туда, где нужны кадры. Я узнала, что есть место в Библиотеке Академии наук, и осмелилась обратиться с просьбой к принимавшему меня инспектору: «Я знаю, что в моём положении нельзя просить, но, вы знаете, я работала в научной библиотеке Горького при университете, и мне бы очень хотелось...» И – о чудо! – инспектор направила меня в Библиотеку Академии наук! И с апреля 1946 года я работала в БАН. Работа была чрезвычайно интересная. Я поступила в Библиотечный институт на библиографический факультет, в группу экстерна.

Жизнь вроде бы начала налаживаться. Я вышла замуж. В 1950 году у меня родился сын Михаил. Я очень хотела назвать его Василием. Не в честь папы – об этом я как-то не подумала; Василий – моё любимое мужское имя. Но в загсе мне не позволили, сказали: «Ни в коем случае! Это вызов обществу!» Вызов обществу! И я назвала сына именем мужа. Муж – Михаил Петрович. Сын – Михаил Михайлович. Сейчас женщинам даже не представлять, как в те годы было сложно рожать и иметь детей. Декретный отпуск – месяц до родов и месяц после – и на работу. А я ещё я училась в институте. Конечно, мне было невероятно трудно. Из Ярославля приехала младшая сестра мужа, 18-летняя Нина, чтобы помочь нам с малышом. Мне никак не удавалось прописать Нину в Ленинграде, и наконец, когда моему сыну исполнилось семь месяцев, документы на прописку приняли. Когда на пороге нашей комнаты появились двое мужчин, я сразу заявила: «Нина уже прописывается! Вот разрешение на полгода». – «Мы по другому делу».

Начался обыск. Забирали всё! Даже мои институтские конспекты. Ни одной бумажки в доме не осталось. На столе лежала телеграмма, что завтра приезжает муж (Михаил работал в торговом флоте), и её забрали. Стало ясно: это арест! Что делать? (Про ужас, какой я испытывала перед тюрьмой, молчу.) Как быть с сыном? Не брать же его, грудного, с собой. Ну, думаю, Нина остаётся, завтра приезжает Михаил... Может быть, недоразумение? Говорил же Сталин, что дети за родителей не отвечают. На первой встрече со следователем я ему напомнила слова Иосифа Виссарионовича. Он только усмехнулся: «Кто старое помянет, тому глаз вон, а кто старое забудет – тому два». В общем, с сыном мы увиделись только через три с половиной года.

Началась моя тюремная жизнь. Сначала – Большой дом (неофициальное название здания на Литейном проспекте, где находилось Управление Министерства государственной безопасности по Ленинграду и Ленинградской области – Ред.). Следствие заключалось только в том, что выясняли мои родственные связи и мои знакомства. Допрашивали даже малознакомых. Читая показания, я могла «порадоваться» за себя: не было ни одного человека, который сказал бы обо мне хоть одно плохое слово. Вероятно, благодаря этому я не попала в лагерь. Решением Особого совещания я была осуждена на ссылку в Казахстан сроком на пять лет. Но эти пять лет всегда продлевались.

После Большого дома – тюрьма, та, что рядом с Выборгским Дворцом культуры, где мы когда-то жили. Считалось, что эта тюрьма для уголовников, но режим был, конечно, по сравнению с Большим домом просто санаторный. Оттуда по этапу (всё как полагается – в вагонах для заключённых, с военизированной охраной, с собаками, с командами «ложись – вставай») – в Москву. Тюрьма на Красной Пресне была новой, «современной» – на крышах оборудованы прогулочные площадки, а в остальном всё ужасно, всё, как везде: те же нары, та же параша. Страшно вспоминать. Из Мо-

Блюхер (второй слева) среди советских специалистов и китайских военных. 1924

сквы этапировали меня в Куйбышев, а оттуда уже в Казахстан. В поезде – четыре полки, а нас 16 человек. Причём одна осуждённая, полька, с маленьким ребёнком. Конечно, полку уступили ей. Ехали очень медленно. Лето, жара, дышать нечем. Пить нам не давали. Пить давали только польке с ребёнком. По нужде полагалось ходить два раза в сутки, утром и вечером. Если кто-то просился, его не слышали.

ССЫЛКА В КЗЫЛ-ОРДЕ

Освободили из тюрьмы в Кзыл-Орде. Вручая справку, мне говорят: «В Кзыл-Ординской области девять районов. В каком хотите работать?» – «Все они мне совершенно незнакомы, поэтому – куда направите». – «Ну тогда оставайтесь в Кзыл-Орде. Каждые десять дней будете приходить в комендатуру отмечаться». И всё, и до свидания! Где вы будете жить, как устроитесь на работу – никого не волновало. Я пошла в комендатуру. Навстречу идёт пожилая чеченка. В Кзыл-Орде было огромное число политических ссыльных – очень много корейцев, чеченцев, татар. Чеченка – она меня первый раз видит! – останавливает меня и говорит: «Если нигде не устроишься, приходи ко мне, запомни адрес». Отметилась я в комендатуре – и в библиотеку. Директор – украинец. Внешность и повадки – барственные. «Конечно, нам такие кадры, как вы, очень нужны, но я не имею права вас принять. Единственное, чем могу помочь, это с крышей над головой. Но никто не должен знать, что я вас направил...»

Прихожу по данному Павлом Ивановичем адресу. Изумительно красивый дом из кирпича. (А в Кзыл-Орде в основном постройки саманные, кирпичных – единицы.) Мощные ворота. Двор выложен кафелем. Выходит во двор хозяйка, женщина немолодая. Объясняю: «Мне сказали, что у вас...» – «Да, есть небольшая саманная пристройка». Пристройка действительно была небольшая, одноэтажная, с отдельным входом: две маленькие каморочки, одна – с двумя крохотными окошечками. «Сколько вы хотите?» – «250 рублей». Я была счастлива!

– Плата для вас оказалась приемлемой?

– В Облкультпросвете, куда я устроилась на работу, мой оклад составлял 475 рублей, минус – вычеты, минус – добровольно-принудительные облигации госзайма. Мизер, конечно, оставался. Но в тех условиях, в которых я оказалась, о таком жилье можно было только мечтать.

– Что за работа в Облкультпросвете?

– Приняли меня заведующей областной передвижной библиотекой. Передвижная библиотека – это выезды в районы, постоянные разъезды. Без знания казахского языка на этой должности делать нечего. Я числилась заведующей библиотекой, а работала в Областном отделе культпросвета, причём в основном исполняла обязанности секретаря. Облкультпросвету были нужны грамотные люди, знающие делопроизводство, владеющие пишущей машинкой. Таких у них не было. Я подходила как никто другой. Все отчёты всех девяти районов были на мне. А вот непосредственно библиотечной работы оказалось крайне мало.

– В Облкультпросвете проработали до конца ссылки?

– Если бы! Я вынуждена была уволиться. Меня невзлюбил бухгалтер, кореец. Отвечая на этот вопрос, я должна сказать, что, приехав в Казахстан, я фактически попала в другое государство. Там совершенно другие законы, по которым я, воспитанная на высоких идеалах, жить не умела, да и не могла. В конце финансового года бухгалтер говорит: «Зоя, мне нужны сту-

Фото Блюхера с родной дочерью Зоей

лья. У нас по такой-то статье осталась такая-то сумма. Покупаем мебель. Я беру только стулья, всё остальное, пожалуйста, берите себе. Вам же нужна мебель». Я возмутилась. Бухгалтер недоумевал: «Зоя, это так просто делается!» Приобретать мебель я отказалась наотрез. Он мне этого не простил. Начались придирки, подставы. Не знаю, как долго я бы выдержала, но меня пригласили в гидромелиоративный техникум, в библиотеку.

В библиотеке я работала с интересом и удовольствием. Первым делом провела инвентаризацию, всё систематизировала. И в Кзыл-Орде жизнь вроде бы начала налаживаться. Ко мне приехал муж. Не на побывку.

– В добровольную ссылку?

– По сути, да. Миша обратился в соответствующие органы: «Могу ли я поехать к жене?» – «Пожалуйста, поезжайте». Никаких препятствий никто не чинил.

– Сына не разрешили взять?

– Сына – такого маленького – нельзя было туда! Ведь, кроме непропечённого хлеба, – вот такие огромные буханки! – там другой еды не было. Я, когда приехала, сразу попала в больницу.. Единственное праздничное блюдо у нас с мужем было по воскресеньям – картофельные оладьи. За время ссылки – ни грамма мяса! Сына Михаил Петрович оставил у своих родителей, в рабочем посёлке под Ярославлем. Отвёз его туда вместе с Ниной. В Кзыл-Орде муж мой устроился на обувную фабрику. У него были золотые руки. Он многое делал сам. Сделал столик, шкаф. А ещё он умел шить, на флоте научился. Начинать с подшивания подворотничков, подгонки формы. Наверное, определённые задатки к работе руками имел.

ГОДЫ РЕАБИЛИТАЦИИ

– И вот 1953-й год...

– 5 марта умирает Сталин. Горе для всего советского народа, люди рыдают – совершенно искренне. Никому же не приходило в голову, что Иосиф Виссарионович мог знать о беспределе, захлестнувшем страну. Мы все были уверены: от него всё скрывают!.. У моей хозяйки жил москвич, очень пожилой мужчина. У него как раз «пятилетка» кончилась. Человек ждал продления срока, но ему неожиданно сказали, что продления не будет, что он вскоре сможет вернуться в Москву. Пошли слухи, что многие, отбывшие сроки, смогут уехать. Я была убеждена, что меня это не коснётся. Шли месяцы. Вдруг меня вызывают и говорят: можете уехать, но в Ленинград вы уже никогда не вернётесь. И мы уехали – под Ярославль, к родителям мужа.

Нам было где жить, но работы не было ни для Михаила Петровича, ни для меня. В Мишиной семье ко мне отнеслись очень плохо. Особенно тесть. Он называл меня только одним именем – тюремщица. Такое положение продолжалось год. Мы засобирались в Ярославль. Но в Ярославле у нас не было крыши над головой. Мне устроиться на работу оказалось непросто. Во-первых, как только узнавали, что у меня маленький ребёнок, разговор со мной прекращали. Крышу нам удалось найти в рабочем посёлке Суздалка перед въездом в Ярославль. Я пришла в областную библиотеку. Директор – молодой. Про себя я ему всю правду рассказала, но фамилию соврала. Понимала, что если я скажу: «Блюхер» – от ворот поворот! А нам уже не то что не на что жить: положение такое, что остаётся только умирать. «Как фамилия отца? – «Васильев». Директор долго думал, потом сказал: «Ну, к народу я вас не пушу. На абонементе вы работать не будете. А в книгохранилище – пожалуйста». Я была, конечно, счастлива! Нашлась работа, да ещё в библиотеке!

– Как вы узнали о реабилитации родителей?

– Не поверите, совершенно случайно. У себя в библиотеке я занималась инвентаризацией журналов. Работа чисто механическая: берётся журнал, отмечается в инвентарной книжке, и ставится штампик. В тот

« В Китае все советские работали не под своими именами. Папа, когда его спросили, какой он возьмёт псевдоним, сказал: «Я буду генералом Га-ли-ным. Жена моя – Галина »

день весь мой стол был завален «Вопросами истории». Этот журнал я не то что не читала – никогда не открывала. Беру верхний журнал, открываю и читаю: «Несправедливо забытые имена. Блюхер...» Папа был реабилитирован 12 марта 1956 года. Я побежала на почту и дала телеграмму брату. Всеволод жил в Армавире.

– Он не подвергся репрессиям?

– Когда меня арестовали, я первым делом спросила: что с братом? Мне сказали: «Если бы вы жили в Армавире, то вы бы там и жили. А вы, к несчастью, живёте в Ленинграде». Я же угодила под так называемое «ленинградское дело».

Мы с Севой сговорились и поехали в Москву. Нас должен был принимать Жуков, но ко времени нашего приезда Георгий Константинович, как оказалось, был освобождён от должности министра обороны СССР, потому что нарушил «ленинские, партийные принципы руководства Вооружёнными силами». Об этом мы узнали позже. Нам же сказали, что маршала Жукова нет в Москве. Принимал нас начальник канцелярии Министерства обороны генерал Караулов. Я часто думаю: если бы был Жуков, вероятно, как-то по-другому всё было бы. Возможно, на оформление, переоформление всевозможных документов у нас ушло бы не так много времени. Как бы то ни было я вернулась в родной город и восстановилась на работе – в Библиотеке Академии наук. Проработала там ещё 22 года, до выхода на пенсию.

Сын окончил Нахимовское училище, служит на флоте. С мужем мы расстались. Я ещё раз вышла замуж. К сожалению, моего мужа уже нет...

– Как сложилась жизнь вашего брата?

– Всеволод и Катя, как я уже сказала, попали в Армавирский детский дом для детей репрессированных. По словам брата, условия там были вполне приличные. Сева окончил школу, собрался поступить в военное училище. Вроде бы естественное желание для сына маршала. Приняли, проучился три месяца – отчислили, узнав,

Маршал Блюхер (в центре) на Дальнем Востоке. Слева – танкист Иван Михеев, справа – отец танкиста Дмитрий Михеев

чей он сын, и отправили на фронт. А до этого, когда Сева сам просился на фронт, отказывали. Попал он чуть ли не в штрафной батальон. Как сын врага народа. Всеволод Васильевич Блюхер прошёл войну простым солдатом, дошёл до Берлина. Не получил ни единой царапины. Был награждён орденом Красного Знамени. Но получил его через 20 лет! После того как отец вновь стал легендарным полководцем. После войны Всеволод вернулся в Армавир, переселился в Луганск, когда тот был ещё Ворошиловградом. В Коммунарке под Луганском до выхода на пенсию работал в шахтах, мастером-подрывником. Хотя после папиной реабилитации ему предлагали всякие соблазнительные должности. В итоге – профзаболевание, нервный диагноз, неправильное лечение. В последний год жизни он был уже прикован к постели. Умер Всеволод в 1977-м в возрасте 55 лет..

– Судьба племянницы Блюхера Кати?

– Это я так для себя определила: племянница. Катя никакая не племянница папе. В самом начале 1920-х был страшный голод в Поволжье – умерли несколько миллионов человек. Детей, спасая, грузили в эшелоны и развозили по стране. На станциях их разбирали – кого-то усыновляли, кого-то удочеряли. В Иркутске или в Чите, точно даже не знаю, когда поезд с детьми с Поволжья прибыл, папа велел маме: «Пойди, возьми девочку, но такую, которую никто не возьмёт!» Своих детей у них ещё не было. Мама взяла Катю. Она была вся в болячках, в язвах. Ужас! Мама с папой её выхаживали. Правда, потом выяснилось, что Катя – умственно отсталая. Она получила образование, но уровень развития у неё был весьма... Катя жила всё время с папой. В 1937 году объявились какие-то её родственники,

на Украине. После ареста отца она уехала к ним. Следы потерялись. Было ей тогда года двадцать четыре...

– После выхода на пенсию вы...

– После выхода на пенсию я посвятила себя памяти отца. Появилась возможность заняться сбором материалов о маршале Василии Константиновиче Блюхере, посетить места его боевой славы. Мы с мужем побывали и в Крыму, и на Украине, и на Урале, и в Сибири, и на Дальнем Востоке. Мы были на сопках Заозёрной и Безымянной. Две эти господствующие высоты во время хасановских боёв были заняты японцами. Сколько там полегло людей! Почему-то, обвиняя отца в «нежелании по-настоящему воевать с японцами» (слова Сталина), никто не говорит и не пишет об обстоятельствах, в которых ему пришлось воевать. О том, что климат Дальнего Востока резко отличается от климата в европейской части России. Там, например, реки разливаются осенью, а не весной, потому что период дождей – осенью. В 1938 году такой период пришёлся на июль-август. Дороги были размыты. Нельзя было применить тяжёлую артиллерию, танки. Ясного неба не было. Нельзя было использовать в полной мере авиацию. Об этом мне говорили участники тех боёв.

Был у нас «тематический» поход «По следам тобольского рейда Блюхера» – это когда он был окружён и адмирал Колчак приехал в Тобольск посмотреть на «пленённого» Блюхера, но тот лишился его такого удовольствия – вырвался из окружения. Мало кто об этом знает. У меня весь этот поход записан буквально по часам. По шесть-семь путешествий в год совершали мы с мужем. Я шутила: дома бываем проездом.

В бытность председателем КГБ Крюкова я затребовала дело отца. Спасибо ему – прислал оба тома. Теперь я знаю всё до мелочей. Но комментировать не хочу. Мне не хочется сводить счёты, мне хочется, вспоминая отца, говорить правду и только правду. Многие из появившихся в прессе в последнее время неправды, кривотолков и досужих вымыслов о маршале Блюхере я с документами в руках могу опровергнуть.

Об авторе:

Желтов Владимир – журналист, историк, долгое время возглавлял отдел культуры газеты «Невское время», Санкт-Петербург.

Блюхер (в центре) во время проведения лагерного сбора в 1-м стрелковом корпусе. Справа от него – Лазарь Каганович и Иосиф Сталин. Лето-1924

Как Лев Толстой напутствовал Столыпина

«Достижение той цели умиротворения, к которой Вы как будто бы стремитесь, возможно только совершенно противоположным путём»

П.А. Столыпин. Сост. и коммент.: И.Л. Архипов. – СПб.: Пушкинский фонд, 2017. – 608 с. // Серия «Государственные деятели России глазами современников»

Приостановленная была серия «Государственные деятели России глазами современников» возобновилась томом о самом загадочном, пожалуй, персонаже русской истории начала XX века – Петре Аркадьевиче Столыпине (1862–1911). Премьер-министр в 1906–1911 годах, для одних он остался автором «стольпинского галстука» (яркий, но не совсем точный образ его жёсткой внутренней политики), для других – примером верного слуги отечества и государя, слуги, которого недооценили и современники, и высшая власть.

Сборник включает фрагменты мемуаров и писем разных лиц – от дочери Столыпина Марии до его полити-

ческих соратников и противников. Одни тексты переиздавались в последние годы, другие публикуются по журналам и книгам 1910–1920-х годов. Составитель Игорь Архипов предпослал книге обширное предисловие, фактически полноценную биографию объёмом в 70 страниц. Он систематизирует разноречивые оценки деятельности Столыпина, рисуя фигуру одинокого романтика, преследуемого со всех сторон:

«Противодействие исходило от всех главных «центров влияния», которые предопределяли характер и эффективность реформаторской деятельности правительства Столыпина. Это и лично Николай II, императрица, члены императорской семьи, и «придворная камарилья» – ближайшее окружение царя, традиционно консервативное и чуткое к его настроениям, и так называемое объединённое дворянство – борющиеся за сохранение своего политического и экономического влияния крупные помещики и землевладельцы. Давление со стороны правоконсервативных и откровенно реакционных сил, включая пользующихся симпатией Николая II черносотенцев различных оттенков, ослабляло позиции Столыпина и его способность добиваться проведения преобразований. Более того, в правящих верхах, на фоне прогрессирующего самоуспокоения и уходящего страха перед революцией, снижалась потребность в самом Столыпине, который являлся не просто номинальным главой правительства, а стремился объединять его деятельность на основе программы реформ».

Охлаждению со стороны поначалу восхищённого провинциальным политиком императора способствовали и самостоятельность Столыпина, его публичная известность, а также жёсткое отношение к Распутину и настойчивое стремление премьера отменить ограничения прав евреев и членов их семей. (На что Николай II честно ответил, что не может – «...внутренний голос всё настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать её велениям»; антисемитизмом была заражена большая часть двора.) Группа же поддержки Столыпина выглядела малочисленной и к тому же си-

нильной – да, среди друзей был всевластный барон Фредерикс, один из немногих, кому император доверял даже больше, чем себе, но старому барону-консерватору давно уже не было дела до больших проблем большой страны.

Среди критиков премьера оказался и Лев Толстой, который поначалу относился к политику с интересом, поскольку дружил с его отцом ещё во время Крымской войны. 30 августа 1909 года он написал письмо премьеру. Письмо так и не было отправлено, но оно точно передаёт суть конфликта между властью и интеллигенцией: «Мне, стоящему одной ногой в гробу и видящему все те ужасы, которые совершаются теперь в России, так ясно, что достижение той цели умиротворения, к которой Вы, вместе с Вашими соучастниками, как будто бы стремитесь, возможно только совершенно противоположным путём, чем тот, по которому Вы идёте: во-первых, прекращением насилий и жестокостей, в особенности казавшейся невозможной в России за десятки лет тому назад смертной казни, и, во-вторых, удовлетворением требований, с одной стороны, всех истинно мыслящих, просвещённых людей, и с другой – огромной массы народа, никогда не признававшей и не признающей право личной земельной собственности».

Но Столыпин, как и в других случаях, не внял голосу писателя, он вообще считал его гражданские идеи оторванными от реальности. Возможно, в этом отсутствии гуманитарной и гуманистической подкладки всей его деятельности и состоит причина политического одиночества Столыпина, принципиального, но не способного на компромиссы человека, которого в силу этой упёртости трудно даже назвать полноценным политиком. Он кажется технократом, обладающим умением, но лишённым ясных целей, тактик в нём побеждал стратега.

Если бы Столыпина не убили, какое политическое будущее у него было бы – вообразить трудно. Если уж императору удалось «притушить» (а ведь хотелось порой и придушить) самого Витте, вряд ли Столыпину повезло бы больше. Принципиальный, неуступчивый премьер выглядит классической жертвой правящего режима – отличный функционер, он становился всем менее нужным по мере роста своих достижений. Да и несговорчивость политических элит, их выбор в пользу сиюминутных успехов, а не высоких целей тоже трагическим образом сказались на судьбе Столыпина. В глазах многих современников её предпринял сам ход истории. Жаль, что та лишена сослагательного наклонения.

«Фактически в материалах УКГБ таких сведений не имелось...»

Отменить приговор Азадовскому помогли перестройка, Щекочихин и «Литературка»

Пётр Дружинин. Идеология и филология. Дело Константина Азадовского: Документальное исследование. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 528 с.: ил.

От одного из самых громких дел начала 1980-х, когда известного ленинградского филолога Константина Азадовского и его гражданскую жену Светлану Лепилину отправили в тюрьму по очевидно сфабрикованному обвинению, не осталось практически ничего. Как пишет автор книги Пётр Дружинин, «то обстоятельство, что Азадовские в своё время не поленились скопировать основной объём своих уголовных дел и сопутствующих «правосудию» материалов, которые впоследствии влились в различные архивные коллекции, оказалось для нас спасительным: несмотря на запросы, которые по нашей настоятельной просьбе предпринимались Азадовскими в процессе подготовки этой книги, их уголовные дела оказались то ли уничтоженными по срокам хранения, то ли вообще утраченными. Более того, в 2015 году Азадовскому наконец было официально сообщено, что «сведения о привлечении его к уголовной ответственности отсутствуют в Информационном центре ГУ МВД России по С.-Петербургу и Ленинградской области, самих уголовных дел на хранении не имеется, а вся учётная документация уничтожена по истечении срока хранения. Как будто и не было никакого уголовного дела, отбытого срока, реабилитации, сломанных жизней...».

Жизнь, к счастью, сломанной не назовёшь, Константин Азадовский – учёный с мировым именем. То, что несколько лет работы у него украли, что жену его подвергали в заключении унижениям – этого не забыть. Но сама история – дань их личному мужеству, а также профессионализму выдающегося журналиста Юрия Щекочихина, во многом благодаря на-

стойчивости которого удалось добиться отмены приговора.

Там всё было шито белыми нитками – не было самого преступления, Светлане Лепилиной через агента-provokatora КГБ (им был некий иностранец Хасан, чья личность так и не была установлена судом) подбросили ананшу, затем во время обыска у Азадовского наркотики подложили и ему. Причин не любить филолога у КГБ было много, но одновременно их не было вовсе. Да, в молодости он не стал доносить на студентов, да, много общался с иностранцами, читал зарубежные журналы и не раз высказывался в адрес власти. Но всё же он был германист, иностранцев было не избежать, запрещённой периодики не хранил, а любовь к «Софье Власьевне» (так иносказательно называли порой советскую власть) демонстрировали лишь слабодумавшие. Из-за этого не организуют сложную операцию, когда в милицейском обыске участвуют трое сотрудников КГБ, чьи имена не попадают в итоге в протокол. И уж тем более не отправляют в колонию в Сусуман Магаданской области, несмотря на протесты известнейших учёных и писателей, причём не только ленинградских (отец Азадовского, Марк Григорьевич, был известным пушкинистом, его лишили работы в годы «борьбы с космополитизмом»).

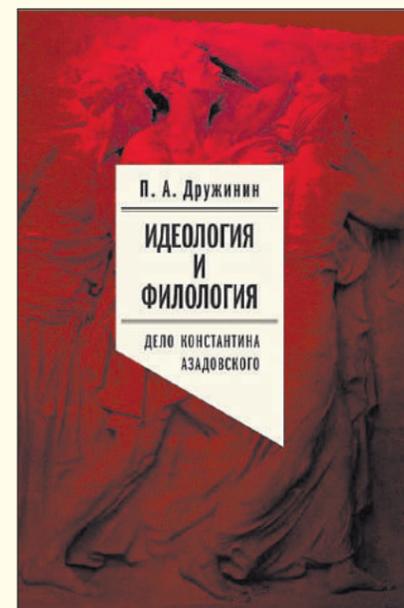
Азадовский настойчиво боролся против сфальсифицированного приговора, но в итоге ему помогли перестройка, Щекочихин и «Литературка». Тогда сложные юридические случаи в газете предварительно изучали «разработчики темы», специалисты юриспруденции, отставники из милицейской и прокурорской среды. В 1988 году один из них, «генерал-майор запаса Минаев отправился в командировку в Ленинград. Командировочное удостоверение от редакции «Литературной газеты», а в особенности красная генеральская кни-

жечка открыли ему нужные двери. Но тут оказалось, что уголовные дела Азадовского и Лепилиной уже не посмотреть – их затребовала Генеральная прокуратура СССР. Этот факт был сам по себе не так и огорчителен – дела наконец-то вырвались за пределы Ленинграда, появился призрачный шанс, что их внимательно изучат в Генеральной прокуратуре».

В итоге расследования в 1989 году – после многочисленных проволочек в самой редакции – появилась статья Юрия Щекочихина, но окончательная точка была поставлена лишь в 1994 году. 5 апреля старший прокурор Управления по надзору за следствием и дознанием Генеральной прокуратуры РФ Н.Н. Дедов «выносит решение, которое опровергает не только решения органов суда, но даже прежние решения Генеральной прокуратуры (...) 18 апреля 1994 года это постановление было утверждено старшим помощником Генерального прокурора РФ В.А. Титовым, и дело отправилось обратно – в Санкт-Петербург. Такие решения Генеральной прокуратуры, не слишком привычные для Азадовских, были связаны с тем обстоятельством, что (...) Генеральным прокурором РФ стал Алексей Иванович Казанник, и дело не пошло по привычному пути».

Итоговое решение принял 1 июня 1994 года президиум Санкт-Петербургского городского суда. Его текст – документ кафкианской силы, точно отражающий атмосферу позднего СССР: «Лепилина попала в поле зрения УКГБ СССР по Ленинградской области как сожительница Азадовского К.М., состоящего с 1978 года на оперативном учёте по подозрению в антисоветской агитации и пропаганде».

При посредничестве Лепилиной получить легализованные материалы об этой деятельности Азадовского не предста-

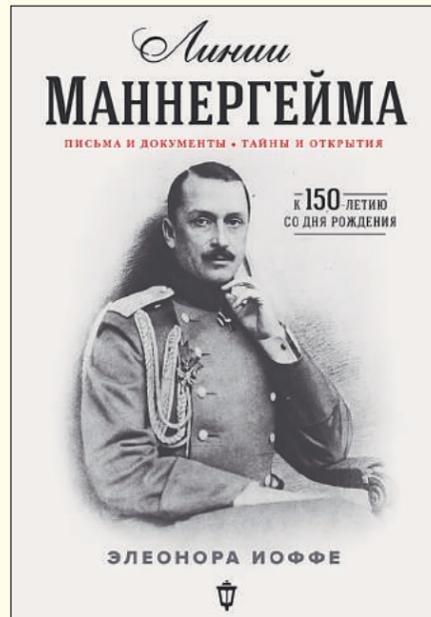

вилось возможным, и в октябре 1980 года УКГБ приняло решение о привлечении Азадовского и Лепилиной к уголовной ответственности за общеуголовное преступление, и тогда же Куйбышевское РУВД Ленинграда было проинформировано о том, что Азадовский и Лепилина занимаются приобретением, хранением и употреблением наркотических веществ. Фактически же в материалах УКГБ таких сведений не имелось».

Как сложилась бы судьба Азадовского, если бы не мужество его самого и людей, ему помогавших? Как писал Юрий Щекочихин по поводу другой истории, «система может оказаться сильнее народа, но сильнее одного человека она может и не стать». В своё время редактор вычеркнул эти строки – возможно, потому, что возразить автору было нечего.

От русского гвардейца до финского маршала

Сталин вычеркнул имя Маннергейма из списка военных преступников

Элеонора Иоффе. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. — СПб.: Пушкинский фонд, 2017. — 432 с.

«Очень странно ставить в городе мемориальную табличку тому, кто участвовал в его осаде» — вот текст одной из прошлогодних реплик в Интернете, прозвучавших в рамках полемики по поводу мемориальной доски Густаву Маннергейму (1867–1951). Ставший маршалом Финляндии лейб-гвардеец уланского Его Императорского Величества полка по-прежнему остаётся спорной фигурой для многих россиян, что видно и по книге, выходящей уже вторым, дополненным изданием. Маннергейм был шведским бароном и русским военным деятелем, участвовал в торжествах коронации Николая II, во время Первой мировой войны командовал кавалерийской дивизией, дослужился — уже при Временном правительстве — до генерал-лейтенанта, да и женат был на дочери генерала Анастасии Николаевны Араповой (детей звали Анастасия и Софья).

Признание заслуг такой фигуры в советской культуре было невозможно. Знаменитая «линия Маннергейма», как и вся история засекреченной Советско-финской войны, долгие годы невнятно проборматывалась на страницах школьных учебников. Потребовалось отрешиться от идеологических концепций, чтобы признать за этим статным кавалергардом право не только на внешний блеск, но и патриотизм, не впадающий в грех унылого национализма.

Маннергейму одинаково удавались и полутаинственная роль «нашего человека» на Дальнем Востоке (почти два года он путешествовал под видом этнографа по Китаю и Японии), и роль светского льва, удачливого придворного, счастливого любовника и утонченного ценителя кухни. Его культ в Финляндии если и ослабевает с десятилетиями, то не катастрофическими темпами.

Собрав массу интересных материалов в архивах Европы и Америки, рассказывая о множестве неожиданных деталей, вроде продолжавшихся и в 1930-е — 1940-е годы отношений Маннергейма с бывшими сослуживцами по русской армии и его симпатиях к эмигрантам в целом, Элеонора Иоффе подпадает под обаяние героя и в итоге толком не держит критическую по отношению к нему дистанцию. В результате перед читателем скорее сборник интереснейших материалов и документов, чем полноценная биография с внятной авторской концепцией. Но читается с увлечением — Маннергейм очарователен словно киногерой. Он отчаянно защищал обретшую независимость Финляндию, став регентом (парламент не мог

определиться с будущим монархизма в Финляндии). Затем, на много лет официально отстранившись от политической жизни, он был руководителем многочисленных обществ — от Красного Креста и Союза скаутов до Союза защиты детей, носившего его имя. Маннергейм вернулся в большую политику в 1931 году как председатель Совета обороны. Через два года он уже фельдмаршал, а с началом Советско-финской войны 1939 года, получившей название Зимней, Маннергейм возвращается к военной деятельности, заняв пост главнокомандующего.

Советы оценили Маннергейма как противника. После поражения Финляндии Москва не предъявляла Маннергейму претензий, когда судили его соратников, самому маршалу позволили уехать лечиться в Португалию (умер он и вовсе в Швейцарии). Жданов, как председатель Контрольной комиссии союзников, не обращал внимания на доклады, требовавшие наказания маршала, Сталин вычеркнул его имя из списка военных преступников.

Симпатии автора к своему герою очевидны, поэтому не удивляешься отсутствию в списке использованной литературы «неудобных» книг. Например, здесь нет и тени вышедшего в 1945 году в Петрозаводске сборника материалов и документов «Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР» (составители С. Сулимин, И. Трускинов, Н. Шитов). В сборнике немало примеров садизма со стороны финских военных по отношению как к военнопленным, так и к гражданскому населению (людей на улице могли убить только за то, что те не стали приветствовать финских солдат), и даже к детям. С точки зрения полноты исследования это важные свидетельства.

Автор пытается сохранить объективность, напоминает о надолго приклеившемся к Маннергейму прозвищу lahtari («мясник»), но ужасы и жестокости, сопровождавшие его руководство Финляндией, особенно в Гражданскую войну 1918-го, когда белые без разбору казнили всех сторонников красных, включая женщин и детей, Элеонора Иоффе склонна списывать на обстоятельства времени: дескать, в гражданскую войну всегда так. Возможно, что так, но это не снимает ответственности с военных лидеров.

Факты упрямая вещь. В книге приводится приказ Маннергейма от 7 июля 1941 года: «В этот исторический момент финские и немецкие солдаты вновь — как и во время освободительной войны в Финляндии в 1918 году — стоят плечом к плечу, как товарищи, в битве с большевизмом и Советским Союзом. ...Я горжусь тем, что германское военное руководство предоставило в мое распоряжение опытную 163-ю дивизию. Как главнокомандующий финскими вооруженными силами я приветствую командира дивизии генерал-лейтенанта Энгельбрехта и его храбрые войска на полях сражений Финляндии. Это славное братство по оружию будет воодушевлять моих воинов в борьбе против общего врага».

После его прочтения ещё хочется установить мемориальную доску в Петербурге?

Об авторе обзора:

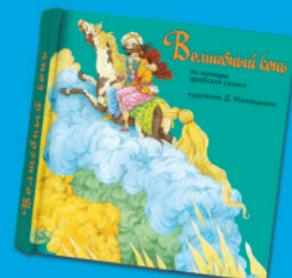
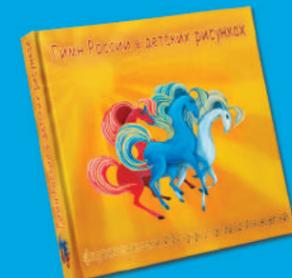
Алексей Мокроусов — литературный и художественный критик, главный

редактор «Московского книжного журнала». Печатается в «Коммерсанте» и «Ведомостях», журналах «Синий диван», «Теория моды», «Иностранная литература».

год основания 1994

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КНИЖКИ
ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ СЛЕПЫХ ДЕТЕЙ»

ФОНД СОЗДАН в 1994 году для реализации одноимённого проекта Всемирного десятилетия развития культуры ООН и ЮНЕСКО

ФОНД ИЗДАЁТ И РАСПРОСТРАНЯЕТ на безвозмездной основе за счёт привлечения средств меценатов цветные рельефные иллюстрированные книги по программе «Книжки в подарок».

КНИГИ ВЫПОЛНЕНЫ с учётом особенностей зрительного и тактильного восприятия изображений детьми с нарушениями зрения.

ЕЖЕГОДНО в России более десяти тысяч детей с нарушениями зрения и слепых детей получают новый комплект книг по благотворительной подписке.

Как подарить книжки детям?

Отправьте

SMS на номер **3434**

ПОДАРОК пробел **СУММА**

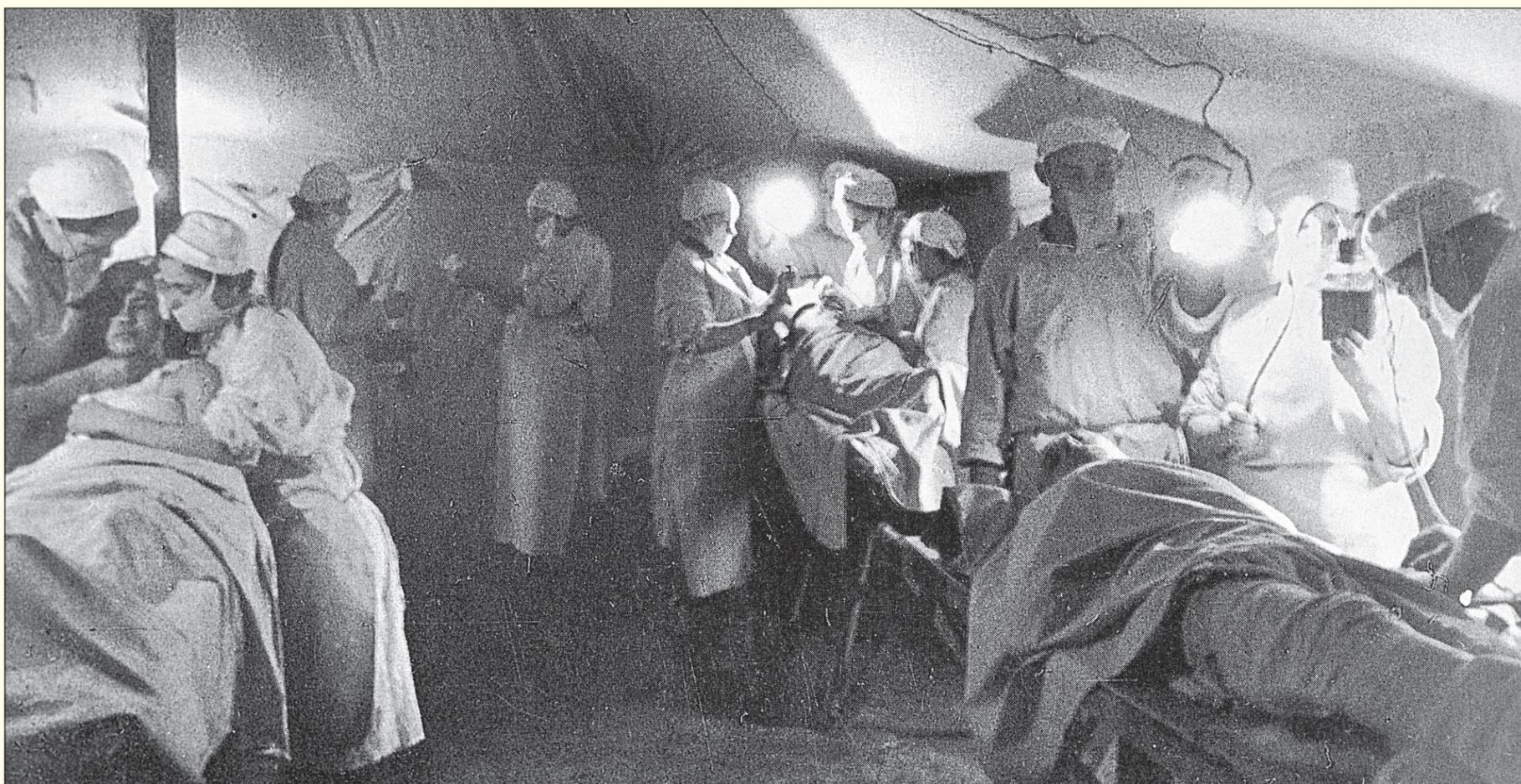
например, **ПОДАРОК 300**

125009, Москва, Глинищевский пер., 5/7, стр. 1
Тел: +7 (495) 629-02-68

www.благотворительность.рф

ТОРЖЕСТВО ПЛЕСЕНИ

Почему Зинаиду Ермольеву
весь мир знал как Мадам Пенициллин?

В войнах XX века скромная плесень помогла сберечь миллионы солдатских жизней

Анна ЗАЙКИНА

Специально для «Совершенно секретно»

Так уж сложилось, что в истории мировой науки Зинаида Виссарионовна Ермольева всегда будет в тени нобелевских лауреатов Александра Флеминга, Эрнста Чейна и Говарда Флори. Именно этим выдающимся учёным – заметим, что вполне справедливо, – приписывается заслуга открытия антибиотиков. Однако почему Зинаиду Ермольеву, чьи работы были широко известны за рубежом, весь мир знал под прозвищем Мадам Пенициллин?

В 1936 году, на Втором международном конгрессе микробиологов в Лондоне, шотландский профессор Александр Флеминг продемонстрировал коллегам принципиально новое лекарственное вещество – пенициллин. Пенициллин творил чудеса. В чашке Петри вокруг капельки пенициллина, словно парализованные, замерли смертоносные микробы. Флеминг был уверен, что нашёл способ борьбы с возбудителями массы опасных болезней. Но доклад был встречен с холодным безразличием. Только через три года, когда началась Вторая мировая война, равнодушно воспринятый учёным миром пенициллин потребовался десяткам тысяч раненых, чьи жизни были под угрозой из-за тяжёлых инфекционных осложнений. Началась невиданная пенициллиновая гонка, в которую были втянуты мировые державы.

«Для победы во Второй мировой войне пенициллин сделал больше, чем многочисленные дивизии» – так было сказано при вручении Нобелевской премии по физиологии и медицине Флемингу, Чейни и Флори. Пожалуй, это красивое преувеличение, но несомненно, что первый в мире антибиотик спас больше жизней, чем любое другое лекарство.

Да, ещё стоит отметить, что учёные отказались запатентовать пенициллин, тем самым подарив его человечеству.

ОПЫТ ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН

Иногда складывается впечатление, что практически всё уже было известно древним египтянам. Или китайцам. Откроешь статью, войдёшь на какой-нибудь сайт и наткнёшься на фразу, начинающуюся со слов «ещё древние египтяне...». Но в случае с антибиотиками эти слова не пустой звук. В Древнем Египте действительно существовала практика лечения гнойных воспалений путём прикладывания к ранам припарок из заплесневелого хлеба. Подобный способ практиковали и древнегреческие врачи. Индейцы майя использовали особую зелёную плесень, специально выращенную на зёрнах кукурузы. Впервые же эмпирический опыт лечения гнойного воспаления с помощью плесени был описан знаменитым философом и врачом Авиценной в «Каноне врачебной науки» в начале XI века.

Прошла почти тысяча лет, и лишь в 1877 году Луи Пастер описал явление антибиоза – «войну» между бактериями почвы и патогенными бактериями, возбудителями сибирской язвы. Пастер предположил, что антибиоз может стать основой специфических методов лечения. Идею об использовании явления антагонизма микробов также развивал и Илья Мечников, предложивший употреблять молочнокислые бактерии, обитающие в простокваше, для подавления вредоносных гнилостных бактерий в кишечнике человека. Что же касается полезных свойств плесени, то о них вспомнили также во второй половине XIX века: Вячеслав Манассеин и Алексей Полотебнов независимо друг от друга писали об особенных свойствах плесени. Полотебнов же, один из основателей отечественной

дерматологии, в работе 1873 года «Патологическое значение плесени» показал, что грибы из рода *Penicillium* способны задерживать развитие возбудителей ряда кожных болезней.

ДЕЛО СЛУЧАЯ

«Когда я проснулся на рассвете 28 сентября 1928 года, я, конечно, не планировал революцию в медицине своим открытием первого в мире антибиотика или бактерии-убийцы. Но я полагаю, что именно это я и сделал», – писал в дневнике Александр Флеминг. Строго говоря, пенициллин был открыт случайно.

Во время Первой мировой войны Александр Флеминг служил военным врачом и никак не мог смириться с тем фактом, что, даже если операция проходила успешно, раненые умирали от начинавшейся гангрены или сепсиса. В 1918 году Флеминг вернулся в Лондон, в бактериологическую лабораторию больницы Святой Марии, в которой работал с 1906 года до самой своей смерти. Здесь его задатки исследователя ещё в 1902 году отметил Алмрот Райт, врач, разработавший вакцину против брюшного тифа.

В 1922 году Флеминг обнаружил в носовой слизи пациента, страдавшего от хронической простуды, вещество, способное уничтожать некоторые бактерии и названное лизоцимом. Он думал, что найдено универсальное антибактериальное средство, но позже вернулся к исследованию свойств плесени. Занимаясь изучением свойств стафилококков, Флеминг обнаружил, что в одной из чашек Петри со стафилококковой культурой образовались плесневые грибы, уничтожившие колонии стафилококков, и ему удалось выделить активное вещество, разрушающее бактериальные клетки – пенициллин. То, что в чашке выросла плесень, и было делом

случая – просто туда совершенно случайно, нарушив чистоту эксперимента, попали плесневые споры.

До 1939 года Александру Флемингу не удавалось вывести эффективную культуру, а новый препарат был весьма нестойким. Видимо, поэтому его доклад на конгрессе микробиологов не произвёл ожидаемого впечатления. Коллеги уже знали, что пенициллин обладает уникальными свойствами, но не верили, что его можно производить в промышленных масштабах, не теряя полезных свойств препарата.

ДЕНЬГИ РОКФЕЛЛЕРА

Очистить пенициллин пытались в 1940 году биохимик Чейн и бактериолог Флори, но развернуть производство в Великобритании не представлялось возможным. К тому же в обстановке угрозы вторжения нацистов исследователи опасались, что открытый ими антибиотик попадёт в руки врага. Поэтому летом 1941 года при поддержке фонда Рокфеллера Флори и другой биохимик, Норман Хитли, отправились в Соединённые Штаты, надеясь заинтересовать ведущие фармацевтические компании производством пенициллина. Интерес проявила Северная региональная исследовательская лаборатория Министерства сельского хозяйства США, расположенная в городе Пеория, штат Иллинойс. Именно там был отлажен процесс, который затем лёг в основу широкомасштабного промышленного производства препарата. К марту 1942 года под эгидой Управления научных исследований США было произведено небольшое количество пенициллина, достаточное для лечения первого пациента. К июню 1942 года ещё 10 человек были вылечены препаратом, поставленным компанией «Мерк»

(Merc & Co., Inc.), а 1 марта 1944 года фирма «Пфайзер» открыла в Бруклине (Нью-Йорк) первую коммерческую фабрику по производству пенициллина.

ДОЧЬ ПОДЪЕСАУЛА

Микробиолог Зинаида Ермольева не могла рассчитывать на финансовую поддержку Рокфеллера. Помимо таланта исследователя и знаний учёного, она полагалась лишь на собственный энтузиазм. Что вполне объяснимо – многое, даже слишком многое в СССР делалось в первую очередь с опорой на воодушевлённую увлечённость.

Зинаида Ермольева родилась на хуторе Фролов, Донской области, в семье зажиточного казачьего старшины, подъесаула Виссариона Васильевича Ермольева. В 1915 году Зинаида окончила с золотой медалью Мариинскую женскую гимназию в Новочеркасске и поступила на медицинский факультет Донского университета. Зинаида с юности любила танцы и... микробиологию. А определиться с профессией ей помогла прочитанная книга – о любимом композиторе Петре Ильиче Чайковском, который, как и его мать, умер от холеры. «Картина жуткая: заострённые черты лица, запавшие глаза, синюющие губы и ушные раковины, холодеющее тело. Кожа теряет упругость и легко собирается в складки, ноги и руки становятся морщинистыми, как у дряхлого старика – так называемый симптом руки прачки. И гроб, почерневший от едкой извести...»

Окончательный выбор в пользу биологии Зинаида сделала на выпускном балу, когда зазвучал «Сентиментальный вальс» Чайковского, а серьёзную исследовательскую работу начала ещё студенткой.

«ХОЛЕРНЫЙ» ЭКСПЕРИМЕНТ НА СЕБЕ

Классический возбудитель холеры уже был хорошо изучен, но молодого учёного интересовало предположение о существовании холероподобных вибрионов, которые также могли вызывать смертельную болезнь. Во время вспышки холеры в Ростове-на-Дону в 1922 году она смогла выделить из организма больного светящийся холероподобный вибрион (позже названный в её честь) – и поставила эксперимент на себе. Рискнув жизнью ради будущего спасения тысяч людей, Ермольева ввела себе содержащий вибрионы препарат, и этот эксперимент чуть не привёл к летальному исходу. «Опыт едва не кончился трагически, доказал, что холероподобные вибрионы, находясь в кишечнике человека, могут превращаться в истинные холерные вибрионы, вызывающие заболевание», – отметила она в протокольных записях.

Зинаиде Ермольевой удалось подтвердить различия в индивидуальной устойчивости к холерной инфекции, изучить механизм выработки иммунитета и разработать методы диагностики для определения холерных и холероподобных вибрионов. Также ею были предложены способы обеззараживания воды от холерных и холероподобных вибрионов с помощью остаточного хлора, которые легли в основу советских санитарных норм и применяются по сей день.

В 1939 году Ермольева была командирована в Среднюю Азию, на профилактику начинающейся холерной эпидемии, где она успешно применила комплексный, ею полученный бактериофаг, эффективный не только при холере, но также при брюшном тифе и дифтерии. За разработку этого бактериофага Зинаида Ермольева была удостоена звания профессора, а коллеги стали называть её «ханум».

Выдающихся практических результатов в своём противостоянии холере Зинаида Ермольева достигла в 1942 году, когда поступили тревожные сообщения о вспышке болезни под Сталинградом. Можно

сказать, что битву за Сталинград вели не только советские войска, но и учёные. Туда в срочном порядке были отправлены ведущие микробиологи и эпидемиологи во главе с Ермольевой. Эшелон, в котором везли бактериофаги – вирусы, поражающие возбудителя холеры, – попал под бомбёжку, и большая часть ценнейших препаратов была уничтожена. Учёным пришлось в подвале одного из домов восстанавливать уничтоженное, и холерный фаг ежедневно вместе с хлебом раздавали жителям Сталинграда, а воду хлорировали по методу Ермольевой, благодаря чему наступление холеры в Сталинграде удалось остановить.

КТО ЦЕННЕЕ ДЛЯ НАУКИ?

После нескольких лет работы в Северо-Кавказском бактериологическом институте, где она заведовала бактериологическим отделением, Зинаида Ермольева в 1925 году переезжает в Москву и возглавляет отдел биохимии микробов в Биохимическом институте (сейчас им. А.Н. Баха). Здесь же она познакомилась со своим первым мужем, микробиологом Львом Зильбером. Их медовый месяц был весьма «романтичен», они провели его на стажировке в институте Пастера.

Лев Зильбер в 1945 году стал лауреатом Сталинской премии и был, пожалуй, единственным из подвергшихся репрессиям учёных, перед кем Сталин лично извинился за «допущенные перегибы». Всего Зильбера арестовывали трижды. Первый раз после того, как он руководил подавлением вспышки чумы в Нагорном Карабахе в 1930 году. Тогда Зильбера представили к ордену Красного Знамени, но вскоре арестовали по обвинению в диверсии с целью заразить чумой население Азербайджана, и в заключении он провёл четыре месяца. В 1937 году Лев Зильбер был руководителем Дальневосточной экспедиции Наркомздрава СССР, которая изучала неизвестное инфекционное заболевание центральной нервной системы. В ходе работы Зильберу удалось определить природу заболевания, переносчиком возбудителя которого были клещи, а именно выяснить, что это своеобразная форма клещевого энцефалита. Вскоре после возвращения он был арестован по доносу – якобы за намерение заразить жителей Москвы энцефалитом и саботаж разработки лекарственных средств для борьбы с болезнью. Находясь в заключении, Зильберу удалось получить из ягеля дрожжевой препарат против пеллагры и спасти жизни сотням заключённых, умиравших от авитаминоза. Полученное авторское свидетельство числилось за НКВД. И наконец, в 1940 году Зильбера арестовали за отказ работать над бактериологическим оружием. Он трудился в «шарашке», где в ходе экспериментов над мышами и крысами, которых ему ловили заключённые за махорку, сформулировал новую концепцию происхождения раковых опухолей.

Освободили Зильбера в 1944 году, благодаря прошению, направленному на имя Сталина Зинаидой Ермольевой, Николаем Бурденко и Леоном Орбели, а также братом Зильбера – Вениамином Кавериним. Сам Зильбер считал, что прошение, скорее всего, не дошло до адресата, но вызвало переполох в кабинетах НКВД.

Ко времени второго ареста Ермольева и Зильбер уже давно были в разводе, Ермольева вышла замуж за микробиолога Алексея Захарова. Однако и Захарова в

Зинаида Ермольева – создатель чудо-лекарств

феврале 1938 года репрессировали: он получил приговор «10 лет без права переписки» и был расстрелян. Ермольева пыталась освободить своих мужей, и Захарова, и Зильбера, причём до 1940 года, когда ей сообщили, что Захаров умер в тюремной больнице, она думала, что он жив.

В 1939 году, в благодарность за спасённую жизнь дочери, один из высоких чинов НКВД, также не знавший, что Захаров расстрелян, предложил Ермольевой помощь в освобождении мужа. Ермольева ответила, что освобождать надо Зильбера, и пояснила: «Лев Зильбер нужен науке...»

МАДАМ ПЕНИЦИЛЛИН

О сенсационных результатах работы Флори по промышленному производству пенициллина стало известно в СССР (в основном через зарубежную агентуру). Ещё в начале войны Наркомздрав заказал в Англии штамм Александра Флеминга, но заказ никак не выполняли, и в Советском Союзе решили – ждать больше нельзя, тысячами гибнут люди, нужен свой пенициллин.

Для разработки отечественного пенициллина весной 1942 года была создана новая лаборатория на базе Всесоюзного института экспериментальной медицины, работу которой возглавила Зинаида Ермольева. Ей предстояло в кратчайшие сроки создать чудо-лекарство. Поразительно, но самая лучшая культура плесени, а, следовательно, и наиболее чистая культура пенициллина была получена из спор плесени, выращенных на стене бомбоубежища одного из московских жилых домов. Полученный Ермольевой пенициллин был назван «крустозин ВИЭМ» и стал основой для производства первого советского пенициллина в промышленных масштабах. Чтобы обеспечить его выпуск, лаборатория Ермольевой работала в несколько смен, занимаясь практически полустарым изготовлением первого антибиотика.

Препараты испытывали на мышах, морских свинках и кроликах. Результаты же превосходили все ожидания.

Примерно в то же время в институте Петра Капицы разработали метод лиофильной сушки, позволявший получать сублимированные продукты, и поэтому в лаборатории профессора Ермольевой уже могли хранить препарат в виде сухого порошка. Ермольева добилась того, что уже осенью 1943 года фармкомитет Наркомздрава СССР разрешил применять отечественный пенициллин – крустозин. Сразу несколько больниц Москвы получили его для клинических испытаний и в течение двух месяцев детально изучали эффективность лекарства на раненых. Однако главное испытание было ещё впереди.

В конце декабря 1943 года в составе англо-американо-канадской делегации в СССР прилетел профессор Говард Флори. Он привёз с собой свой знаменитый пенициллин и тест-штамм стафилококка – международный стандарт определения активности пенициллина. Состоялась историческая проверка двух штаммов: английского и советского. К удивлению Флори и всей делегации, советский штамм по активности ничуть не уступал английскому.

После войны Зинаида Ермольева возглавила ВНИИ пенициллина, с 1952 года – кафедру микробиологии и лабораторию новых антибиотиков Центрального института усовершенствования врачей, основала журнал «Антибиотики» и стала его первым редактором. Под её руководством были разработаны другие антибиотики: левомицетин, стрептомицин, противовирусный препарат интерферон.

Автор удивительных открытий, более пятисот научных трудов и шести монографий Зинаида Виссарионовна Ермольева скончалась в декабре 1974 года.

« Для победы во Второй мировой войне пенициллин сделал больше, чем многочисленные дивизии »

ПРИЯТНЫЙ ЗАПАХ ФОСГЕНА

Коварная германская газовая атака на русские позиции в августе 1916 года

1 августа (20 июля по ст. ст.) 1812 — возле деревни Клястицы погиб видный русский военачальник генерал-майор Яков Кульнев: французским ядром ему оторвало обе ноги выше колен.

2 августа 1996 — в России официально в последний раз приведён в исполнение смертный приговор: расстрелян серийный маньяк и убийца детей Сергей Головкин. Следственные органы установили, что с 1986 по 1992 год Головкин изнасиловал и убил в Московской области не менее 11 мальчиков-подростков.

3 августа 1988 — немец Матиас Руст, в 1987 году приговорённый к четырём годам лишения свободы за незаконное пересечение советской границы и посадку самолёта возле собора Василия Блаженного, помилован, освобождён из заключения и вернулся в ФРГ.

4 августа (25 июля по ст. ст.) 1652 — по воле царя Алексея Михайловича шестым по счёту Патриархом Московским и всея Руси избран Никон (в миру Никита Минов), реформы которого привели к расколу Русской православной церкви.

5 августа 1987 — на 65-м году жизни скончался выдающийся советских актёр театра и кино, народный артист СССР Анатолий Папанов.

6 августа 1967 — при тушении лесных пожаров во Франции погиб экипаж советского вертолёта Ми-6ПЖ, командиром которого был заслуженный лётчик-испытатель, Герой Советского Союза Юрий Гарнаев.

7 августа 1932 — по прямому указанию Сталина постановлением ЦИК и СНК СССР введена смертная казнь за кражу государственной и колхозной собственности в особо крупных размерах. Документ вошёл в историю как «закон о трёх колосках».

8 августа (27 июля по ст. ст.) 1915 — германский флот попытался прорваться в Рижский залив через Ирбенский пролив.

9 августа 2016 — в Нью-Йорке скончался скульптор Эрнст Неизвестный.

10 августа 1985 — в бухте Чажма (Приморский край) произошла авария ядерной энергетической установки атомной подводной лодки К-431. Из-за теплового взрыва атомного реактора погибли 10 моряков (по другим данным, 11), радиоактивному заражению подвергся посёлок Шкотово-22.

11 августа 1979 — над Днепродзержинском произошло столкновение двух самолётов «Аэрофлота» Т-134А, в результате погибли 178 человек, в том числе футболисты ташкентской команды «Пахтакор».

12 августа 2000 — во время учений Северного флота в Баренцевом море затонула атомная подводная лодка К-141 «Курск». Никто из 118 человек, находившихся на борту субмарины, не был спасён.

13 августа 1977 — Совет Министров СССР издал закрытое распоряжение о направлении советских военных советников в Эфиопию.

14 (1 по ст. ст.) августа 1917 — по распоряжению Временного правительства низложенный император Николай вместе с семьёй отправлен в ссылку в Тобольск.

Вночь с 1 на 2 августа (19/20 июля по ст. ст.) 1916 года немецкие войска применили отравляющий газ против русских войск в районе Сморгони (ныне Гродненская обл. Белоруссии). Газобаллонной атаке подверглись позиции Кавказской гренадерской дивизии, входившей в Гренадерский корпус генерал-лейтенанта Дмитрия Парского. Потери русских войск составили 3846 человек отравленными, в том числе 46 офицеров. 286 отравленных умерли. Основные потери понёс 16-й гренадерский Мингрельский полк, по сути, полностью выведенный из строя.

Это была далеко не первая немецкая химическая атака на русском фронте. Первую попытку немцы предприняли 31 января — 2 февраля (18–20 января по ст. ст.) 1915 года в районе польского города Болимова: обстреляли русские позиции 18 тысячами снарядов калибра 150 мм, начинёнными ксиллибромидом — газом слезоточивого действия. Но из-за морозов газ не испарялся. Впервые же действительно отравляющий газ — хлор — немцы применили на Восточном фронте под тем же Болимовом 31 (18 по ст. ст.) мая 1915 года. В 3 часа 20 минут, после короткого артобстрела позиций 55-й пехотной дивизии, немцы, имитируя переход в атаку, открыли ураганный пулемётный и ружейный огонь по передовым русским окопам и сильный артиллерийский огонь по участку соседней 14-й Сибирской стрелковой дивизии. Одновременно был выпущен и хлор. Как писал один из лучших отечественных специалистов по боевой химии Александр Де-Лазари (подполковник Русской императорской армии, генерал-майор РККА), «полная неожиданность и неподготовленность со стороны русских войск привели к тому, что солдаты проявили больше удивления и любопытства к появлению облака газа, нежели тревоги. Приняв облако газа за маскировку атаки, русские войска усилили передовые окопы и подтянули частные поддержки. Вскоре окопы, представлявшие здесь лабиринт сплошных линий, оказались местами, заполненными трупами и умирающими людьми». Газы вывели из строя 9308 наших солдат и офицеров, из которых 1183 умерли в муках.

В том же 1915 году немцы ещё несколько раз применили отравляющие вещества на русском фронте, затем интенсивность применения несколько снизилась. Но летом 1916 года массированные химические атаки на русском театре военных действий возобновились, хотя отравляющие вещества стали применять уже не только немцы, но и русские войска. В конце июня 1916 года германцы произвели газобаллонное нападение западнее Молодечно, у Крево, а 2 июля (19 июня по ст. ст.) 1916 года последовала немецкая газобаллонная атака уже севернее Молодечно — у Сморгони.

«Местность в районе местечка Сморгонь, — пишет Де-Лазари, — пологая в сторону русских окопов, ровная и открытая, благоприятствовала производству газовой атаки германцами, тем более что расстояние между германскими и русскими окопами не превышало 1000 м, а местами окопы сближались до 200 м». Неожиданной атаки у немцев не вышло — дивизии XXVI армейского корпуса загодя были предупреждены о вероятности газовой атаки, войсковые части снабжены масками (про-

Появление химического оружия в Первую мировую резко изменило характер боевых действий

тивогазами), а в окопах и перед ними заготовлены материалы для костров, выставлены кадки с водой, выданы распылители и установлена звуковая и световая сигнализация. Однако русские полки, особенно 254-й Николаевский пехотный, понесли огромные потери — после отражения первой атаки солдаты поторопились снять маски, но немцы затем произвели новую химическую атаку, более интенсивную. «Зато после этой газовой атаки, — сообщает Де-Лазари, — все уцелевшие прониклись уважением к противогазам и более с ними не расставались».

Правда, это не помогло избежать больших потерь во время следующей немецкой газовой атаки под Сморгонью, той самой, что была в ночь с 1 на 2 августа. Как следует из донесения командира корпуса генерал-лейтенанта Парского, «все нижние чины были снабжены противогазами и обучены надеванию их, в окопах имелись все рекомендованные средства массовой защиты, для наблюдения за появлением газов выставлялись особые наблюдатели как в самих окопах, так и впереди в секретях». Далее генерал сообщает, что «ночь перед атакой была совершенно тёмная, с низко нависшими дождевыми облаками; в воздухе чувствовалась некоторая свежесть. Со стороны противника до рассвета тянул ровный западный ветер, к рассвету ветер усилился и постепенно менял направление на северо-западное и даже на северо-северо-западное». В канун атаки, вечером, «в немецких окопах играла музыка, пели песни». Собственно же «атака началась артиллерийским огнём противника химическими снарядами», а вскоре «был выпущен удушливый газ из окопов на фронте протяжением в 3–3,5 версты».

«Пройдя через окопы, — продолжал генерал, — первая газовая волна захватила всё местечко Сморгонь и, следуя за движением ветра и рельефом местности, направилась на восток, юго-восток и достигла станции Залесье и деревни Верхово... В дополнение к главной волне в промежуток времени до 6 ч им было выпущено ещё несколько дополнительных волн числом 5 или 6, причём начиная с третьей они были видимы и хорошо наблюдались из наших окопов... Газ выпускался из баллонов с большим шумом и клубами подымался на несколько саженей вверх, а затем постепенно опускался и, следуя направлению ветра, приближался к нашим окопам, постепенно расплываясь в ширину... Цвет газа — молочно-сероватый со слабым зеленоватым отливом; по краям газовое облако было тёмного цвета. Около 6 ч противник пытался выпустить седьмую

волну газа... Первоначальный запах газового облака был приятный: пахло яблоками, фруктами, скошенным сеном; первые вдыхания газом не производили неприятного ощущения. Приятный запах быстро, однако, сменялся резким неприятным запахом употребляемой для дезинфекции хлорной извести или запахом от зажжённой спички. В местечке Сморгони во время обстрела химическими снарядами чувствовался лёгкий запах горького миндаля; вкус газа был сладковатый, а позднее запах газа напоминал тот специфический запах, который чувствуется на кожевенных заводах».

При вдыхании газов сначала начинало щипать в горле, затем наступало удушье, а вслед за ним — мучительный спазматический кашель «с выделением сукровицы с желтоватым оттенком; в агонии появлялись зеленовато-желтоватая пена и жжение в груди, в области сердца, синюха, непроизвольное испражнение и смерть при явлениях слабости сердца». Помимо хлора, как предположил генерал, немцы могли применить и фосген: характерный и в первую минуту даже приятный запах яблок «является свойственным фосгену в малых концентрациях». Именно этот приятный запах и сыграл коварную роль: многие даже не успели понять, что это отравление. «Введённые в заблуждение приятным запахом газа, офицеры и нижние чины надели противогазы только через 7–10 мин., когда появились сильные признаки отравления». А «многие нижние чины отравились уже по приходе на отдых, вероятно, вследствие укрывания пропитанными газами шинелями».

Сильно просчиталась и войсковая разведка: «Шум, производимый вырывающимся из баллонов газом, большинством разведчиков был принят за выпуск пара из паровоза или за шум мотора. Замеченные некоторыми красные ракеты и сигналы на рожках также не привлекли к себе внимания разведчиков и секретов и были приняты ими за обычный шум на позиции противника, так что они вместе с прочими узнали о выпуске газа, только испытав на себе его действие. Надев противогазы, разведчики и секреты лишились возможности предупредить войска голосом; некоторые из них после этого бросились в окопы, но добежали до них уже после прихода газа. Секреты, видимо, растерялись, в большинстве случаев забыли о существовании сигнализации для предупреждения о приближении газов; если же в некоторых ротах подобные сигналы и были поданы, то на них не обратили должного внимания вследствие происшедшей в это время смены или же они запоздали».

ТРАГЕДИЯ ГЕНЕРАЛА САМСОНОВА

Битва за Париж в ...Восточной Пруссии

30 (17 по ст. ст.) августа 1914 года застрелился генерал от кавалерии Александр Самсонов, командующий 2-й армией Северо-Западного фронта, вместе со своей армией попавший в окружение в Восточной Пруссии. Немцы тогда насчитали 92 тысячи пленных. Смерть генерала (и его армии) описана во множестве романов, исторических опусов. Ещё бы, такая грандиозная катастрофа, гибель столь высокого военного чина... Впрочем, генералов немцы пленили немало, даже одного полного генерала – генерала от инфантерии Николая Мартоса, командира XV армейского корпуса. Всего же, по подсчётам историков Фёдора Гущина и Сергея Жебровского, в плену оказалось 18 генералов армии Самсонова, в их числе два командующих корпусами.

Состоявшееся ранее Гумбинненское сражение принесло успех русской 1-й армии генерала от кавалерии Павла фон Ренненкампа. Его армия вступила в Восточную Пруссию не полностью отоблагодариленной, а на 15-й день мобилизации (которую было запланировано провести за 36 дней). Его же встретил противник, мобилизацию уже завершивший и воевавший на своей территории, детально изученной и освоенной, опиравшийся на местное население. К тому же немцы могли использовать прекрасно развитую железнодорожную сеть, оперативно перебрасывая по ней свои части в любое место, а вот бойцы армии Ренненкампа перемещались в основном на своих двоих, отрываясь от тылов, растягивая свои линии снабжения.

Как писал военный историк Сергей Андоленко (бригадный генерал французской армии), «можно задать себе вопрос, почему, приняв на себя перед Францией обязательство атаковать немцев на 15-й день, не были приняты заблаговременно меры, чтобы закончить мобилизацию до этого срока. Это выходило из компетенции генерала. Мобилизация была делом всероссийским. Ему предписывалось атаковать «с чем Бог послал».

Это и есть ответ на вопрос, отчего такая спешка с вводом в бой русских армий – союзнические обязательства. С первого же дня войны Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич не переставал понуждал своих генералов к наступлению: как можно скорее и вне зависимости от реальной готовности, ведь любой ценой надо было спасать Францию, Париж! И вот армия Ренненкампа добыла для России первую победу, потому «Франции была дана возможность выиграть сражение на Марне, ибо германская ставка, под впечатлением поражения под Гумбиннем, ослабила свой западный фронт на три корпуса, два из коих были спешно переброшены против русских, накануне решительной битвы на Марне», – констатировал историк Андоленко.

В эйфории Ставка требовала от Ренненкампа и Самсонова развить успех, продолжая совершать подвиги ради спасения славной Франции. Высшее командование вдруг уверилось, что операция в Восточной Пруссии уже победоносно завершена и немцы драпают к Висле. Значит, надо скорее ломить вперёд, на

Генерал Самсонов оказался «беспомощным зрителем разгрома вверенной ему армии»

Берлин! Куда и планировали двинуть сосредоточенную в Варшаве 9-ю армию, а для её усиления решили забрать у 1-й и 2-й армий некоторые «ненужные» корпуса. Сам же Ренненкамф получил приказ наступать на Кёнигсберг.

Впоследствии именно это и поставят Ренненкампу в вину: наступал на запад, когда ему лучше было бы двинуть на соединение с армией Самсонова. Но у Ренненкампа был приказ, где точно было предписано направление удара, а ни один военачальник не вправе самовольно менять предписания высшего командования. Да и о реальном положении дел у его соседа стало известно лишь к 28 (15 по ст. ст.) августа. Тем временем немцы, перебросив в Восточную Пруссию части с Запада, искусно воспользовались широким разрывом между 1-й и 2-й армиями. В этот стык и ударила германская 8-я армия во главе с Паулем фон Гинденбургом, сменившим проигравшего Гумбинненское сражение генерала Максимилиана фон Притвица. Немцы ударили 26 (13 по ст. ст.) августа, а 29 (16 по ст. ст.) августа русские XIII и XV корпуса прекратили своё существование.

Основная вина за разгром 2-й армии лежит на самом генерале Самсонове: в критический момент он совершенно выпустил из рук руководство армией. Как уверял контр-адмирал Александр Бубнов, служивший в Ставке Верховного главнокомандующего, не имея практически почти никаких сведений о противнике «и расходясь во мнениях о ведении операций не только с главнокомандующим фронта, но и с собственным своим начальником штаба, он [Самсонов], когда его присутствие в штабе армии было особенно необходимо, отправился на фронт, представив начальнику штаба оперативное руководство армией». И это когда «в любой момент могли внезапно создаться такие критические положения, из коих армия могла бы быть выведена без катастрофы лишь быстро действующим и твёрдым оперативным руководством». Для чего и необходимо «постоянное, ежеминутное присутствие командующего армией в своём штабе». Но генерал Самсонов, оторвавшись от своего штаба, утратил все возможности влиять на ход операций

и оказался «беспомощным зрителем разгрома вверенной ему армии, что и привело его к трагическому решению покончить с собой». Корпуса его армии утратили связь и со штабом армии, и с соседями. «Не ведя впереди себя дальней разведки, – пишет Бубнов, – они шли вслепую, как обречённые, прямо в пасть неприятелю». Когда Ренненкамф разобрался в действительном положении дел у соседа, он тут же стал разворачивать корпус своей 1-й армии на юго-запад – для нанесения удара в помощь Самсонову, и бросил в тыл противника конницу, но было уже поздно...

Общественное мнение, подогретое намеренными утечками через газеты, требовало крови, будучи уверено, что Ренненкамф проявил преступное бездействие, в его поведении усматривали даже измену – «он же немец!» Масла в огонь щедро подливали окружение великого князя Николая Николаевича, отношения с которым у Ренненкампа были крайне натянутыми. К тому же Ставка остро нуждалась в козле отпущения, на которого можно было списать вину за поражение... По приказу императора создали особую Правительственную комиссию, расследовавшую причины катастрофы 2-й армии. Но в её выводах – ни единого упрека в адрес Ренненкампа. Тем не менее его вскоре отстранили от командования, а затем и отправили в отставку. При Временном правительстве арестовали и хотели судить. Уже после смерти генерала (в апреле 1918-го его убили большевики) оклеветали вновь: с подачи немецкого генерала Макса Гофмана был запущен миф о якобы дошедшей до рукоприкладства ссоре Самсонова и Ренненкампа ещё времён Русско-японской войны. О чём Гофман и написал в своих мемуарах: «Ага, вот почему он не оказал помощь Самсонову!» – радостно взвилась «общественность». Только это ложь: в указанное время Ренненкамф с тяжёлым ранением лежал в госпитале и ни с каким Самсоновым ссориться не мог.

Возвращаясь к той безумной гонке в Восточной Пруссии, зададимся вопросом: так ли уж она была нужна, даже и ради спасения Франции? Ведь что Россия получила взамен? «Франция позволяет России нести всё бремя войны на своих плечах» – это запись в дневнике французского посла в Петербурге Мориса Палеолога. Там же и другие интересные записи. Например, что «по культурному развитию французы и русские стоят не на одном уровне. Россия одна из самых отсталых стран в свете... Сравните с этой невежественной и бессознательной массой нашу армию: все наши солдаты с образованием; в первых рядах бьются молодые силы, проявившие себя в искусстве, в науке, люди талантливые и утончённые – это сливки и цвет человечества». Потому «с этой точки зрения наши потери чувствительнее русских потерь». Вот оно что: элита и – русское быдло? Которое сражалось и умирало за Францию?

Материалы подготовил Владимир Воронов, обозреватель «Совершенно секретно»

15 августа 1990 – в двух километрах от латвийского посёлка Кестерциемс в автокатастрофе погиб Виктор Цой, рок-музыкант и основатель группы «Кино».

16 (6 по ст. ст.) августа 1687 – в Берёзове Олонецкого уезда России более тысячи человек сожгли себя в знак протеста против перехода на трёхперстное крещение.

17 августа 2009 – на Саяно-Шушенской ГЭС произошла техногенная катастрофа – внезапное разрушение гидроагрегата № 2. Жертвами этой катастрофы стали 75 человек.

18 августа 1945 – советские войска начали Курильскую десантную операцию.

19 (6 по ст. ст.) августа 1917 – на пароходе «Русь» в Тобольск прибыла отправленная в ссылку семья бывшего императора Николая II.

20 августа 1918 – декретом Президиума ВЦИК «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» в Советской России отменено право частной собственности.

21 августа 1968 – в Чехословакию вошли советские войска, к которым затем присоединились силы ещё четырёх стран Организации Варшавского договора.

22 августа 2001 – в Самарской области 74 военнослужащих совершили побег из воинской части, протеста против невыносимых условий службы.

23 (10 по ст. ст.) августа 1917 – министр-председатель Временного правительства Александр Керенский отдал распоряжение о закрытии большевистской газеты «Рабочий и солдат», что и было сделано в ночь на 11 (24) августа.

24 августа 1927 – по решению Политбюро ЦК ВКП(б) Совнарком СССР принял постановление о лишении великого певца Фёдора Шаляпина, ставшего в 1922 году невозвращенцем, звания народного артиста республики.

25 (12 по ст. ст.) августа 1917 – началось Московское Государственное совещание.

26 августа 1919 – Ленин подписал Декрет СНК РСФСР «Об объединении театрального дела», провозгласивший национализацию театров в стране.

27 (14 по ст. ст.) августа 1917 – на Казанском пороховом заводе вспыхнул пожар, приведший к взрыву, уничтожению завода и свыше миллиона снарядов и 12 тысяч пулемётов, находившихся на складах. Погибло 13 человек и ещё 8 умерли от ран и ожогов.

28 (15 по ст. ст.) августа 1917 – в Успенском соборе Московского Кремля открылся Поместный собор Православной российской церкви, который должен был восстановить патриаршество.

29 августа 1926 – в Кронштадте после удара о пирс затонул пассажирский пароход «Буревестник», жертвами кораблекрушения официально считаются 65 человек, хотя реально погибло в несколько раз больше.

30 августа 1918 – бывший юнкер, студент Петроградского политехнического института Леонид Каннегисер застрелил председателя Петроградской ЧК Моисея Урицкого.

31 августа 1941 – выдающаяся поэтесса Марина Цветаева покончила жизнь самоубийством в Елабуге.

КАК ЭТО БЫЛО В АВГУСТЕ 1917-ГО

ИЗ ДНЕВНИКОВ ПОЭТА АЛЕКСАНДРА БЛОКА:

16 [3 по ст. ст.] августа. Происходит ужасное: смертная казнь на фронте, организация боеспособности, казаки, цензура, запрещение собраний. [...] я, как всякий, тоже игрушка истории, обыватель. Но какой полынью, болью до сладости всё это ложится на наши измученные войной души! Пылью усталости, вот этой душевной гарью тянет, голова болит, клонится. [...] А гарь такая, что, по-видимому, вокруг всего города горит торф, кусты, деревья. И никто не тушит. По-тушит дождь и зима.

19 [6 по ст. ст.] августа. ...Такие же жёлто-бурые клубы, за которыми – тление и горение (как под Парголовым и Шуваловым, отчего по ночам весь город всегда окутан гарью), стелются в миллионах душ, – пламя вражды, дикости, татарщины, злобы, унижения, забитости, недоверия, мести – то там, то здесь вспыхивает; русский большевизм гуляет, а дождя нет, и бог не посылает его!

20 [7 по ст. ст.] августа. И вот задача русской культуры – направить этот огонь на то, что нужно сжечь; буйство Стеньки и Емельки превратить в волевою музыкальную волну; поставить разрушению такие преграды, которые не ослабят напора огня, но организуют этот напор; организовать буйную волю; ленивое тление, в котором тоже таится возможность вспышки буйства, направить в распутиные углы души и там раздуть его в костёр до неба, чтобы сгорела хитрая, ленивая, рабская похоть.

26 [13 по ст. ст.] августа. Вчера на московском совещании говорили Керенский, Авксентьев, Прокопович и Некрасов. О речи Керенского, полной лирики, слёз, пафоса, – всякий может сказать: зачем ещё и ещё? Некрасов сообщил страшные цифры.

Блок А.А. *Собрание сочинений. В 8 т. Том 7. Автобиография. Дневники. М. – Л., 1963.*

ИЗ ЗАПИСОК ПИСАТЕЛЯ ИВАНА БУНИНА:

26 [13 по ст. ст.] августа. Кажется, одна из самых вредных фигур – Керенский. И направо и налево. А его произвели в герои.

И. Бунин. *Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. – М., 1990.*

ИЗ ПИСЕМ ПИСАТЕЛЯ ВЛАДИМИРА КОРОЛЕНКО:

5 августа [23 июля по ст. ст.] журналисту Сергею Протопопову. ... Загипнотизированные пошлостью расхожего «патриотизма», мы отвергли и всякий патриотизм во имя будущего единого человечества. За это приходится всей России платить... Большевизм принёс много вреда вообще, но, – что хотите, – в подкупность и шпионство вождей я не верю. Бурцев... в этом деле оскандалился... Я ждал, что Бурцев представит хоть какие-нибудь доказательства, но вместо этого он уклонился от третьей суда. Нехорошо это.

Опубликовано в журнале «Былое», 1922, № 20.

29 [16 по ст. ст.] августа, литературному критику и публицисту Аркадию Горнфельду. ... Далась она [революция] истинно по волшебству, и быстро заездил её вахлак до смерти. Большевики, большевики! Они только по-своему, по-сумасшедшему последовательны. А в сущности почти все – большевики, только без этой твёрдости лунатиков.

Письма В.Г. Короленко к А.Г. Горнфельду. – Л., 1924.

Александр Керенский – «одна из самых вредных фигур», как описал его Иван Бунин

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ПОЛКОВНИКА МИХАИЛА ДРОЗДОВСКОГО, КОМАНДИРА 60-ГО ПЕХОТНОГО ЗАМОСЦКОГО ПОЛКА, РУМЫНСКИЙ ФРОНТ:

23 [10 по ст. ст.] августа. Вследствие громадного превосходства сил мы имели успех, невзирая на то, что большая часть солдат была непригодна к бою. Мой полк взял даже 10 орудий. 30–31 июля и 1–2 августа (по ст. ст. – Ред.) снова были тяжёлые бои; наступали немцы, в незначительных, меньших силах, больше артиллерией, чем штыками. Но деморализованная, развращённая, трусливая масса почти не поддавалась управлению и при малейшей возможности покидала окопы, даже не видя противника: от каких-нибудь нескольких снарядов или только в ожидании неприятельской атаки. ...Уже 1 августа разразился скандал, – поголовное бегство полка, целые вереницы беглых тянулись мимо штаба. Тогда я послал весь мой резерв, мою лучшую часть останавливать этих беглецов. Ни о каком управлении боем не могло быть и речи среди заборов, домов и виноградников. Много раненых офицеров и солдат было брошено этими мерзавцами на позиции. Увидя эту катастрофу, я решил покончить со свободами и приказал бить и стрелять беглецов. Этими крайними мерами, широким применением палок и оружия удалось восстановить кое-какой порядок и, пользуясь ночью, остановиться на новой позиции. На другой день сразу же были приняты меры, самые крутые, офицеры наблюдали за цепями, всё время с револьверами в руках, позади я расставил разведчиков, и всякая попытка к бегству встречалась огнём. Благодаря этому позиция

была удержана, и противник, поплатившись, больше не дерзал на новую атаку. Сейчас чиню суд и расправу, авось приведу их в порядок; они уже начинают чувствовать моё давление. Конечно, может и сорваться.

Дроздовский М.Г. *Дневник. – Берлин, 1923.*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА АЛЕКСАНДРА ЛУКОМСКОГО:

19 [6 по ст. ст.] или 20 [7 по ст. ст.] августа. Если не ошибаюсь, 6/19 или 7/20 августа генерал-квартирмейстер, генерал Романовский, доложил мне, что генерал Корнилов просит меня отдать распоряжение о сосредоточении в районе Невель – Н. Сокольники – Великие Луки 3-го конного корпуса с туземной дивизией (кавалерийской). ...Мне всё это показалось несколько странным; странно, почему это приказание было отдано не непосредственно мне, а через генерал-квартирмейстера; непонятно было, почему выбран указанный район сосредоточения. ...Я пошёл к генералу Корнилову...

– Я, конечно, сейчас же отдал необходимые распоряжения, но у меня получается, Лавр Георгиевич, впечатление, что Вы что-то не договариваете. Выбранный Вами район сосредоточения конницы очень хорош на случай, если б её надо было бросить на Петроград или на Москву; но, на мой взгляд, он менее удачен, если идёт речь лишь об усилении Северного фронта. ...Генерал Корнилов несколько секунд подумал и затем ответил: «Вы правы. У меня есть некоторые соображения, относительно которых я с

Вами ещё не говорил. Прошу Вас сейчас же отдать распоряжение о перемещении конницы, и срочно вызовите сюда командира 3-го конного корпуса генерала Крымова; а мы с Вами подробно переговорим после моего возвращения из Петрограда».

...Для охраны [Корнилов] взял эскадрон Текинского полка с пулемётами. По приезде в Петроград он поехал в Зимний дворец в сопровождении текинцев с двумя пулемётами; эти пулемёты после входа генерала Корнилова во дворец были сняты с автомобиля, и текинцы дежурили у подъезда дворца, чтобы в случае надобности прийти на помощь к Главнокомандующему.

22 [9 по ст. ст.] августа. После отъезда генерала Корнилова в Петроград, от имени Керенского была получена телеграмма, что генерала Корнилова Временное правительство просит не приезжать; если же он всё-таки поедет, то Временное правительство снимает с себя всякую ответственность за то, что может произойти.

24 [11 по ст. ст.] августа. Генерал Корнилов вернулся из Петрограда. Он возмущённо стал мне рассказывать, что поездка была напрасна; что Керенский его водил за нос, явно не желая выполнить своё обещание и провести в жизнь его требования. ...После этого генерал Корнилов вернулся к разговору, бывшему у меня с ним до его поездки в Петроград.

– Как Вам известно, все донесения нашей контрразведки сходятся на том, что новое выступление большевиков произойдёт в Петрограде в конце этого месяца; указывают на 28–29 августа/10–11 сентября. Германии необходимо заключить с Россией сепаратный мир и свои армии, находящиеся на нашем фронте, бросить против французов и англичан. Германские агенты – большевики, как присланные немцами в заплombированных вагонах, так и местные, на этот раз примут все меры, чтобы произвести переворот и захватить власть в свои руки... Я убеждён, что слизняки, сидящие в составе Временного правительства, будут сметены. ...Пора с этим покончить. Пора немецких ставленников и шпионов, во главе с Лениным, повесить, а Совет рабочих и солдатских депутатов разогнать, да разогнать так, чтобы он нигде и не собрался. Вы правы. Конный корпус я передвигаю, главным образом для того, чтобы к концу августа его подтянуть к Петрограду и, если выступление большевиков состоится, то расправиться с предателями родины как следует. Руководство этой операцией я хочу поручить генералу Крымову. Я убеждён, что он не задумается, в случае если это понадобится, перевешать весь состав Совета рабочих и солдатских депутатов. Против Временного правительства я не собираюсь выступать. Я надеюсь, что мне, в последнюю минуту, удастся с ним договориться. Но вперёд ничего никому говорить нельзя, так как г.г. Керенские, а тем более Черновы на всё это не согласятся и операцию сорвут. Если же мне не удалось бы договориться с Керенским и Савинковым, то возможно, что придётся ударить по большевикам и без их согласия. ...Я лично ничего не ищу и не хочу. Я хочу только спасти Россию и буду беспрекословно подчиняться Временному правительству, очищенному и укрепившемуся.

Лукомский А.С. *Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Том 1. – Берлин, 1922.*

Подготовил
Владимир Воронов

«ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Любимые персонажи Евгения Лукина – существа «негероические», совсем негодные для сколько-нибудь активного действия. Автор бросает их в стремнину напряжённого сюжета и наблюдает, как они там барахтаются. Недотёпам, лоботрясам и кухонным философам приходится учиться плавать. Это, в общем, классический метод фантастики – заставить человека показать, что в нём есть человеческого. Иначе утонет.

Отдельная линия, с которой Лукин работает давно и ув-

лечённо, – герой, очевидно, неглупый, но излишне рефлексивный, чтобы свой ум, как нынче говорят, «монетизировать». Получается типичный «лишний человек» русской литературы, да ещё в типичном же обличье провинциального интеллигента. Естественно, такие герои пытаются выстроить психологическую защиту, отгородиться от мира, которому, очевидно, чужды. Начиная с романа «Зона справедливости» (1998), где Алексея Колодникова защищала броня остроумия и злой иронии, через повесть «С нами бот»

(2008), где интровертный Леня Сиротин старается жить так, чтобы и следа от него не осталось, эта линия вышла к рассказу «Великая депрессия», где она достигает, извините за выражение, апогея и апофеоза.

Имеет ли право на существование герой – продуманный, убеждённый, системный мизантроп? Может он быть интересен и даже симпатичен? Вызовет ли сочувствие, и если да, то почему? Сейчас узнаем.

Олег Дивов, писатель, редактор-составитель Библиотеки современной фантастики для газеты «Совершенно секретно»

Евгений
ЛУКИН

Специально
для «Совершенно секретно»

Ну ладно – мы рождаемся,
Переживаем. Старимся,
Увидимся – расстанемся...
Зачем?
Роберт Рождественский

Проснулся я вовсе не от пушечного выстрела – выстрел раздался позже. А проснулся я от страха. Остаток жизни представлялся таким крохотным, что его даже не на что было потратить. Ясная, беспощадная, словно вслух произнесённая мысль: вот и кончилось краткое твоё бессмертие... Словно вошли в одиночку, тронули тебя спящего за плечо и равнодушно сказали: «Вставай. Пора. Там уже ждут».

И тоска, тоска... Боже, какая тоска! Нет, конечно, утренние приступы мерихлюндии случались со мной и раньше, но чтобы так... Это было как мигрень. Как зубная боль. Постанывая, хватаясь за стены, я доплёлся до ванной и сунул башку под холодную струю. Не сразу, но помогло. Чуть-чуть.

И тут – выстрел. Возможно, из квартиры сверху.

Выключил воду, замер, прислушался. То ли рыдали где-то, то ли заходились истерическим смехом. Как был, босиком, в трусах, выбрался на балкон. Выглянул за перила – и обмер. Внизу на асфальте лежали два тела: одно – неподвижное, другое, к ужасу моему, попыталось приподнять голову – и обмякло вновь.

Двойное самоубийство? Да, но почему они так далеко друг от друга? Из разных квартир выпали? Одновременно?..

Происходящее воспринималось с трудом. Самому было плохо. Очень плохо. Подумал, что надо бы вызвать скорую, однако пальцы, впившиеся в перила балкона, никак не могли разжаться. «Да бог с ними, вызовут и без меня, – решил я наконец. – Наверняка, уже трезвонят во всю...»

И тут лежащий пошевелился снова.

Я заставил себя оторваться от перил, поковылял за телефоном. Нашёл. Кое-как набрал номер. Тишина, потом короткие гудки. Всё правильно – линия перегружена. Звонят...

Уважаемый читатель! Вас не тянет из окошка

Брякнуть вниз о мостовую одичалой голубой?

Не в силах избавиться от этих кувыркающихся в мозгу строк Саши Чёрного, с грехом пополам оделся и, прихватив телефон, выпал на лестничную площадку. Квартиру оставил открытой, не смог поспать ключом в прорезь замка.

Пока спускался в лифте, успел ещё два раза вызвать скорую. Короткие гудки. Одни короткие гудки.

«Да ёлки-палки... – в бессильной злобе подумал я. – Мало мне придуманных бед, а тут ещё и настоящие...»

Отжал плечом тугую железную дверь подъезда, протиснулся наружу, остол-

белел. Двор был безлюден. Два распротёртых тела – и никого.

С опаской приблизился к тому, что приподнимал тогда голову. Не знаю, кто такой. Ни разу его у нас не видел. Молодой, стриженный наголо парень, крови мало, но как-то странно подвёрнута нога – должно быть, вывих или перелом с подвывихом, веки ещё подёргиваются.

И ни зевая, ни дворников, ни скорой...

– Кто-нибудь!.. – ору я что было сил.

Словно в ответ на мой вопль, стекло в одном из окон пятого этажа расплёскивается осколками – и на тротуар падает третий. Мокрый хрусткий удар. Бросаюсь туда. Поздно. Черепом приложился.

Да что же это происходит?!

А ведь был ещё выстрел... Внезапно ко мне возвращается слух. Кричат. Кричат отовсюду. Кажется, будто голосит весь дом. Плач и скрежет зубовой. Потом откуда-то издали – визг покрышек и страшный скрипящий удар.

Запинающимся шагом, заранее ужасаясь тому, что я сейчас увижу, пересекаю двор и, обогнув торец дома, выбираюсь на улицу. Брошенные машины стоят как попало. Одна заехала колесом на тротуар, другая и вовсе выскочила на встречную полосу, третья лежит вверх колёсами... Где же та, что сейчас разбилась? Ах, вон она где... на перекрёстке...

В следующее мгновение меня осеняет, а самое поразительное: осеняет-то почти правильно! Химическое оружие. Или утечка какого-нибудь газа, вызывающего депрессию. Таковую депрессию, что люди не выдерживают, сходят с ума, пытаются покончить с собой. Если уж меня, привычного к хандре, так накрыло, то каково же остальным?..

Здравствуй, младенец. Добро пожаловать в нашу камеру смертников. Не пугайся, тут не так уж и плохо, особенно поначалу. Камера просторна, в ней есть города, роцци, автомобили, зарубежные страны, молоденькие симпатичные смертницы – всё то, короче, что по справедливости положено узникам перед казнью. Когда она произойдёт, неизвестно. Но тем-то и хорош неопределённый промежуток времени, что слегка напоминает вечность.

Приговор тебе объявят не раньше, чем научат говорить, а иначе и объявлять нет смысла. Узнав, что тебя ждёт, ты будешь кричать ночами, пугая родителей, будешь просыпаться в слезах. Потом, глядя

на спокойствие других, тоже успокоишься и затаишь надежду на помилование, которого, конечно же, не случится.

Не горюй. В камере есть чем заняться. Неравенство – лучшая из наших выдумок. Не говоря уже о том, что ожидать казни гораздо удобнее на нарах, нежели под нарами – борясь за лучшую участь, невольно увлекаешься и забываешь о том, кто ты на самом деле такой и куда попал.

Если же, несмотря на все старания, забыть об этом не удастся, поговори со смертниками помудрее, поопытнее – и ты поразишься, какой вокруг собрался изобретательный народ. Одни объяснят, что думать надлежит не о собственной смерти, но о бессмертии камеры, где ты родился; другие растолкуют, что коль скоро есть тюрьма, то в ней должен незримо присутствовать и тюремщик. Собственно, не тюремщик (поправятся они) – благодетель, ибо на самом деле вовсе не казнить он нас, а, напротив, освобождает из застенка, построенного им самим, хотя и по нашей вине. И не надо спрашивать, по какой именно. Ты с детства привык стоять в углу, не понимая причин. Поставили – значит, заслужил.

О том, что ждёт тебя за стенами камеры, когда отбудешь срок, допытываться также бесполезно. Всё равно никто ничего в точности сказать не сможет. Говорят, там, снаружи, хорошо. Блаженство и всё такое. А коли так, то впору ликовать, гражданин осуждённый, – ты-то думал, казнь, а оказывается, амнистия! Не для всех, разумеется, – только для тех, кто соблюдал режим и сотрудничал с администрацией...

– Прелесть, правда? – призвал к ответу умильный женский голос.

Зрочки мои подобрались, перед глазами вновь возник сотовый телефон, удерживаемый алыми ноготками. На экранчике дошевевелился новорождённый. Дошевевелился. Замер. В центре застывшей картинке обозначился треугольничек, коснувшись которого можно снова её оживить.

– Да, – сказал я. – Прелесть.

Она вспыхнула.

– Да что ж ты за человек такой?!

– Какой?

– Тебя что, вообще ничего не радует?

– Радует...

– Радует?! В зеркало поди посмотришь!

Зеркал поблизости нет. Есть витрина. Тому, что я в ней вижу, радоваться и впрямь не стоит. Вот он, итог полувека: облезлый кумпол, морщинистая мор-

день. Этакая безжизненная планета, изрубленная ущельями и трещинами. Интересно, как насчёт раскалённого ядра: теплится там что-нибудь внутри или выстыло уже до самой середины?

Что делать, против часовой стрелки не погрёшь! Жизнь – как папироска перед расстрелом: укорачивается и укорачивается. Хотелось бы знать, сколько ещё до исполнения приговора... А, нет, не хотелось бы! Решительно не хотелось бы.

– Ты же не живёшь! Ты всё время думаешь!

На это, как всегда, трудно что-либо возразить.

– Знаешь, о чём ты сейчас думал? Когда на него глядел!

– О чём?

– Вот вырастет он, станет взрослым, со старится... Так?

– Н-ну... не совсем так, но...

– От тебя же негативом шибает, как переговаром!

Виноватого развожу руки.

– Ты же дышишь на всех! Ты всех заражаешь своим... – у неё не хватает слов.

Так... Руки я уже развёл. Что бы мне ещё такого сделать?

– Слушай, – зловеще-вкрадчиво говорит она. – А ты повеситься ни разу не пробовал? Как этот твой... Как его? Димка?..

– Ни разу...

– Да неужели? Смотри на меня!

Смотрю. Тоже, знаете, не слишком-то отрадное зрелище.

– Всё-таки как я вовремя с тобой развелась!

Вне себя поворачивается и уходит. Уходит, не зная, что срок исполнения приговора будет нам оглашён не далее как завтра. Да я и сам об этом ещё не знаю.

Ничего не изменилось. Почти год живём врозь, а кажется, будто расстались от силы пару дней назад. Ну вот зачем, скажите, назначила она мне встречу на перекрёстке? Только чтобы показать внука-племянника?

Похоже, разведка. Решила удостовериться, сильно ли я без неё несчастлив. Видит: не сильно. Обиделась... Бедняжка! Конечно, развод был неминуем. Поди поживи с неисправимым мизантропом, да ещё и склонным к праздномыслию вслух... Ох, и влетало мне за это!

– Нет, гляньте! Опять физия унылая!.. Знаешь, почему ты такой? Потому что во всём сомневаешься...

«Какой-то поток частиц из космоса то ли естественного происхождения, то ли искусственного. Но результат тот же – чудовищная, невыносимая депрессия»

► Любимое женское занятие – менять местами причину и следствие. Да, сомневаюсь. Но именно от уныния. Ей-богу! Настолько всё вокруг бессмысленно, что усомнишься в чём-нибудь – и тут же повеселеешь.

Словом, пары гнедых из нас так и не вышло: конь в пальто и трепетная лань! Ладно бы ещё по молодости лет сошлись, а то ведь у каждого в резюме по неудавшемуся браку, дети взрослые... У меня хоть оправдание: руки у неё были соблазнительные. Хотя почему были? Наверняка и сейчас такие – бесстыдно обнажённые до плеч, просто под плащом не видать.

Не устоял, короче. И сразу же, кстати, был разочарован: раздеваешь её, а она становится всё менее и менее сексуальной...

Надо же! Заражаю! Да если хотите знать, к окружающим у меня отношение самое бережное. Нет, не ко всем, конечно, – только к тем, кто и сам задумался. А не-утомимые борцы с негативом – чего их беречь? Они и так неуязвимы. В любую дурь поверят, даже в мировую гармонию, лишь бы на душе спокойно стало.

Один мой хороший знакомый... Ну не то чтобы хороший... Так себе знакомый. Полковник в отставке. Ударился в религию, воцерковился, крест на шею повесил, проповедовать начал за рюмкой. Поразил меня фразой «Бог создан для того, чтобы нас прощать». Прелесть что за верующий.

И что-то я ему такое ввернул простенькое – вроде бы спросил, как совместить заповедь «Не убий» с защитой Родины. Смотрю, а у сокамерника моего в глазах ужас. «Слышь! – говорит. – Ты это брось! А то мы сейчас с тобой в такие дебри залезем, что и не выберемся...»

Милый! Да я в этих дебрях всю жизнь обитаю – и ничего, временами даже неплохо себя чувствую.

– Ты с такими мыслями завязывай! Так и помереть можно...
– А как нельзя?

Иное дело – Димка. Димку жалко. Жалко до невозможности.

Дачи. Лето. Пыль. Сижу в одиночестве под навесом возле магазинчика, пиво пью. В глубине улочки возникает цветное пятнышко – этакая кривляющаяся клякса. Болтается сразу во все стороны, иногда кажется: вот-вот порвётся надвое, а то и натрое.

«Димка», – думаю с невольной ухмылкой.

Всё верно, он. Столь расхлябанной походки в округе нет ни у кого. Долговязый разочарованный шалопаи. Женат, живёт в посёлке, состоит в подручных у здешнего каменщика, дачи строит, заборы.

Достигши столиков, присаживается напротив, здороваются со вздохом.

– Зря я от армии закосил, – признаётся он, помолчав. – Ребята вон из горячих точек вернулись, а мне и рассказать нечего...

– Нашёл о чём горевать! Они там такого насмотрелись, что и сами рады забыть, да не могут.

Горестно обдумывает услышанное, потом встаёт и скрывается в дверях магазинчика. Возвращается с неизменным своим фанфуриком. Запоев у Димки не бывает, хотя и трезвым его не встретишь – вечно он... Чуть не ляпнул «навеселе». Но такое состояние Димке не свойственно.

– Зачем вообще живу? – вопрошает он с тоской.

– С ума сошёл?

Не понял. Заморгал.

– Чё это?

– То это! Чтобы такие вопросы себе задавать, привычка нужна. А у тебя её нет. Слишком всё близко к сердцу принимаешь... Вон на Рому посмотри!

– На какого?

– Ну, дача у него... за колодцем...

– А... Это который лыбится всю дорогу?

– Во-во! Он самый. А знаешь почему?

Инфаркт у него был – полтора года назад. Такой инфаркт, что не выкарабкаешься. А он выкарабкался. С тех пор и лыбится... Это, я понимаю, мудрец! Остальные прикидывают, сколько им лет осталось, а он

время наоборот отсчитывает – от той своей смерти, от несостоявшейся: оп-па!.. ещё один день прошёл... ещё один... А я всё жив!.. Понял, как надо?

Димка озадаченно скребёт макушку и уходит за вторым фанфуриком.

Потом он повесился. На ручке двери. Сидя. Поговаривали, что пьяный был, что жена достала, что в роду у него это уже не первое самоубийство... Много чего поговаривали. Но я-то знал, что главная причина не в том. Старался ему помочь – не вышло... А она говорит: заражаю...

Чеканным разгневанным шагом моя сокамерница удаляется в сторону подземного перехода. Вспомнила о сотике, бросила в сумку, снизошла по ступеням, исчезла. Погрузилась в недра земные.

И ведь каждый заведомо ходит под приговором, вынесенным ещё с момента зачатия. И точно об этом знает! Казалось бы, как тут стать оптимистом? Ухитряются! Самое простое – убедить себя, что бессмертен. Причём ни одна зараза не задаст себе вопрос: а достоин ли я бессмертия?

Хорошо, достоин. Однако сомнения-то копошатся. Тогда что? Тогда обо всём забыть, хотя бы на время. Лучшее средство – работа. Любые сомнения вышибет из башки на раз. А вот на досуге, пожалуй, никуда и не денешься. Забавно, право! Пашут, капиталы сколачивают – и в итоге получают возможность вспомнить всё, о чём пытались забыть.

Смертельное время досуга... Вот почему им позарез надо развлекаться. Ежеминутно, любой ценой...

Милая моя смертница! Сколько сил на меня потратила – и всё впустую. По корпоративам своим таскала, по юморинам... Вот где страх-то! Зал – битком, и всяк изготовился заржать. Комик только рот открыл, ничего ещё не сказал – уже гогочут. Хотя... Билеты-то дорогие: купил – гогочи. А то, выходит, зря покупал...

Поделился я с ней этим своим соображением – взбесилась.

– Пошёл вон... –

шипит. – Ещё и здесь настроение портить будет...

Встал, ушёл из зала. Почему нет, если приказано?

Пожалуй, единственное, на что она так и не отважилась, – это показать меня психиатру. Хотя грозила...

От здания к зданию протянут канат. На канате – плакат. На плакате визжит от счастья молодая пара. Что-то, видать, приобрели.

Чуть подальше – ещё один. На нём некто с проседью показывает в восторге проходим упаковку таблеток от мужского бессилия. Ну правильно. Раньше у нас в России было две проблемы: перхоть и карьерес, теперь – импотенция и педофилия. Блаженная страна.

Гляжу – и мысли мои обретают предельно циничный характер. А ведь сокамерница удаляется в сторону подземного перехода. Вспомнила о сотике, бросила в сумку, снизошла по ступеням, исчезла. Погрузилась в недра земные.

И ведь каждый заведомо ходит под приговором, вынесенным ещё с момента зачатия. И точно об этом знает! Казалось бы, как тут стать оптимистом? Ухитряются! Самое простое – убедить себя, что бессмертен. Причём ни одна зараза не задаст себе вопрос: а достоин ли я бессмертия?

Хорошо, достоин. Однако сомнения-то копошатся. Тогда что? Тогда обо всём забыть, хотя бы на время. Лучшее средство – работа. Любые сомнения вышибет из башки на раз. А вот на досуге, пожалуй, никуда и не денешься. Забавно, право! Пашут, капиталы сколачивают – и в итоге получают возможность вспомнить всё, о чём пытались забыть.

Смертельное время досуга... Вот почему им позарез надо развлекаться. Ежеминутно, любой ценой...

ленький мир». Поднимаю глаза – там указатель: «Этичный магазин здорового питания». Не иначе для вегетарианцев...

Ну и как тут не задуматься?

Ладно, допустим, убедят они род людской перейти на травоядный образ жизни. И что станет со стадами крупного рогатого скота? А коровушек-то на Земле 1,5 миллиарда. Больше, чем население Китая. Хорошо, вычтем молочные породы. А остальные? Куда их деть? Предоставить самим себе, то бишь выпустить на природу – волки зарежут, медведи задерут. В лучшем случае. А в худшем – превратится наш телёночек из домашнего животного в сельскохозяйственного вредителя, пожирателя и вытапывателя посевов. Стало быть, придётся отстреливать...

Нет-нет, что это я?! Отстреливать – неэтично! Конечно же, поступим гуманнее. Пусть коровки спокойно дощипывают травку на прежних пастбищах. А чтобы не размножались, стерилизуем... И в итоге выморим целый вид...

Милые мои коровки, поймите простую вещь: с вами церемонятся лишь до тех пор, пока вас едят.

Да и с нами тоже... Мы ведь, в отличие от вас, взаимоядные.

Из внутреннего кармана куртки раздаются первые такты Шопена. Проходящая старушка смотрит испуганно и на всякий случай обходит меня стороной. Извлекаю телефон, гляжу, кто. Неужто опять она? Нет, не она. Звонит мой закадычный друг Анатолий Сумароков. По профессии он... Ну кем ещё может быть по профессии мой закадычный друг? Разумеется, патологоанатом.

– Пьёшь небось? – с мрачной завистью осведомляется он.

– Нет.

– Почему?

– Не с кем. И повода нет.

– Сейчас будет, – ещё мрачнее обещает мой друг Анатолий.

Познакомились мы с ним года полтора назад под тем самым навесом, что возле дачного магазинчика. Крупный дебелый блондин. В трезвом виде неизменно угрюм. После первых двухсот граммов оживает: выпарашивает глаза, успевшие стать из серых голубыми, делается говорлив, сильные чувства (изумление, например) выражает хриплым троглодитским «ы-ы!..», причём производит его не на выдохе, а на вдохе.

– В драке мне... (ы-ы!..) нос однажды сломали... Пришёл домой, лёг, а он – хруп! – и набок... Поправлю, лягу опять на спину, а он... (ы-ы!..) – хруп! – и набок... Проворочался так до утра, а утром – куда? (радостно тарачит глаза) В морг! Там все свои...

И чем страшнее история, тем веселее он её рассказывает.

Пьёт, конечно, многовато. Главное – не пробовать за ним угнаться. Да я и не пробую. С некоторых пор.

Что у нас с ним общего? Да, пожалуй, то, что мы, в отличие от воцерквлённого отставника-полковника, не боимся залезать в такие дебри, откуда и не выбежешь... Оба помним, куда попали и кто такие. Ну вот и устраиваемся, как можем...

В городе у нас насиженное место – стекляшка у фонтана. Туда я сейчас и направляюсь. Не знаю, почему, но после встречи с бывшей супругой настроение у меня препоганое. Вроде ничего такого из ряда вон выходящего сказано не было, а вот поди ж ты.

Восхожу на эстакаду. Передо мной черед плакатов, и на каждом кто-нибудь ликует. Подо мной (справа, за парапетом) вяло шевелится автомобильная пробка. Глянцевые иномарки напоминают сверху огромных тараканов: чёрные, рыжие, белые (не иначе мутанты). Дихлофосом бы их... Прикидывая размеры баллончика. Где-то с водонапорку. Ох, и засуетятся, наверное, если брызнуть...

А на даче тараканы не живут. Потому что за зиму вымерзают. Кстати, смотрел вчера по телевизору, что будет с Землёй через миллиард лет. Долго смеялся...

И представляется мне вдруг великое оледенение планеты: тундра на экваторе, надвинувшиеся с полюсов снежные шапки, вросшие в лёд хитиновые скорлупки иномарок. Что, интересно, станет с людьми? Вымрут? Нет, пожалуй, не все. Мы, горожане, конечно, вымерзнем, негры там и прочие теплолюбивые – тоже... А вот чукчи выживут. Чукчи, эвенки, алеуты... Потому что морозоустойчивые. Откочуют в экваториальную тундростепь, размножатся и будут себе ждть припеваючи. Так что не стоит их поголовно цивилизовывать – пригодятся ещё...

Увлечённый апокалиптической картиной, иду и даже не подозреваю, что видение-то моё пророческое и что сбудется оно уже завтра. Нет, речь, разумеется, не об оледенении – беда придёт такая, какой не ждали, а вот насчёт уязвимости

патологоанатом, а нарывучий – сил нет. Рассказывает:

– Возвращался ночью. Подкрались сзади – и тресь по балде! В отместку, понял? Кожу на затылке рассекли... Хорошо, дома специалист: жена – гинеколог! Зашила...

Слава богу, никто к нам сегодня не подсаживается.

Странные дела творятся в нашей камере смертников: оптимисты – обидчивы, а пессимистам всё по барабану. По-моему, мы с Толиком ещё ни разу не поссорились. Ну скажет порой гадость – и что с того? Если правду сказал, чего дуться? А если соврал, тем более не на что...

Не помню, где, но прочёл я однажды, что, когда ребёнку сняты кошмары, надо попросить малыша нарисовать ночное чудовище, а потом добавить ему рожки, очки, усики... И страшное становится смешным. Нормальные граждане обычно поступают так с портретами политических лидеров. А мы вот – со всем мирозданием сразу.

Ну правильно. Раньше у нас в России было две проблемы: перхоть и кариес, теперь – импотенция и педофилия

рода людского – очень похоже, очень... Как в воду глядел.

Вот и родная стекляшка. У дверей сидит и смотрит на меня уличная собачонка с шевелюрой, как у философа Шопенгауэра. Дать мне ей нечего. Вхожу – и первое, что слышу из угла: хрипкое восторженное «ы-ы!..», произнесённое не на выдохе, а на вдохе.

– Пешком, что ли, шёл? Я его тут сижу жду, ни капли ещё не принял...

Врёт нагло! Раз «ы-ы!..» – значит, успел.

– Мне за тебя стыдно! Как ты пьёшь?

– Гомеопатически.

Да. Вот в этом пункте жизненной философии мы с Анатолием решительно расходимся. Он глушит водку залпом, я же употребляю её аптекарскими дозами. Что-то вроде наглядного доказательства апории Зенона. Сперва Ахиллес отпивает половину стопки. Затем – четвертушку. Затем – одну восьмую. Затем – одну шестнадцатую. Из чего следует логически неопровержимый вывод: стопку Ахиллес никогда не допьёт.

– Гомеопатия – продажная девка империализма! – оглашает Толик на всё кафе. – Её лженаукой признали!

– Кто?

– Академики! Не слышал, что ли?

– И похмеляться запретили?

– Это почему?

– Ну вот! А ещё врач! Основной принцип гомеопатии – лечи подобное подобным.

Немногочисленные завсегдаитаи стекляшки прислушиваются с ухмылками. К нам здесь давно привыкли. Странно, ей-богу. По отдельности каждый из нас – мрачная неразговорчивая личность, а сойдёмся за бутылкой – можем и балагурами прослыть.

Юмор у нас, правда, черноват, но это естественно, так что оптимистам к нам лучше не подсаживаться. Очень уж они хвалить себя любят, а за нашим столиком этот номер не пройдёт.

Происходит всё примерно так:

– Знаешь, что я в себе главное ценю? – грозно вопрошает третий лишний. – То, что я – честный человек!

Не люблю пьяных склок, поэтому сижу молчу. Но Толика-то не удержишь. Производит свой хриплый вдох, радостно выпарашивает успевшие поглотить глаза.

– Ты – честный? Да честные все удавились давно!

Дальше, понятное дело, обида, выяснение отношений, опасная жестикуляция. Поражаюсь я Толику. Взрослый дядя,

Нельзя ни к чему всерьёз относиться. А иначе будет как с Димкой. Ох, Димка, Димка...

– Димку помнишь?

Хриплое «ы-ы!..» на этот раз звучит возмущённо.

– Это который у меня на даче фидер украл?

– Ну да...

– Так он же повесился!

– Да знаю... Слушай, а он у тебя не выпытывал, зачем живём?

– Ещё как!

– И что ты ему ответил?

– Говорю: сегодня у меня выходной, а завтра приходи в морг – покажу...

Беседуем в том же духе до вечера. Вполне удовлетворённые общением, встаём и нетвёрдой поступью следуем к дверям, понятия не имея о том, что нас ждёт утром. Уходя, прихватывая огрызок сардельки – для собачки, похожей на Шопенгауэра, но той уже нет.

Не знаю, кто нас и чем долбанул. И никто не знает. Поначалу, конечно, грешили на Америку, на Китай, те тоже – друг на друга и на всех прочих за компанию, каким-то чудом по красным кнопкам не ударили. Любопытно, что меньше всего пострадало население горячих точек. Хотя, в общем-то, понятно: люди там привычные, закалённые, не то что мы.

Разумеется, не было ни утетки, ни химической атаки. Какой-то, говорят, поток частиц из космоса то ли естественного происхождения, то ли искусственного. Но результат тот же – депрессия. Чудовищная, невыносимая депрессия. Кстати, идея насчёт искусственного происхождения потока мне кажется более правдоподобной: облучали нас, как выяснилось, в течение суток, то есть точно рассчитали время, за которое планета совершит полный оборот. Какая ж тут, к чёрту, случайность?

Но всё это нам сообщили позже. А тогда...

Со страхом вбираю ноздрями воздух. Вроде обычный, никаких незнакомых запахов...

Получается, что вчера днём, идя по эстакаде и размышляя о глобальном оледенении, я нечаянно попал в точку. Случись оно – выжили бы одни чукчи и алеуты. А после такой утетки (я всё ещё полагаю, что где-то произошла утетка), похоже, выживут лишь чёрные меланхолики. Вроде меня...

Стою и одичало озираюсь. Широкое асфальтовое полотно усеяно хитиновыми трупами иномарок. Отсуетились. Слово из баллончика на них брызнули. А где водители? Разбежались?

Эх вы... Оптимисты вы, оптимисты! Визжали от счастья, гнали мрачные мысли, задуматься боялись, на юморины ходили, в восторге от самих себя селфи делали... Как вас теперь спасать? И кому?

Неужто мне? Да вы с ума сошли!

Страх сменяется отчаянием. Что я могу?! И если бы даже мог! Всех не спасёшь, это ясно! Разве что самых близких...

И я вижу вдруг, словно воочию, как милая моя смертница соблазнительными своими руками, всхлипывая, связывает себе петлю и прикрепляет её к дверной ручке...

Срываюсь с места и шатко бегу к перекрёстку. К тому самому перекрёстку, на котором она вчера назначала встречу. Пробегаю мимо врезавшейся в парапет машины. Водитель уткнулся в руль головой. Не до него мне... Пытаюсь набрать

номер – не получается. Приходится остановиться.

Длинные гудки. Бесконечные длинные гудки.

Неужели...

Ужаснуться не успеваю. Гудки обрываются, в динамике – сдавленные рыдания.

– Валька!.. – кричу я. – Валька, ты?!

– Я-а...

– Валька! Не смей ничего делать! Жди меня! Я сейчас буду! Ты меня слышишь?

– Слы-шу...

– Валька, я тебя люблю! Люблю тебя, дура! Повтори!

– Лю... люблю-у... – стонуще повторяет она.

– Всё будет хорошо, слышишь? Сиди и жди меня!

До её дома – полквартила. Снова перехожу на бег, врываюсь во двор. Там тоже кто-то лежит на асфальте под разбитым окном.

– Помоги-ите... – блажит сверху какая-то старушенция.

Не взглянув, бегу к подъезду. Набираю на домофоне номер квартиры, и в этот момент сотик в моей левой руке разражается первыми тактами Шопена. Идиот! Угораздило же меня установить такой сигнал...

Не сразу, однако, открыла. Господи, лишь бы лифт работал... Всё-таки девятый этаж! Слава богу, работает! Вваливаюсь в кабину, жму верхнюю кнопку и лишь после этого глушу похоронный марш.

– Да!!!

– Жив, зараза? – слышу я исполненный мрачного удивления голос.

– Толик?! Ты где?

– На скорой...

– Почему на скорой? Ты же вроде...

– Да не до мёртвых уже!.. – с досадой перебивает он. – Живым бы помочь... – и вопит на кого-то: – Заноси давай!..

Сейчас отключится.

– Толик! Толик, не отрубайся! Вальке плохо! Я сейчас к ней еду. Скажи, что делать!

– Успокоительного дай, снотворного...

Лифт останавливается. Вылетаю на площадку.

– Погоди, не отрубайся!

– Да я и не собираюсь... Ты как там?

– Хреново!

– Но дееспособен хотя бы?

– Да!

– Слушай, как убаюкаешь её – дай знать! Подъедем, подхватим... Каждый человек на счету! – в трубке раздаётся угрюмый циничный смешок. – Кому-то ж надо выручать этих... радостных...

ОБ АВТОРЕ:

Эрве Эрню
(Hervé Hernu)
– французский
автор,
обожающий
детективы.

Свою первую книгу он написал в 2007 году. Кроме того, он профессионально занимается танцами, увлекается видеосъёмкой и американским кино.

Эрве ЭРНЮ

НАБЛЮДАТЕЛЬ

Опустилась ночь, со всех сторон охватив город своими глубокими тенями, и сверху засияла звёздным небом. Полная луна выглядывала из казавшихся взволнованными чёрных разодранных облаков. Он был в своей комнате один. В доме уже спали, а он сидел и наслаждался ночью. Что за небо! Какой аромат в воздухе! В такие ночи одному быть – и сладко, и тяжело, а отсутствие кого-то рядом и тешит сердце, и отзывается болью...

Комната в доме напротив осветилась во тьме, словно падающая звезда в летнем небе. Он был ослеплён этим желтоватым светом, но не смог заглянуть внутрь комнаты, находившейся в паре десятков метров, на другой стороне улицы. Но зато теперь он точно знал, что девушка, Лора Хейтс, вернулась домой и должна была сейчас любоваться своим отражением в зеркале. Или она уже позволила себе упасть на кровать? Он знал это, так как он наблюдал за ней уже целую неделю. Он не оставлял её ни на секунду в течение этих семи дней, которые ему показались, к несчастью, слишком короткими. За это время он видел её во всех возможных видах: тепло укутанную, в лёгкой одежде, в коротких брючках, в ночной рубашке и – это было то, что ему нравилось больше всего – полностью обнажённую. Он восхищался её стройным силуэтом, таким красивым и притягательным. Сколько раз ему хотелось её? Он не считал, как не смог бы это сделать и в настоящее время.

Но он знал, что вечером, примерно в этот час, она поднималась в свою комнату, закрывала на ключ дверь, чтобы не дать своим родителям войти неожиданно, и начинала любоваться собой в зеркале, а потом бросалась на постель... Иногда она брала щётку для волос и подолгу причёсывалась – так же тщательно, как она это, вероятно, делала со своими куклами, будучи ещё ребёнком. Затем она медленно раздевалась, обходя комнату и позволяя видеть себя через окно. Она это делала для него. Она скидывала свою ночную рубашку и принималась читать под слабым светом ночника. А потом она гасила свет и закрывала глаза на всю оставшуюся ночь.

Наведя фокус на окно напротив, он заметил, что отблеск стал не таким ослепительным, а внутренняя часть комнаты чётко вырисовалась за линзой. Он смог увидеть свежеразобранную постель, которая нетерпеливо ожидала её. Затем, через очень тонкую штору, он смог ясно увидеть, как появился тонкий силуэт Лоры. Он мог её созерцать сверху вниз, буквально пожирая взглядом. И хотя она была ещё одета, он уже находил её очень возбуждающей. Оставалось лишь, чтобы она разделась – и он смог бы увековечить чудесное тело на фотографии. Благодаря своему суперсовременно-

му аппарату, он мог сделать великолепные крупные планы её тела манекенщицы, а потом прикрепить эти снимки над постелью в своей комнате, там, где уже висели другие фотографии. Это были изображения обнажённых девушек, которых он подстерегал уже без малого пять лет. И точно так же, как те девушки, в возрасте восемнадцати лет, Лора умрёт в этот вечер, сразу после того, как уснёт. Он столько ждал этого момента... Шла седьмая ночь...

Он увидел, как Лора прошла перед постелью, как она избавилась от своей белой рубашки, которая была наспех брошена на покрывало. Затем – он это очень чётко увидел – она сняла короткие чёрные брюки, которые тут же последовали за рубашкой. Эта униформа школьницы ей замечательно шла, жаль только, что надевала она её в последний раз. Она ей так прекрасно шла, впрочем, как и всем другим. Их было девятнадцать девушек, и он думал о них безостановочно. Одна девушка в три месяца, но не потому, что он так решил, а потому, что он в конечном итоге уступал непреодолимому желанию, которое его переполняло как раз по истечении этого периода.

Сейчас его намерение было сконцентрировано на окне второго этажа дома напротив. Там Лора уже избавилась от своего нижнего белья. Она сначала занялась верхом, затем деликатно сняла свои маленькие розово-фиолетовые штанишки, и всё это она делала такими приятными и такими нарочито медленными движениями. Словно она знала, что он здесь, что он на неё смотрит... В сущности, он знал, что она подарит ему своё тело, что она его любит, обожает... По-другому и быть не могло, ведь было же столько разных знаков, он же не мог ошибиться...

И тогда он почувствовал момент возбуждения, видя, как это тело его мечты предлагает ему себя. Он сделал крупный план с её маленькой и прелестной груди, затем спустился ниже... Первый снимок... Второй... Третий... Она очень красива – особенно этот её румянец во всю щёку, но, кажется, не от стыдливости. Она чертовски красива! Какие плечи, какие глаза, какое тело!

И вдруг он всем нутром почувствовал удовольствие, которое доставило бы ему её убийство. Да-да, он должен её убить, а сначала – изнасиловать...

Лора на той стороне улицы надела ночную рубашку, затем расчесала волосы. Оставалось только терпеливо ждать, чтобы она заснула...

Когда свет был погашен и комната погружилась в темноту, он проверил, что никто в доме не проснулся. Он не мог подвергнуться риску быть увиденным и даже услышанным. И хотя всё толкало его к тому, чтобы действовать незамедлительно, он всё же вынужден был подождать ещё какое-то время.

Он положил свой фотоаппарат на комод, схватил чёрную куртку, копию ключа от дома напротив, которую он искусно изготовил вчера во второй половине дня, и повернулся к постели в углу. Труп старой женщины, поджавшей ноги и скрючившей пальцы рук, покоился на покрывале. С ней всё получилось очень просто: не сумев получить безукоризненный вид на комнату Лоры Хейтс из другого места, он позвонил этой женщине, сочинив историю про бедного студента, которому нужно подготовиться к экзаменам, а потом возвратился, чтобы её убить и использовать комнату в эти семь последних дней. Кровь с тех пор свернулась, и ужасный запах, который вначале наполнил комнату, теперь скорее напоминал аромат сосновой смолы, перемешанный с запахами цветов. Точнее, он теперь походил на сладковатое благоухание вянущего папоротника...

Он вышел в тёмный коридор, спокойно спустился по лестнице и тихо прощупал карманы своей куртки, чтобы лишний раз убедиться, что нож там. Его любимым инструментом был нож с широким лезвием. Такой ещё называют ножом шеф-повара. Его важно регулярно затачивать или править, и он это делал примерно раз в две недели. А потом он брал лист бумаги и легко резал его на весу. Или начинал строгать карандаши. Очень острым был этот его нож! Вот и теперь он красиво сверкал серебром, отражая лунный свет...

Удовлетворённый ощущениями, он осторожно вышел на пустынную улицу. Надо было сделать ещё несколько шагов и войти. И всё началось бы: возбуждение, наслаждение...

Его руки дрожали, когда он вставил ключ в замок. Дверь слабо скрипнула в ночь, но это не помешало ему проникнуть в дом. Он быстро открыл дверь и вошёл в коридор, погружённый в полутьму. Свет шёл из соседней комнаты: родители Лоры ещё не спали.

Он поспешил к лестнице и поднялся по ступеням до двери комнаты, которая его интересовала. Он сюда уже входил однажды, и теперь отмечал каждую деталь, доставая её из самой глубины своей памяти. Каждая мелочь имела значение, и благодаря этому он мог прятаться среди теней и в тёмных углах, где никто не мог бы его заметить.

Первая проверка – запертый замок. Но это не было проблемой. Точнее, это было проблемой, но ненадолго.

Едва он успел спрятаться в шкаф, стоявший в стороне, на лестнице послышались быстрые шаги. Судя по звукам, лёгким и воздушным, речь могла идти только о женщине – о миссис Хейтс. Бинго! Она через пять секунд постучала в дверь своей дочери. Из её комнаты раздался шум – девушка пошла открывать.

– Что такое, мама?

– Мы с твоим отцом собираемся уехать – нас пригласили посетить Ночь му-

зеев. Это мероприятие проходит каждый год – все культурные учреждения с наступлением сумерек распахивают свои двери перед посетителями. Это очень круто, ты не находишь?

Лора улыбнулась.

– Очень круто, мама. Желаю вам хорошо провести время. За меня не беспокойтесь.

– Спокойной ночи, моя дорогая.

Мать обняла дочь и покинула лестничную площадку. К счастью, Лора не заперла свою дверь, оставив её приоткрытой. Сидя в шкафу, он чувствовал такое возбуждение, что должен был контролировать себя, чтобы не совершить грубый промах.

Он любил чувствовать свою власть и превосходство над себе подобными, показывать, что он победитель, – тогда жизнь казалась полноценной. Даже больше: власть давала ему ощущение, что он бог. И для самого себя он им и был. Ведь он мог решать, кому жить, а кому умирать...

Внизу раздался шум, сигнализирующий о приготовлениях родителей к отъезду. Он легко толкнул дверь и молча проник в тёмную комнату. Свет был уже погашен, Лора готовилась заснуть. Он закрыл створку двери и был счастлив, констатируя, что ключ оказался в замке. Он повернул его и спрятал в карман своих брюк. Слыша тихое дыхание девушки, он весь напрягся, и дрожь возбуждения пробежала у него по позвоночнику...

Минутой позже внизу снова послышался голос матери:

– Мы уехали, Лора. До завтра.

Ему захотелось рассмеяться от той простой мысли, что родители больше никогда не увидят свою дочь живой... Это было очень сильное ощущение – знать, что он один может решать, как всё будет. Решать здесь и сейчас, властвовать над судьбами, определять, кому жить, а кому умереть... Бедные родители, оставившие свою дочь в его руках...

Но мгновение спустя всё изменилось: свет у ночного столика вдруг зажёгся. Он в своём углу застыл, похолодев как сосулька, а Лора взяла мобильный телефон и начала набирать сообщение. Конечно, своему парню, чтобы он приехал к ней прямо сейчас...

Вот дерьмо!

Она ощутила его присутствие и перехватила его ледяной взгляд. Она подскочила от неожиданности и воскликнула:

– Крэйг... Но... Что ты делаешь там?

Он улыбнулся.

– Привет, Лора.

Она опустила телефон и оказалась в своей постели, уже под тёплым одеялом. Он засунул руку в карман.

– Как ты вошёл? – спросила она.

– Через дверь! – вновь улыбнулся он.

Она боялась, это было явственно написано на её лице. Внизу ещё слышал-

ся какой-то шум, он шёл с кухни. Родители пока не уехали. Она повернула голову к закрытой двери, затем устоялась на него. Перехватив его дьявольский взгляд, она поняла, что нужно закричать, но ни звука не вырвалось из её пересохших губ.

И она поспешила закончить эсэмэску Марку, своему парню.

– Что ты делаешь? – поинтересовался Крэйг, приближаясь к постели.

– Оставайся, там где ты стоишь, Крэйг. И вообще убирайся! Тебе нечего здесь делать, а то Марк не замедлит приехать, и тогда тебе...

вдвоём. И настоящее удовольствие могло наконец-то начаться.

– Ты знаешь, что ты очень красива в этот вечер... – зашептал он ей на ухо.

Она закрыла глаза и заплакала горячими слезами отчаяния. Она должна была, разумеется, подумать о Марке, о своих родителях...

Он не стал её связывать, он любил, чтобы девушки отбивались. Это было ещё более возбуждающе. Он вытащил свой нож, положил его как минимум на метр направо от постели, затем расстегнул брюки.

– Оставь меня!

страдающая... А эти её густые каштановые локоны... А эта бьющаяся жилка у неё на шее...

– Я – наблюдатель, Лора. И в этот вечер я здесь исключительно для тебя...

Его голос был хриплым и ужасным, но звуки стали для неё глухими и неотчётливыми. Свет слабел вокруг неё, она словно медленно тонула. Он снова поднял нож и ещё сильнее надавил ей на живот. Потом он выдернул нож, а она, задыхаясь, в полубессознательном состоянии прижала своё тело к его телу, испачкав его в своей крови. На её лице застыло выражение удивления. Но он не вскочил, увидев на

Тем временем глаза Лоры медленно повернулись в своих орбитах, и её веки опустились. Постель постепенно превращалась из белой в ярко-красную.

Минутой позже она уже больше не дышала. Всё было закончено. Его порыв был утолён, но ему уже хотелось начать всё с нуля.

Он отпрянул от её безжизненного тела и быстро оделся. Затем, не отводя от неё взгляда, он подобрал с пола брошенный телефон, валявшийся около двери. Послание, которое она написала несколькими минутами раньше, никак не касалось его присутствия здесь, и он решил

АЛЕКСАНДР КЛИЩЕНКО

– О нет! Лора, нет...

Он схватил её за руки и отбросил телефон на другой конец комнаты. Она хотела позвать на помощь, но он прыгнул на неё и прижал свою правую ладонь к её прелестным губам. Она начала отбиваться, а он лишь в очередной раз улыбнулся и принялся созерцать её грудь, показавшуюся из-под белой шёлковой ткани...

Она не носила никакого нижнего белья... Специально для него.

– Чёрт, Лора! Чёрт!

Удары коленей, локтей и кулаков сыпались на него, но он даже не моргал. Боль не доходила до него, так как он был в другом состоянии, он не мог страдать. Он лишь кое-как сумел понять, что она кричала. «Папа, мама... На помощь!» Но это было едва слышно, ведь он её хорошо придушил.

Моментом позже входная дверь внизу хлопнула, и они остались одни, только

– Заткнись!

– На помощь, помогите!

Он вцепился ей в званую пощёчину. Её голова ушла в подушку, а глаза готовы были выскочить из орбит. На её лице читался ужас. Он снова взял нож. Лезвие разорвало ткань платья, которое он легко вскрыл сверху вниз, чтобы обнажить всё тело, чтобы полюбоваться безупречной персиковой кожей. Такой манящей, такой распяляющей...

Он прошёл лезвием ножа по её брюшной полости. Он видел, как её живот затрясся, как её тело ещё больше углубилось в матрас, чтобы ускользнуть от того, чему он собирался её подвергнуть.

Она плакала, но ему было всё равно, потому что, в сущности, он знал, что она любит это...

Как же она красива! С ней было лучше, чем с другими. Удовольствие было интенсивнее, более опьяняющее. И она уже не отбивалась, такая слабая, такая

простыне большое красное пятно, которое запачкало, должно быть, и матрас. Эта тёплая жидкость подарила ему ощущение глубокого блаженства, и он снова улыбнулся. Он крепко обнял её, как он это всегда делал, но все девушки, которых он так обнимал, почему-то не ценили этого. Наверное, он не был одарён какой-то особой красотой, и его всегда отталкивали. Ведь душа недоступна зрению, слуху, осязанию, а люди всегда оценивают человека по тому, что доступно... А если человек маленького роста или внешне некрасив, то, чтобы завоевать своё место под солнцем, ему всегда приходится прикладывать больше усилий. Так устроен мир. Он несправедлив, и вокруг всё происходит совсем не так, как должно быть. Мир несправедлив всегда. Прекрасен, но несправедлив. В том смысле, что мир сам по себе – прекрасен, а вот мир людей – несправедлив... Он неправильный, он нечестный, он...

его отправить. Пусть этот её Марк приедет, и пусть потом выпутывается, объясняя полиции, что тут произошло. Он терпеливо подождал две длинные минуты, затем вложил телефон в её расслабленные пальцы и погасил свет.

– Это было великолепно, Лора, – прошептал он, прежде чем тихо исчезнуть в ночи.

Улица была пустынной, какой ей и следовало быть в столь позднее время. Он медленно шёл с улыбкой на устах и с восторгом во взгляде. Это был взгляд сумасшедшего, свойственный ему с юности, особенно когда он препарировал животных... А потом девушек...

И в ожидании следующего убийства он, как изголодавшаяся собака, кончиком языка облизал себе верхнюю губу и довольно потёр руки.

ПОДАРИТЕ
НЕИЗЛЕЧИМО БОЛЬНОМУ
ЧЕЛОВЕКУ

SMS, ЧТОБЫ НЕ БЫЛО БОЛЬНО

СУММА НА НОМЕР 9333

Специалисты хосписа помогут снять сильную боль
и вернуть неизлечимо больному
ощущение жизни

HOSPICEFUND.RU

фонд помощи
хосписам

Вера